

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2020 Том 11 № 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Научный журнал
Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Н.В. Новопасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Болдырев Николай Николаевич, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Карасик Владимир Ильич, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Российская Федерация)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика (Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика)* издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic/about>.

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

**Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 20.02.2020. Выход в свет 04.03.2020. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,05. Тираж 500 экз. Заказ № 20. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2020

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2020 VOLUME 11 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denisenko
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia Novospasskaya
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva
RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russian Federation)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Vladimir I. Karasik, Volgograd State Social Pedagogical University, Russian Federation

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russian Federation)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russian Federation)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, EBSCOhost.

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic/about>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Алёшин А.С., Зиновьева Е.И. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языков) 7
- Khukhuni G.T., Valuitseva I.I. (Mytishchi, Russian Federation), Osipova, A.A. (Moscow, Russian Federation) (Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. (Москва, Российская Федерация)).** The Temporal and Chronological Distance in Translations of Holy Writ: to Preserve or to Eliminate? («Пафос дистанции» при передаче Священного Писания: воспроизводить или снимать?)..... 22
- Denisenko V.N., Kalinina, N.S. (Moscow, Russian Federation) (Денисенко В.Н., Калинина Н.С. (Москва, Российская Федерация)).** Lexical Means of Verbalization of Uncertainty in the Arabic language on the example of Modern Best Sellers (Лексические средства вербализации неопределенности в арабском языке на примере современных бестселлеров)..... 36
- Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А. (Москва, Российская Федерация).** О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка..... 48
- Ryadchikova E.N. (Krasnodar, Russian Federation), Kadilina O.A. (Moscow, Russian Federation), Balyan A.M. (Krasnodar, Russian Federation). (Рядчикова Е.Н. (Краснодар, Российская Федерация), Кадилина О.А. (Москва, Российская Федерация), Бальян А.М. (Краснодар, Российская Федерация)).** Alice from the Tales of L. Carroll as a Character and Linguistic Personality (Алиса из сказок Л. Кэрролла как персонаж и как языковая личность) 64
- ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА**
- Tedj Ghomri (Bechar, Algeria), Mounya Souadkia (Moscow, Russian Federation) (Тедж Гомри (Бешар, Алжир), Саудкиа Мунья (Москва, Российская Федерация)).** An Analytical Study of Word-Order Patterns in Standard Arabic Simple Sentence (Аналитический подход к характеристике моделей порядка слов в стандартном арабском языке)..... 78
- Лунькова Л.Н., Букина Л.М. (Коломна, Российская Федерация).** Семантические англицизмы французского интернет-форума..... 92
- Пименова М.Вас., У Ляньлянь (Владимир, Российская Федерация).** Функционирование парных именованных в современном русском языке..... 102
- Filyasova Yu.A. (St. Petersburg, Russian Federation) (Филясова Ю.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация)).** A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles (Лингвистический анализ английских названий научных статей по нефтегазовой тематике) 120

CONTENTS

COGNITIVE RESEARCH

- Alyoshin A.S., Zinovyeva E.I. (St. Petersburg, Russian Federation).** A Cognitive Linguistic Study of Comparative Set Phrases in Russian and Swedish 7
- Khukhuni G.T., Valuitseva I.I. (Mytishchi, Russian Federation), Osipova, A.A. (Moscow, Russian Federation).** The Temporal and Chronological Distance in Translations of Holy Writ: to Preserve or to Eliminate? 22
- Denisenko V.N., Kalinina, N.S. (Moscow, Russian Federation).** Lexical Means of Verbalization of Uncertainty in the Arabic language on the example of Modern Best Sellers 36
- Demidova T.V., Soloveva T.M., Barov S.A. (Moscow, Russian Federation).** On the Cognitive-semantic Approach to the Study of Modern Chinese Language 48
- Ryadchikova E.N. (Krasnodar, Russian Federation), Kadilina O.A. (Moscow, Russian Federation), Balyan A.M. (Krasnodar, Russian Federation).** Alice from the Tales of L. Carroll as a Character and Linguistic Personality 64

FUNCTIONAL GRAMMAR AND SEMANTICS

- Tedj Ghomri (Bechar, Algeria), Mounya Souadkia (Moscow, Russian Federation).** An Analytical Study of Word-Order Patterns in Standard Arabic Simple Sentence 78
- Lunkova L.N., Bukina, L.M. (Kolomna, Russian Federation).** Semantic Anglicisms in French Internet Forum 92
- Pimenova M.Vas., Wu Lianlian (Vladimir, Russian Federation).** Functioning of Paired Naming in the Modern Russian language 102
- Filyasova Yu.A. (St. Petersburg, Russian Federation).** A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles 120

Когнитивные исследования Cognitive research

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21

УДК [811.161.1:811.113.6]373:165:82.09

Научная статья / Research article

Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языков)

А.С. Алёшин¹, Е.И. Зиновьева²

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»
проспект Большевиков, д. 22, корп. 1, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 193232

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
Университетская набережная, д. 11, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034

¹alexis001@mail.ru

²e.i.zinovieva@spbu.ru

В статье рассматривается лингвокогнитивный потенциал устойчивых выражений компаративной структуры на материале двух языков. Новизна исследования заключается в совместном рассмотрении двух групп фразеологизмов (устойчивых сравнений и паремий, эксплицитно или имплицитно вербализующих сравнение) и выявлении сходств и различий как между этими группами в каждом языке, так и отдельно устойчивых сравнений и паремий в русском и шведском языках. Объектом изучения послужили русские и шведские устойчивые сравнения, характеризующие умного и глупого человека, а также паремии компаративной структуры, выражающие оппозицию «ум — глупость». Целью исследования явилось выявление общих и национально-культурно обусловленных ментальных установок и эталонов сравнения. Источниками материала послужили словари русских устойчивых сравнений, сборник пословиц В.И. Даля, фразеологический словарь шведского языка и словари пословиц шведского языка. Приводится тематическая классификация эталонов устойчивых сравнений обоих языков с основаниями «глупый» и «умный». Выделяются структурные модели паремий тематической группы «ум — глупость», выражающих сравнение в обоих языках, описываются ментальные установки, вербализуемые этими единицами. В результате анализа делаются выводы о том, что в русском языке обнаруживается более тесная связь устойчивых сравнений и компаративных паремий, чем в шведском. В устойчивых сравнениях обоих язы-

© Алёшин А.С., Зиновьева Е.И., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ков преобладающей тематической группой эталонов являются зоонимы, различия заключаются в наличии в русских единицах эталонов, относящихся к хозяйственно-бытовой сфере и мифологемам. Шведские компаративные паремии структурно отличаются от русских. В русских паремиях выражаются идеи о том, что слишком прямой и простой человек глуп, глупый человек подобен ребенку, глупого от природы человека учить бесполезно, а в шведских выражается логико-философское сопоставление ума и глупости. В качестве национально-специфичных компонентов паремий в русском языке выступает обширный пласт хозяйственно-бытовой лексики, а в шведском языке — наименования старинных мер веса.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, паремия, эталон, ментальная установка, лингвокогнитивный аспект, компаративная структура

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2019

Дата приема в печать: 15.01.2020

Для цитирования:

Алёшин А.С., Зиновьева Е.И. Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 1. С. 7—21. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21

UDK [811.161.1:811.113.6]373:165:82.09

A Cognitive Linguistic Study of Comparative Set Phrases in Russian and Swedish

Alexey S. Alyoshin¹, Elena I. Zinovieva²

¹Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
“The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications”
prospect Bolshevikov, 22, bld. 1, St. Petersburg, Russian Federation, 193232

²Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State University”
11, University Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 199034

¹alexis001@mail.ru

²e.i.zinovieva@spbu.ru

This paper examines the linguistic-cognitive potential of comparative set phrases based on the material of two languages. The originality of the study lies in the consideration of two groups of phraseological units (fixed comparisons and paremiias that explicitly or implicitly verbalize comparisons) and the identification of similarities and differences both between these groups in each language and individually between Russian and Swedish. The object of study was Russian and Swedish fixed comparisons characterizing a smart and stupid person, as well as comparative paremia, expressing the opposition ‘intelligence-stupidity’. The aim of the study was to identify common and culturally conditioned mental attitudes and standards of comparison. The sources of material for study included dictionaries of Russian fixed comparisons, Vladimir Dal’s collection of proverbs, a phraseological dictionary of the Swedish language and dictionaries of Swedish proverbs. A thematic classification is offered of the standards of fixed comparisons with the bases ‘stupid’ and ‘smart’ in both languages. Structural models of the paremiias of the thematic group ‘intelligence-stupidity’, expressing a comparison in both languages, are highlighted; mental attitudes verbalized by these units are described. The study found that the Russian language has a closer relationship between units within set comparisons and comparative paremiias than in Swedish. In both languages, zoonyms are the predominant thematic group of standards. The differences include the presence in the Russian units of standards related to the household sphere and mythologems. Swedish comparative paremiias

are structurally different from Russian ones. While Russian paremias express the ideas that an excessively direct and simple person is stupid; a stupid person is like a child; and it is useless to teach a person stupid by nature, Swedish units offer a logical and philosophical comparison of intelligence and stupidity. The culture-specific components of Russian paremias include a large body of household vocabulary while words denoting old measures of weight serve the same function in Swedish.

Key words: fixed comparison, paremia, standard of comparison, mental attitude, cognitive linguistic aspect, comparative structure

Article history:

Received: 01.12.2019

Accepted: 15.01.2020

For citation:

Alyoshin A.S. & Zinovieva E.I. (2020). A Cognitive Linguistic Study of Comparative Set Phrases in Russian and Swedish. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 7—21. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21

Введение

Под устойчивыми выражениями в данной статье понимаются воспроизводимые сочетания двух и более знаменательных или служебных слов номинативного или коммуникативного характера, обладающие семантической и структурной стабильностью. Устойчивыми выражениями компаративной структуры являются два разряда подобных единиц: компаративные фразеологизмы (или «устойчивые сравнения» в терминологии отечественной лингвистики) и определенные группы паремий. Устойчивые сравнения (далее — УС), безусловно, составляют ядро рассматриваемого объединения, поскольку модель их построения является эксплицитно компаративной у всего разряда данных единиц: логическая формула сравнения имеет следующий вид: А — С — В, где А — субъект сравнения (то, что сравнивается), В — объект сравнения (то, с чем сравнивается), С — основание (признак) сравнения. Конкретные языковые реализации логической модели компарации также свидетельствуют о наличии формальной и семантической регулярности в построении УС. Ср. сходство следующих УС, обусловленное денотативной ситуацией, одинаково подмеченной разноязычными народами: швед. *darra som ett asplöv*, рус. *дрожать как осиновый лист*, болгар. *треперя като <есенен> лист*, чеш. *trese se jako osikovy list*, англ. *quake (quiver, shake, tremble) like aspen leaf*, нем. *zittern wie Espenlaub*, ит. *tremare come una foglia*, исп. *temblar como una hoja (la hoja de un arbol)*, фр. *trembler comme la (une) feuille* [примеры из 1. С. 56].

Сравнение — это образное средство языка. Его «сущность состоит в сопоставлении двух или нескольких предметов, явлений, действий, имеющих близкие признаки» [2. С. 5]. Образность и яркость «позволяет предпочесть экономное и точное сравнение длинному и расплывчатому описанию» [3. С. 3]. По В.Н. Телия, устойчивые сравнения — это система образно-эталонов [4. С. 241—242]. Э. Шёльдберг применительно к устойчивым сравнениям использует термин «конвенциализированные сравнения», понимая под ними относительно фиксированные многословные сочетания, принятые в определенной языковой общности, которые используются для того, чтобы

эксплицитно выразить сравнение между двумя областями. Сравнение между этими двумя областями осуществляется в шведском языке при помощи сравнительного союза *som*. Этим сравнение отличается от метафоры, где сравнение выражено имплицитно [5. С. 363].

В данном исследовании мы рассматриваем устойчивое сравнение, прежде всего, как устойчивое сочетание, представляющее собой образное средство языка (фигуру речи), которое «обычно является результатом многовекового употребления» [6. С. 4—5], один из способов оценки и осмысления окружающей нас действительности, основанный «на сопоставлении двух предметов или явлений для более точного, образного описания одного из них» [7. С. 229]. И поскольку через сравнение передается оценка, отношение к тому или иному предмету или явлению, оно обладает экспрессивностью. Следует также добавить, что устойчивые сравнения, как и другие образные средства языка, основаны на ассоциациях и образном видении окружающей действительности.

УС свойственны следующие 4 признака фразеологизма из выделенных В.М. Мокиенко [8. С. 1]: 1) *воспроизводимость* — «это регулярная повторяемость, возобновляемость в речи языковых единиц разной степени сложности, т.е. неоднородных, разнокачественных образов» [9. С. 5]. УС воспроизводимы из поколения в поколение. 2) *Устойчивость* — «относительно стабильное употребление сочетания слов». Компонентный состав УС относительно стабилен. 3) *Экспрессивность*. Экспрессивность УС — их имманентное свойство, вследствие чего они функционируют в языке именно как единицы, выполняющие прагматическую функцию, то есть функцию речевого воздействия на адресата речи. Это воздействие влияет на формирование ценностных представлений о предмете речи, формирует знание об условиях речи (ее «стиле»). 4) *Раздельнооформленность*.

Что касается паремий, то их лингвистический статус является еще более дискуссионным, чем статус УС. Актуальность этой темы в современном языкознании обусловлена «возможностью самого широкого взгляда на определение паремии — от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста» [10. С. 9]. Современными исследователями паремии рассматриваются как часть фразеологии в культурологическом, системно-структурном и когнитивно-прагматическом аспектах [11. С. 36]. Пословицы, по мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, — это «фразеологизмы со структурой предложения» [12. С. 69]. По образному выражению М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной и В.М. Мокиенко, пословица — это упаковка опыта [11. С. 36]. М.А. Бредис выделяет такие признаки пословицы, как *общеупотребительность, традиционность, обобщающий характер, поучительность, афористичность, диалогичность* [13. С. 76—83]. Если пословица — это всегда суждение, обобщенная модель типовой ситуации, то поговорка — это выражение, применимое к конкретному случаю, факту, это выражение оценочно. Поговорки некоторыми исследователями относятся к идиомам [например, 14. С. 5].

Таким образом, и УС, и паремии можно отнести к фразеологизмам в широком понимании термина, что позволяет рассматривать эти языковые единицы вместе.

Паремии могут иметь эксплицитно и имплицитно выраженные признаки сравнения. Эксплицитно выраженная компаративная структура паремий вербализуется за счет союзов *как, что* в русском языке и союза *som* в шведском языке, за счет включения в состав единиц прилагательных и наречий в сравнительной степени, усилительных предлогов в обоих языках [см. подробнее 15].

В шведской и, шире, скандинавской лингвистике пословицы все чаще становятся объектом внимания в современных фразеологических исследованиях. Из актуальных работ, посвященных общим вопросам скандинавской паремиологии, а также истории шведской паремиографии, можно назвать исследования Э. Шёльдберг, Д. Андерссона, П. Хакамиеса, Х. Харальдссона и К. Жукова [16; 17; 18; 19; 20].

Одним из актуальных направлений современных фразеологических исследований является сопоставительное [например, 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32]. Сопоставительный аспект изучения фразеологизмов предполагает выявление общего и национально-культурно обусловленного в единицах разных языков. Результативными в этих целях, на наш взгляд, являются лингвокогнитивные исследования, которые обращаются «к языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [33. С. 11]. В российской когнитивной лингвистике выделяются два основных подхода: лингвокогнитивный и лингвокультурный. На наш взгляд, лингвокультурный подход отличается тем, что больше внимания уделяет национальной специфике представления структур знаний, акцентируя лингвокультурные различия. В данном исследовании нас интересует семантико-когнитивный потенциал русских и шведских компаративных фразеологизмов и паремий компаративной структуры тематической группы, вербализующих оппозицию «ум — глупость». При этом объектом внимания являются как общие ментальные механизмы, так и культурно обусловленные. Цель статьи — выявить общие и культурно-специфические ментальные установки и эталоны сравнения для русских и шведских устойчивых выражений компаративной структуры. Материалом исследования послужили словари устойчивых сравнений русского языка [2; 3], сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля [34], фразеологический словарь шведского языка [35], словари пословиц шведского языка [36; 37], результаты анкетирования носителей языка. В исследовании используются методы сплошной и направленной выборки материала, лингвокогнитивного и сопоставительного анализа.

Материалы и результаты исследования

Устойчивые сравнения русского и шведского языков

УС русского языка характеризуют умного и глупого человека, при этом количественно преобладают сравнения, характеризующие глупого человека.

Можно выделить следующие тематические группы эталонов русских УС, характеризующих глупого человека: зоонимы и их части — *баран, гусь, сивый мерин, осел, индейский петух, осетровая башка*; наименования бытовых реалий — *лапоть, (сибирский) валенок, штопор, пробка, сибирский туес*; лексика,

номинирующая дерево и разные его части (фитонимы) — *бревно, полено, пень, чурбан (чурбак, чурка), дуб* и соматизмы: *пятка* и *бабий пуп*.

Опрос носителей русского языка выявил также и другие эталоны из сферы бытовой лексики, не зафиксированные словарями: *матрёшка* и *табуретка*. Информанты отметили, что данные эталоны употребляются только применительно к женщине.

Результаты анкетирования позволили выделить еще одну группу УС, не зафиксированную словарями, с эталонами-наименованиями лиц: *глупый как неандерталец, глупа как блондинка* и *глупый как младенец*.

УС, характеризующих умного, мудрого человека, немного: *умный как бес; умный как черт; умный как дьявол; мудрый как змий/змея; мудрый как Соломон*. Эталоны этих сравнений представляют собой мифологемы и имя собственное — библеизм, восходящие к христианской религии.

В шведском языке глупого, примитивного, интеллектуально ограниченного человека характеризуют следующие УС: *ngn är dum som en gås* (кто-л. глупый как гусь), *ngn är dum som ett/en spån* (кто-л. глупый как опилки), *ngn är lika dum som gud är vis* (кто-л. настолько глупый, насколько Бог мудрый), *ngn är dum som en flundra* (кто-л. глупый как камбала), *ngn är dum som en kalv* (кто-л. глупый как теленок), *ngn är dum som en ko* (кто-л. глупый как корова), *ngn är menlös som en duva* (кто-л. глупый как голубь), *ngn är trög som en oxe* (кто-л. медленно думающий как бык).

Эталоны шведских УС, дающих характеристику глупому человеку, распределяются по следующим тематическим группам: зоонимы: *гусь, камбала, теленок, корова, голубь, бык* и наименования бытовых реалий: *опилки*.

УС, характеризующих очень умного, мудрого человека, в шведском языке, как и в русском, немного: *ngn är klok som en pudel* (кто-л. умный как пудель), *ngn är klok som en uggle* (кто-л. умный (мудрый) как сова), *ngn är klok som en ort* (кто-л. умный как змея). Все эталоны данной идеографической группы представляют собой зоонимы.

Таким образом, общими, наиболее универсальными эталонами для двух языков являются зоонимы. Национальная специфика проявляется в конкретных реалиях, выбираемых в качестве эталонов сравнения.

Паремии русского и шведского языков

Паремии компаративной структуры тематической группы «Ум — Глупость» в русском и в шведском языках можно разделить на те, в которых сравнение выражено эксплицитно — союзом, сравнительной степенью прилагательного или наречия, и имплицитно — логическими приемами противопоставления, тождества и др.

Сравнения в русских паремиях

1. Среди паремий, вербализующих оппозицию «ум — глупость», собранных В.И. Далем, выделяются единицы, близкие по структуре к УС, но имеющие в своем составе союз «что»: например, *недозрелый умок, что вешний ледок*. Эти единицы характеризуют в том числе и слишком простого или прямого человека, такие свойства личности приравниваются народной мудростью к глупости: *прямой, что дурной (глупый); проста, что с большого ума; мужик простой*

как кисель густой. Обращает на себя внимание ироническая единица: умница — как попова (как пестрая курица).

2. УС могут быть включены в состав паремии как ее первая часть, смысл сравнения поясняется во второй части паремии: *Умный, что староста губный: всяк его боится; Малый, что глупый: что видит, то и бредит; Дума, что борода: лишняя тягота; Дурак, что мутовка: куда ни поверни, а сук наперед; Дурак, что мутовка: куда выросла рогуля, туда и торчит*. См. также ироничную паремию: *Умен, как поп Семен: книги продал, а карты купил*. Ментальными установками данных паремий являются следующие: умных людей опасаются; глупый человек, как маленький ребенок, говорит то, что думает; мысли отягощают; глупого человека сразу видно.

3. Паремии с союзом «что», вербализующие идею о том, что глупого человека (дурака) учить бесполезно: *Дурака учить — что мертвого лечить; Дурака учить, что на воде писать*; с инверсией: *Что в утлый мех воду лить, то безумного уму-разуму учить*. Эта идея может быть выражена и путем противопоставления: *Дырявого меха не надуть, а безумного не научить*. Ср. эту же ментальную установку, выраженную бессоюзным способом: *Неразумного учить — в бездонную кадку воду лить; Дурака учить (с дураком говорить) — решетом воду носить*. Та же идея может быть выражена и путем отождествления двух разных ситуаций: *Тупо сковано — не наточишь; глупо рожено — не научишь*.

4. Паремии с противительным союзом «а» («да»). Это самый объемный разряд единиц в русском материале. По данной модели построены паремии, противопоставляющие глупого и умного человека: *Глупый киснет, а умный все промыслит; Глупый осудит, а умный рассудит; Умный на суд не ходит, а дурень с суда не сходит; Глупый ищет большого места, а умного и в углу знает; Умный любит учиться, а дурак учить, Умный плачет, а глупый скачет* и др. Противопоставляются (сравниваются) также размер частей тела (прежде всего головы) и количество ума: *Голова с пивной котел, а ума (мозгу) ни ложки; Голова с лукошко, а мозгу ни крошки; Мозговина (голова) с короб, а ума с орех; Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего; Лоб широк, да мозгу мало*. Ср. также: *Нос с локоть, а ума с ноготь*. Наличие растительности (на голове и на лице у мужчины) и наличие ума: *На голове густо, а в голове пусто; Под носом взросло, а в голове и не посеяно; Борода выросла, а ума не вынесла; Борода с ворота, а ума с прикалиток нет; Борода с воз, а ума с накопильник нету*. Возраст человека и его интеллектуальные способности: *Летами ушел, а умом не дошел; Вырасти вырос, а ума не вынес; С лешего (с черта) вырос, а ума-то не вынес; До лысины дожил, а ума не нажил; До сумета (могилы) дожил, а ума не нажил; Во всех годах, да не во всех умах*. Возможна и обратная ситуация: *Стар годами, да молод умом*. Поведение дома и вне дома: *Дома пан, а в людях болван; Дома не так, а в людях дурак*. Выделяются гендерно ориентированные паремии, негативно характеризующие женщин: *Личико беленько, да ума маленько; Собой-то краля, а умом-то фаля; Волос долог, да ум короток (у бабы); Волосу многонько, а разуму маленько*. В этих единицах противопоставляются красивая внешность, длинные волосы, белый цвет лица, с одной стороны, и не-

достаток ума, с другой. Кроме того, паремии подчеркивают, что наличие ума не обуславливает наличие достатка: *Умен, да карман не ядрен; Разуму много, да денег нет*. Но наличествует и противоположная установка: *Нет в голове, нет и в мошне*.

5. Бессоюзное противопоставление с биномом *умен — глуп*. Данная структура свойственна гендерно ориентированным пословицам, касающимся мужчин в ситуации употребления алкогольных напитков: *Мужик умен — пить волен; мужик глуп — пропьет и тулуп; Пьян да умен, два угодыя в нем; пьян да глуп, больше бьют*.

6. Паремии, построенные по модели: «без чего-либо что-либо — что-либо»: *Без ума голова — шельга* (или: *шебала*); *Без ума голова — пивной котел* (*кочка, лукошко* и пр.). В данном случае присутствует свернутое сравнение (метафора).

7. Паремии, построенные по модели «с умом осуществлять положительно оцениваемое действие, без ума — отрицательно оцениваемое»: *С умом торговать, без ума горевать; Без ума суму таскать, а с умом деньги считать; С умом собину нажить, а без ума все растерять; С умом суму кроить, а без ума — только кожу травить; С умом пьют, а без ума и трезвых бьют*. Но нужно отметить, что данная ментальная установка амбивалентна, ср., например: *С умом жить — мучиться, а без ума жить — тешиться*.

Таким образом, в русских паремиях компаративной структуры могут эксплицитно присутствовать сравнения: самостоятельно, как отдельный разряд паремийных единиц; и как первая часть паремии, вторая часть которой разъясняет первую. В паремиях, как и в УС, глупого человека сравнивают с ребенком (младенцем). Если в современных УС русского языка эталоном глупости является блондинка, то в паремиях в уме отказывают женскому полу в целом, всем, кто имеет белый цвет лица, красив собой и носит длинные волосы. Как и в составе русских УС, так и в составе паремий имеются иронические единицы, план выражения которых антонимичен плану содержания: *умница — как попова (как пестрая курица); Умен, как поп Семен: книги продал, а карты купил*.

В русских паремиях выражаются такие ментальные установки, как то, что слишком прямой и простой человек — глуп; умных людей опасаются; глупый человек, как маленький ребенок, говорит то, что думает; мысли отягощают; глупого человека сразу видно; глупого от природы человека учить бесполезно. Взрослый (и пожилой) возраст, признаками которого являются борода, усы, лысина, не гарантирует наличия ума. Наличие ума, в свою очередь, не является гарантией материального достатка. Однако некоторые ментальные установки в русских паремиях амбивалентны. Ум измеряется в русской пословичной картине мира количественно, мерой служат ложка, орех, ноготь, крошка. Голова является вместилищем ума. Метафорически эта часть тела отождествляется с пивным котлом, кочкой, лукошком и т.п.

Сравнения в шведских паремиях

Единицы, полученные путем выборки материала из словарей шведских пословиц, можно разделить на следующие группы.

1. Наиболее объемную группу составляют паремии, построенные по модели "Bättre ngt än ngt" («Лучше что-то, чем что-то»): *Bättre ett kvintin lycka än ett*

skålpund vett (Лучше квинтин счастья, чем фунт разума), *Ett kvintin förnuft är bättre än en centner lärdom* (Квинтин разума лучше, чем центнер учености), *Bättre förtänksam än efterklok* («Лучше осторожный, чем задним умом крепкий»), *Bättre låna sina kläder till en dåre än till en naken (dåren förkastar dem, den nakne behåller dem)* (Лучше одолжить свою одежду дураку, чем голому (глупый откажется, голый возьмет)), *Bättre olärd och klok än lärd och en tok* (Лучше неученый и умный, чем ученый и дурак), *Bättre tadlas av en klok än smickras av en tok* (Лучше слышать упреки умного, чем лесть дурака), *Bättre vis dåre än dåraktig vis* (Лучше мудрый дурак, чем глупый мудрец). С точки зрения ментальных установок в этой группе паремий, безусловно, прослеживается утверждение превосходства умного над глупым путем их прямого сравнения, однако особо подчеркивается необходимость наличия у человека настоящего ума и разума, а не показного, и не формальной учености. Однако даже настоящие ум и разум уступают в ценностной градации счастью. В пословице, выражающей данную установку, в качестве образных средств сравнения используются старинные меры веса в Швеции — квинтин (3,3 г) и фунт (0,4 кг).

2. В отдельную группу можно выделить компаративные паремии, построенные с помощью сравнительных степеней прилагательных и наречий: *En dåre kan fråga mer än tio visa kan svara* (Один дурак может задать вопросов больше, чем десять мудрецов могут ответить), *Lättare döljer en vis sin visdom än en dåre sin dårskap* (Легче мудрецу скрыть свою мудрость, чем дураку свою глупость), *Att erkänna sina dårskaper är svårare än att göra dem* (Признать свои глупости сложнее, чем делать их), *Många kloka ord säges på skämt och ändå flera dumheter på allvar* (Много умных слов говорится в шутку, но еще больше глупостей всерьез). В данных паремиях акцент делается на невозможности глупого человека скрыть свою глупость, а также на его неспособности ее признать.

3. Паремии, основанные на конструкции «Что-то — это что-то»: *Dårar är de visas spegel* (Дураки — зеркало умных), *Andras dårskap är den klokes visdom* (Глупость других — мудрость умного), *Inbillad klokhet är dårskap* (Воображаемый ум — это глупость). Сравнение представлено здесь в виде прямого отождествления. Основной идеей, выражаемой единицами данного разряда, является определенная взаимосвязанность ума и глупости, умных и глупых, амбивалентность ума и глупости.

4. Паремии, противопоставляющие ум, разум и глупость другим чувствам и состояниям: *Dumhet och stolthet växer på samma träd* (Глупость и гордость растут на одном дереве), *Liten förstånd stor lycka* (Маленький разум, большое счастье), *Kloket övervinner styrka* (Ум побеждает силу), *Där förståndet slutar, tar hatet vid* (Где заканчивается разум, начинается ненависть). В данных паремиях сравнение присутствует имплицитно, не имея формального выражения. Здесь наблюдается двойственность установок, весьма характерная для пословиц — с одной стороны, ум побеждает силу, но с другой стороны, человек, знающий и понимающий мало, может быть счастливее других.

5. Паремии, подчеркивающие исключительность кого-либо в сравнении со всеми остальными: *Ingen är så klok som en gammal elefanthona* (Никто так не умен, как старая слониха), *Bättre börda bär ingen med sig än mycket mannavett*

(Никто не несет лучшего груза, чем жизненная мудрость). Первая из названных единиц, очевидно, является шутливой, что отчасти подчеркивается таким нетипичным для шведского языкового сознания эталоном сравнения, как *старая слониха*. Вторая единица пришла в шведский язык из Старшей Эдды — одного из самых известных памятников древнеисландской литературы, являющегося общескандинавским культурным достоянием. В песне под названием «Речи Высокого» говорится: ”því at óbrigðra vin fær maðr aldregi en mannvit mikit” (Ибо нет на земле надежнее друга, чем мудрость житейская — пер. А.И. Корзуна).

6. Определенное сходство с русскими аналогами, как по структуре, так и по значению, обнаруживают паремии, имеющие в составе соматизмы: *Förståndet sitter i huvudet och inte i skägget* (Разум сидит в голове, а не в бороде), *Klok huvud gör trång mun* (Умная голова делает рот узким). Первая из названных единиц подчеркивает ту же установку, что и такие русские единицы, как *Борода выросла, а ума не вынесла; Борода с ворота, а ума с прикалиток нет; Борода с воз, а ума с накопильник нету*. Однако данная группа является очень малочисленной по сравнению с аналогичной группой русских паремий. Следует отметить, что в шведских единицах отсутствует какая-либо гендерная маркированность паремий рассматриваемого разряда.

Среди проанализированных шведских паремий можно выделить только одну единицу, имеющую прямую связь по структуре и значению с устойчивыми сравнениями: *Så är att giva dårar råd som att slå vatten på en gås* (Давать дуракам советы — как поливать водой гуся). В шведском языке имеется УС *ngt är som att hålla vatten på en gås* (что-л. как лить воду на гуся) со значением «не получать никакой реакции от объекта воздействия». Представляется, что этот образ, весьма распространенный в языке и имеющий общеизвестный русский аналог *как с гуся вода*, используется и в пословице, и в УС для выражения общего значения бессмысленности действия.

Выводы и обобщения

Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что для УС обоих языков универсальной и самой многочисленной тематической группой эталонов сравнения являются зоонимы. Можно предположить, что веками наблюдая за домашними животными, такими, например, как бык и осел, люди видели, сколько им приходится трудиться. Отсюда формировался стереотип: все, что превышает норму, ничем не компенсируется, является глупым. Наименования домашних птиц — гусь, индюк и др. в качестве эталонов глупости мотивированы, вероятно, представлением о том, что эти птицы живут, питаются, ни о чем не думают и не знают, что в скором будущем послужат пищей для людей. Мотивированными можно считать УС с эталонами-наименованиями неодушевленных объектов в целом (все хозяйственно-бытовые реалии по определению лишены ума, как свойства, присущего субъектам, выраженным одушевленными существительными). Для русских в целом очень типичным является выбор «деревянной» тематики эталонов УС. Интересно, что если эталонами умного (мудрого) человека в русском языке являются мифологемы и имя исторического персонажа, восходящее к Библии, то для шведского языкового сознания — это такие живот-

ные, как сова (в русской культуре эта птица тоже является символом мудрости, но эталоном УС ее наименование не стало), змея и название породы собак — пудель. Опрос носителей шведского языка показал, что владельцы собак, действительно, считают пуделей умными животными. Кроме того, в русском языке существуют иронические УС, значение которых антонимично основанию сравнения, например *вумный как утка*, т.е. «очень глупый». На выбор эталона сравнения влияют такие факторы, как традиционная бытовая культура, география страны (не случайно выбираются разные животные — *камбала* или *индейский петух*, например).

Шведские компаративные паремии, вербализующие рассматриваемую оппозицию, отличаются от русских по своей структуре. Сравнение в шведских паремиях почти не выражается с помощью сравнительного союза *som* (как). В большинстве паремий сравнения формально выражаются сравнительной степенью прилагательного в сочетании с союзом *än* (чем). Однако, как и в русском языке, эксплицитная представленность сравнения в шведских паремиях также имеет место. В русских и шведских паремиях рассматриваемого разряда совпадают такие ментальные установки, как то, что глупый человек резко выделяется на общем фоне в худшую сторону, возраст не гарантирует наличие ума, а также двойственность, присутствующая в оценке ума.

В русском языке обнаруживается более тесная связь УС и компаративных паремий, чем в шведском, как в структуре, так и в ментальных установках и в эталонах сравнения. В русских паремиях, как и в УС, присутствуют наименования хозяйственно-бытовых реалий (*кисель, мутовка, мех, кадка, решето, пивной котел, лукошко, короб, тулуп, прикалиток* и др.), не представленные в шведских паремиях. В шведских же единицах центральное место занимает логико-философское сопоставление ума и глупости, дурака и мудреца, их характеристик и совершаемых ими действий. В качестве национально-специфичных компонентов паремий в шведском языке выступают наименования старинных мер веса, прослеживается влияние древнескандинавской литературной традиции.

Результаты исследования можно использовать в практике преподавания русского и шведского языков в иноязычной аудитории, при чтении лекционных курсов по лингвокультурологии и страноведению, а также при составлении фразеологических словарей.

Библиографический список

1. *Солодухо Э.М.* Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп). Казань, 1989.
2. *Огольцев В.М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2001.
3. *Мокиенко В.М.* Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
5. *Sköldberg E.* Bland nötkärnor, fyrbåkar och skällade råttor. Om konventionaliserade liknelser i svenskan // *Meijerbergs arkiv för svensk ordforskning. Festskrift till Bo Ralph.* Göteborg, 2010. P. 363—371.
6. *Лебедева Л.А.* Введение // *Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь.* Краснодар, 2003. С. 3—11.

7. *Русова Н.Ю.* От аллегии до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М., 2004.
8. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1980.
9. *Жуков В.П.* Русская фразеология. М., 1986.
10. *Мокиенко В.М.* Аспекты исследования славянской паремиологии // *Паремиология в дискурсе. Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / под ред. О.В. Ломакиной.* М., 2015. С. 4—25.
11. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. no 3. С. 34—41.
12. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Аспекты теории фразеологии. М., 2008.
13. *Бредис М.А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб., 2019.
14. *Мокиенко, В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.* Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
15. *Алёшин А.С., Зиновьева Е.И.* Концепт «Сравнение» и его вербализация в паремиях (на материале русского и шведского языков) // *Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей.* Гомель, 2019. С. 107—110.
16. *Sköldberg E.* Arvet efter Grubb. Om struktur och innehåll i svenska ordspråkssamlingar genom tiderna // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. P. 121—145.
17. *Andersson D.* Dagens ordspråksforskning — och framtiden. En diskussion med utgångspunkt i Proverbium 2007 —2011 // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. P. 33—45.
18. *Hakamies P.* Ordspråk som strukturerad kunskap. Ett kognitivt perspektiv // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. P. 69—79.
19. *Haraldsson H.* Ordspråk, andre idiommer och bevingede ord. Ordspråkskategoriernes flytende grenser // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. S. 79—87.
20. *Zhukov K.* Ryska och svenska ordspråk som språkliga enheter och som representanter för kultur // *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011.* Uppsala, 2014. P. 145—151.
21. *Балонкина О.В.* Лингвокультурная значимость имени первостихии вода в составе русских и английских фразеологизмов // *Вестник. Томского гос. университета.* 2017. no 423. С. 5—14. DOI: 10.17223/15617793/423/1.
22. *Диас Ферреро А.М., Керо Хервилья Э.Ф.* Анализ паремий, выражающих негативную оценку женщины в русском и португальском языках // *Вестник. Томского гос. университета. Филология.* 2018. no 54. С. 42—58.
23. *Кузнецова И.В.* Biblical phraseology and language game // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 2012. no 57(1). С. 127—141. DOI: 10.1556/SSlav.57.2012.1.7.
24. *Кузнецова И.В.* Персонажи Книги книг в сравнениях белорусов и украинцев (на фоне других языков) // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 2016. no 61(2). С. 345—361. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.7.
25. *Кулик А.Э.* Национально-культурная специфика русских и корейских устойчивых сравнений // *Русский язык за рубежом.* 2012. no 5. С. 58—64.
26. *Kovzele O., Korolova J.* Comparisons with the component designating human's profession and occupation (based on Latvian and Russian material) // *4-th International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018.* 24—30 August. Albena, 2017. С. 645—643.
27. *Бредис М.А.* Бережливость и скупость в паремиях (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2016. no 1. С. 131—138.

28. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне украинского и русского языков // Русин. 2016. по 3 (45). С. 119—128. DOI: 10.17223/18572685/45/9.
29. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне русского и украинского языков) // Русин. 2018. по 4 (54). С. 303—317. DOI: 7223/15617793/447/7.
30. Ма Сяньфэй. Вербализация стереотипных представлений о дожде в русском и китайском языках (на примере устойчивых выражений) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. по 4. С. 128—135.
31. Нелюбова Н.Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. 2019. Вып. 6. С. 50—59. DOI: 10.20339 / PhS.6—19/050.
32. Николаева Е.И., Селиверстова Е.И. Представление о крепком сне в славянских языках (на материале устойчивых сравнений) // *Studia Slavica*. Budapest, 2016. P. 325—343. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.6.
33. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. по 1. С. 6—17.
34. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник в двух томах. Т. 1. М., 1984.
35. *Svenskt språkbruk. Ordbok över konstruktioner och fraser*. Stockholm: Norstedts, 2003.
36. *Holm P. Ordspråk och talesätt med förklaringar*. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1971.
37. *Åberg G. Ordspråk, ordstäv och talesätt*. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1997.

References

1. Soloduhu, E.M. (1989). *Theory of phraseological convergence: a study of sources from the languages of the Slavic, Germanic and Romance groups*. Kazan. (In Russ.).
2. Ogol'tsev, V.M. (2001). *Dictionary of steady comparisons of the Russian language*. Moscow: AST, Astrel, Russian Dictionaries. (In Russ.).
3. Mokienko, V.M. (2003). *Dictionary of comparisons of the Russian language*. St. Petersburg: Norint. (In Russ.).
4. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow. (In Russ.).
5. Sköldberg, E. (2010). Bland nötkärnor, fyrbåkar och skällade råttor. Om konventionaliserade liknelser i svenskan In *Meijerbergs arkiv för svensk ordforskning. Festskrift till Bo Ralph*. Göteborg. pp. 363—371. (In Swedish).
6. Lebedeva, L.A. (2003). Introduction In *Sustainable comparisons of the Russian language: A brief thematic dictionary*. Krasnodar. pp. 3—11. (In Russ.).
7. Rusova, N.I. (2004). From allegory to iamb: a terminological dictionary of thesaurus on literary criticism. Moscow. (In Russ.).
8. Mokienko, V.M. (1980). *Slavic phraseology*. Moscow. (In Russ.).
9. Zhukov, V.P. (1986). *Russian phraseology*. Moscow. (In Russ.).
10. Mokienko, V.M. (2015). Aspects of the study of Slavic paremiology In *Paremiology in discourse. General and applied issues of paremiology. The proverb in discourse and in text. The proverb and language picture of the world*, O.V. Lomakina (Ed.). Moscow. pp. 4—25. (In Russ.).
11. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). The proverb in modern linguistics: definition, status, functioning, *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 3, 34—41. (In Russ.).
12. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (2008). Aspects of the theory of phraseology. Moscow. (In Russ.).
13. Bredis, M.A. (2019). *Man and money: Essays on Russian proverbs and more*. St Petersburg. (In Russ.).
14. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs*. Moscow. (In Russ.).

15. Aleshin, A.S. & Zinovieva, E.I. (2019). The concept of comparison and its verbalization in paremias: a study of the Russian and Swedish languages). In *Slavic linguistic cultures in the spatial and temporal continuum: a collection of academic articles*. Gomel. pp. 107—110. (In Russ.).
16. Sköldberg, E. (2011). Arvet efter Grubb. Om struktur och innehåll i svenska ordspråks-samlingar genom tiderna In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 121—145. (In Swedish).
17. Andersson, D. (2014). Dagens ordspråksforskning — och framtiden. En diskussion med utgångspunkt i Proverbium 2007—2011 In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 33—45. (In Swedish).
18. Hakamies, P. (2014). Ordspråk som strukturerad kunskap. Ett kognitivt perspektiv In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 69—79. (In Swedish).
19. Haraldsson, H. (2014). Ordspråk, andre idiomer och bevingede ord. Ordspråkskategoriernes flytende grenser In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 79—87. (In Swedish).
20. Zhukov, K. (2014). Ryska och svenska ordspråk som språkliga enheter och som representanter för kultur In *Aspekter på ordspråk. Föredrag vid ett symposium i Uppsala 27—28 april 2011*. Uppsala. pp. 145—151. (In Swedish).
21. Balonkina, O.V. (2017). Linguocultural significance of the name of the primordial element ‘water’ as part of Russian and English phraseological units, *Tomsk State University Journal*, 423, 5—14. DOI: 10.17223 / 15617793/423/1. (In Russ.).
22. Diaz Ferrero, A.M. & Kero Hervilla, E.F. (2018). Analysis of paremias expressing a negative assessment of women in Russian and Portuguese, *Tomsk State University Journal. Philology*, 54, 42—58. (In Russ.).
23. Kuznetsova, I.V. (2012). Biblical phraseology and the language game, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 57 (1), 127—141. DOI: 10.1556 / SSlav.57.2012.1.7. (In Russ.).
24. Kuznetsova, I.V. (2016). Characters Books of books in comparisons of Belarusians and Ukrainians: a study ackground of other languages, *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 61(2), 345—361. DOI: 10.1556 / 060.2016.61.2.7. (In Russ.).
25. Kulik, A.E. (2012). Cultural specifics of Russian and Korean fixed comparisons, *Russian Language Abroad*, 5, 58—64. (In Russ.).
26. Kovzele, O. & Korolova, J. (2017). Comparisons with the component designating human profession and occupation: a case study of Latvian and Russian In *The 4th International multi-disciplinary scientific conference on social sciences and arts SGEM 2018. 24—30 August*. Albena. pp. 645—643.
27. Bredis, M.A. (2016). Frugality and Covetousness in Proverbs (based on Russian, Latvian, German, English and Tadjik), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 7(1), 131—138. (In Russ.).
28. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). The cognitive potential of Ruthenian paremias in the Ukrainian and Russian languages, *Rusin*, 3(45), 119—128. DOI: 10.17223 / 18572685/45/9. (In Russ.).
29. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value constants of Ruthenian paremiology: a comparative study of Russian and Ukrainian, *Rusin*, 4 (54), 303—317. DOI 7223/15617793/447/7. (In Russ.).
30. Ma, Xiangfei. (2017). Verbalization of stereotypical ideas about rain in Russian and Chinese: a case study of set phrases, *Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity*, 4, 128—135. (In Russ.).
31. Nelyubova, N.I. (2019). Family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world, *Philological Sciences*, 6, 50—59. DOI: 10.20339 / PhS.6 - 19/050. (In Russ.).

32. Nikolaeva, E.I. & Seliverstova, E.I. (2016). The idea of good sleep in Slavic languages: a case study of fixed comparisons // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 61(2), 325—343. DOI: 10.1556/060.2016.61.2.6. (In Russ.).
33. Kubryakova, E.S. (2004). On the precepts of cognitive science and current issues in cognitive linguistics, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 6—17. (In Russ.).
34. Dal, V.I. (1984). Proverbs of the Russian people, in two volumes. Vol. 1. Moscow. (In Russ.).
35. Svenskt språkbruk. (2003). Ordbok över konstruktioner och fraser. Stockholm: Norstedts. (In Swedish).
36. Holm, P. (1971). Ordspråk och talesätt med förklaringar. Stockholm: Albert Bonniers förlag. (In Swedish).
37. Åberg, G. (1997). Ordspråk, ordstäv och talesätt. Stockholm: Albert Bonniers förlag. (In Swedish).

Сведения об авторах:

Алёшин Алексей Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков гуманитарного факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»; *научные интересы*: лексикология и фразеология шведского языка, фразеография, лингвокультурология; e-mail: alexis001@mail.ru. Идентификатор ORCID: 0000-0001-6058-8844. eLIBRARY SPIN-код: 4983-8447

Зиновьева Елена Иннокентьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»; *научные интересы*: лексикология и фразеология современного русского языка, историческая лексикология и фразеология русского языка, лексикография, лингвокультурология; e-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru Идентификатор ORCID: 0000-0001-6253-9739. eLIBRARY SPIN-код: 9059-2243

Information about the authors:

Alexey S. Alyoshin, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications”. *Research interests*: Swedish lexicology and phraseology, phraseography, linguoculturology; e-mail: alexis001@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6058-8844. eLIBRARY SPIN-code: 4983-8447.

Elena I. Zinovieva, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its Teaching, Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg State University”. *Research interests*: lexicology and phraseology of the modern Russian language, historical lexicology and phraseology of the Russian language, lexicography, linguoculturology; e-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6253-9739. eLIBRARY SPIN-code: 9059-2243.

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-22-35

UDK 81'255:801.7:322.06

Research article / Научная статья

The Temporal and Chronological Distance in Translations of Holy Writ: to Preserve or to Eliminate?

Georgy T. Khukhuni¹, Irina I. Valuitseva², Anna A. Osipova³

^{1,2}Moscow State Region University (MGOU)

Vera Voloshinova str. Bd. 24, Mytishchi, Moscow Region, Russian Federation, 141014

³Moscow State Pedagogical University (MPGU)

Malaya Pirogovskaya str. Bd. 1/1, Moscow, Russian Federation, 119991

¹khukhuni@mail.ru

The present paper deals with some cases of the modernization of the Bible texts, especially created in the second part of the 20th and the beginning of the 21st centuries (although the elements of the latter may be found in earlier versions including those with the unofficial status of “national Bibles”). The expansion of modernization is usually connected with E. Nida’s theory of the dynamic / functional equivalence; at the same moment its direct influence is obvious enough. The actuality of the theme for the theory and practice of translation is caused by the following factors: 1. the richness and variety of the Bible translations, the history of which counts more than two thousand years; 2. the necessity to take into account the referential part of the text on one hand, and its pragmatic and appellative functions on the other; that may lead to the collision between them when the translator has to choose the strategy and tactics of his work; 3. the acceptance of the text as “inspired by God” among the believers, that may provoke a negative relation towards some moments, which are treated as the divergence from the source text or even its distortion. The paper is based on the representative sample taken from Bible translations (both “traditional” and modern) in Russian, English and German. The corresponding variants, as well as their estimation in special and popular works are analyzed. The authors give an attempt to define some features that give the possibility to treat the text as modernized one. Although the said method is used quite often as the means to reach the adequacy of translation, the question of its limits is controversial enough.

Key words: original, translation, Bible, pragmatic, modernization, adequacy, distortion

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Khukhuni, G.T., Valuitseva, I.I. & Osipova, A.A. (2020). The Temporal and Chronological Distance in Translations of Holy Writ: to Preserve or to Eliminate? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 22—35 . doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-22-35

© Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 81'255:801.7:322.06

«Пафос дистанции» при передаче Священного Писания: воспроизводить или снимать?

Г.Т. Хухуни,¹ И.И. Валуйцева,² А.А. Осипова³

^{1,2}Московский государственный областной университет (МГОУ)

ул. Веры Волошиной, 24, Мытищи, Российская Федерация, 141014

³Московский педагогический государственный университет

ул. Малая Пироговская, 1, строение 1, Москва, Российская Федерация, 119991

¹ khukhuni@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые случаи модернизации текстов Священного Писания в переводах Библии, выполненных по преимуществу во второй половине XX — начале XXI в. С ее элементами можно столкнуться и в более ранних версиях, в том числе имеющих неофициальный статус «национальных Библий». Модернизация часто связывается с теорией динамической (позже функциональной) эквивалентности, разработанной в трудах Ю. Найды и его последователей; однако не всегда ее влияние представляется очевидным. Актуальность темы исследования для теории и практики межъязыковой передачи обуславливается рядом моментов: 1. богатой и разнообразной историей переводов библейских книг, насчитывающей более двух тысячелетий; 2. необходимостью учитывать как собственно референциальную, так и прагматически-апеллятивную функцию Священного Писания, которые нередко приводят к коллизиям при выборе стратегии и тактики перевода; 3. статусом «богодуховности» в глазах верующих, обуславливающим порой резкую реакцию на изменения, воспринимаемые как отклонение или даже искажение оригинала. Материалом исследования послужил ряд переводов Библии (как традиционных, так и современных) на английском, немецком и русском языках, указанных в списке источников. Был проанализирован массив примеров перевода, рассмотрены предлагавшиеся в них решения, а также отклики, которые эти переводы вызвали в научных и публицистических трудах. Предпринята попытка представить основные признаки, позволяющие говорить о модернизации текста как в собственно языковом, так и в идейно-содержательном отношении. Отмечается, что хотя модернизация нередко применяется как средство достижения адекватности перевода, однако вопрос о ее допустимых границах является дискуссионным.

Ключевые слова: оригинал, перевод, Библия, модернизация, прагматический, адекватность, искажение

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

Для цитирования:

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. «Пафос дистанции» при передаче священного писания: воспроизводить или снимать // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 1. С. 22—35. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-22-35

Introduction

Among the multiple paradoxes accompanying cultural development during the latest century in the countries which belong to the so called “western civilization”, one needs to remark that, on the one hand, it’s characterized by a gaining strength secularization process. On the other hand, during this very period the activity in Bible

translation greatly enlarged its scope — both in creating the versions of the Holy Writ using the idioms never used before, and translating the Holy Writ into languages having a century-long tradition. Primarily speaking of the English language, we'd mention the number of the Holy Writ translations using various provisions, which might number in a few thousands.

The period mentioned is also characterized by a substantial development of theoretical studies devoted to various aspects of Biblical translation and methods to reproduce the Holy Writ in the past and at present. Those are classical works by E. Nida and his colleagues ([1], [2], [3]), and the influence of those ones has extravagated the farthest limits of the topic issues. Among the other studies that gained reputation, including Russia, one'd name J. Bickman and J. Callow [4], B. Metzger [5], I. Chatzitheodorou [6], M. Huaizhou [7] and a number of others (more complete information on might find in the monography by A.S. Desnitskij [8]).

As is believed, such a thorough attention to the Holy Writ translations as well involving the authors who don't belong to any Christian confession or generally abiding to atheistic ideology, is stipulated by a number of reasons:

1. Abundant and broad-ranging history of biblical books translations developing for over two millennia;

2. The necessity to take into consideration both referential proper and pragmatic-and-appellative Holy Writ functions which often leads to some collisions while choosing strategies and tactics of translation;

3. The status of “ the Holy Inspiration” among the believers, sometimes determining a rather acute reaction on these and that moments which are perceived as deflections or even distortion of the original source.

In those situations when the given culture already disposes the Holy Writ translations, and among those there might be some having the non-official status of “national Bibles” as Luther Bible in Germany, King James Bible in the English-speaking world or — with a few remarks – the Synodic translation in Russia (more details find in [9]), there comes the question to what extent new translations are in demand, and what their specifics might be. More often (although not always) such demand is viewed as the means to approximate the text to a contemporary reader, id est to *modernize* it, to a certain extent. Due to the article limits, let's give a few but most typical examples of modernizations found out in the texts we'd analyzed.

The Notion of Translational Modernization

While discussing the questions of translational modernization, it's oftentimes correlated with another dichotomy largely used in the works on translation studies and well-known as foreignization vs. domestication. In modern science, the notions are mainly connected with the works by L. Venutti [10], [11], those the phenomena mentioned were covered by classic authors, and L. Venutti himself mentions it. Actually, those strategies overlap rather frequently: as a rule, modernization used to “domesticate” the rendered text dabbling phenomena and realia of a reader's environment although they have certain differences. If domestication could be applied both to ancient texts and in course of translating to modern authors, modernization is a phenomenon specially characteristic of a diachronic (chronological) translation while us-

ing the V.S. Vinogradov's words, "timely distance between the creation of the original and its translation becomes substantial, the timelines of the source and target languages are no longer correlating, and extralinguistic features of corresponding epochs differ radically" [12. P. 139].

The method of modernization is often used in original works — in those cases when the appeal to history serves an author as a means to cover hot present-day issues. In particular, it was used by Bernard Shaw ("Caesar and Cleopatra", "St. Joanna"), Lion Feuchtwanger (the trilogy of Judaic War novels is the most famous example), Robert Graves (the dilogy written in the name of Claudius, the Roman Emperor). Modernization was observed in academic studies as well: thus, characterizing the works by German colleagues in the field of Classical Antiquity history one of the Russian scholars told that their works contained "regular use of <...> terms belonging to modern language, e.g., „vice-king“, „governor“, „adjutant-general“, „Reich mareschal“, etc.“, when one has to consider "traditions of both German historiography where modernization of Classical Antiquity came to stay since the times of T. Mommsen (mid-19th century) and Russian translations conserving this orientation of German Antiquity studies" [13. P. 3].

V.N. Komissarov, with a little exaggeration of the situation, defined modernizing translation as a kind of strategy of "historic personalities to 'work overtime', 'exercise economy regime', 'carry out irrelevant personnel policy', 'solve problematic issues in off-work hours", etc. <...>. If the source text reads about Achilles's arrows, in the modernized translation their place may take missiles from Cape Canaveral" [14. P. 149]. Such examples one may also come across in biblical translations made from the modernization perspective (a few samples of those are to follow). Still, in this case, besides "general translational" intention to reflect on the extent of such a strategy be approved and implemented, or if it leads to actual arbitrary decision of a translator in relation to the original source text, there come into operation a few specific features of a sacral text, in particular.

Holy Writ: the Topic of Translation Profile

The history of literature discloses the cases when this or that translated text (target text) was originally perceived by a hosting culture of a certain epoch as an epitome, a model text, having, according to B. Pasternak, "the right of final authority as that of the source text" (see in: [15. P.161]). In the context of proper literary masterpieces, the presence of a suchlike version doesn't cause an active protest in respect to attempts to elaborate a new translation. For example, the author of the above-quoted words addressed them to the translation of "King Lear" by A.V. Druzhinin, which didn't prevent B. Pasternak from making a translation of his own. As to the Holy Writ, the situation seems different: such attempts might be understood by a significant number of believers not just as a "translator's audacity", but as a "sacrilegious offence upon the buttress", even in case a text is not modernized, but on the contrary, is acquitted of mistakes and inaccuracy. In one of his works, E. Nida gave a typical example of a Bible translator into one of the Western African languages, who later on got a linguistic training, and on finding in his own translation a number of mistakes, wanted to correct them, but was rejected due to the fact that no one has a right to

change the Word of the Lord, “<...> after one translator in West Africa had completed the translation and publication of the Bible in one of the important trade languages of the area, he decided to take some courses in linguistics at a leading university in England while he was on furlough. He soon realized how many mistakes he had made in his earlier work, and so after returning to the field, he asked for permission to undertake an important revision. But his colleagues insisted that he had no right to change the Word of the Lord” [16]. In other words, there occurs the authentication of the text content and the wording which is traditional in the given culture. Assigning to a translation “the right to be as authoritative as the original source text”, one starts to assume not only metaphorically, but literally as it happened with Latin version of *Biblia Vulgata* which for many centuries, was treated by the Roman Catholic Church not just as equal, but as preponderate over Hebrew and Greek texts of the Old and New Testaments.

Moreover, alongside with the intention of “conservation” of this or that version being authoritative for a given community, there came the understanding that ignoring processes of linguocultural evolution could lead to a significant weakening of pragmatic effect and appellative function of the Holy Writ (that is, to devaluation of a great extent the reason to create translations), and it could also distort the communicative aspect which means difficulty in understanding the content itself. Argumentation of a demand of new versions of the Bible started more often with emphasizing this fact which already vividly revealed itself in the preface to the first Russian version of the New Testament created over two hundred years ago, «<...> meanwhile the bookish language is permanently conserved for many ages, the oral language of a nation is undergoing many changers during a single century, and what was written for a few centuries in this native language nowadays is less understood without special language studies of this language in its ancient state. This fact opens unhampered use and interpretation of the Word of the Lord and the need not only to translate the Holy Writ into native language, but from time to time, using this language to renew the translation according to the statues of this language in its national use” [17]. However, from the middle of the 20th century, it was not just proper language aspect (though it was not forgotten), but the pragmatic one moved to the foreground, and many works of that period clearly demonstrated the trend.

From “The Holy Kiss” to “The Cordial Handshake”

As was said, contemporary translation modernism in relation to biblical translation used to date back to the concept of E. Nida (see the title of one of the articles devoted to him [18]). We’d remark that E. Nida speaking himself about those versions of the Holy Writ of his time which to the fullest extent reflect the intention to achieve the equivalent effect, specially emphasized the New Testament translation made by British biblical scholar J.B. Phillips. The most spectacular example of the “natural projection” applied by him, he calls the substitution of the invitation of the original source text to “exchange greetings with a Holy Kiss” instead of exchanging of “a Cordial Handshake”: “One of the modern English translations, which, perhaps, more than any other, seeks for equivalent effect is J.B. Philips’s rendering of the New Tes-

tament. In *Romans 16:16* he quite naturally translates ‘greet one another with a holy kiss’ as ‘give one another a hearty handshake all around’” [1. P. 159—160].

We have already written about the activity of J.B. Phillips [19]. So we’d confine ourselves to indicate the following. Firstly, in course of his following work, he had a little reduced the degree of “naturalness” of his translation, though without sacrifice of this very example. Secondly, the biblical translations which observed E. Nida’s recommendations (English version of *Good News Bible / Good News Translation*, German one of *Gute Nachricht Bibel*), the change introduced by J.B. Phillips was not accepted as to the example of the abstract from the Second Epistle to Corinthians of Paul the Apostle: *Greet one another with the kiss of peace / Grüßt einander mit dem Friedenskuss* [29], [30].

Neither J.B. Phillips, nor E. Nida, or their followers in various countries avoided sharp criticism (see: [21]) of translation principles put forward by them. Moreover, their opponents often compared their translations with classical “national” translations contrasting the “vulgar” vernacular” of the first to the “grand style thoroughness” of the second ones. In its turn, according to E. Nida, it made their proponents of “the new point of view” (the new focus) doubt that “nimbus of infallibility” and “un-surpassed ideal” which is assigned by the conservatives to traditional versions. The most vivid form of this approach revealed itself in the study of a scholar and writer C.S. Lewis well-known in this country mainly as the author of “The Chronicles of Narnia”. His arguments were rather typical and later on continually repeated. On the one hand, he specified that the New Testament original language was not at all the model of “grand style”, and so much cherished “sacrality” and “grandness” of classical translations often turned into complete incomprehensibility. On the other hand, and what is of interest to us, C.S. Lewis stated that beauty and solemnity of language and style of the mentioned King James Bible, in many cases demonstrate its main imperfections, “drowning” the reader and blunting his emotional reaction, “<...> though it may seem a sour paradox — we must sometimes get away from the Authorized Version, if for no other reason, simply because it is so beautiful and so solemn. Beauty exalts, but beauty also lulls. Early associations endear but they also confuse. Through that beautiful solemnity the transporting or horrifying realities of which the book tells may come to us blunted and disarmed and we may only sigh with tranquil veneration when we ought to be burning with shame or struck dumb with terror or carried out of ourselves by ravishing throes and adoration” [22].

“Modernistic” revision of the Bible cross-language transfer principles was also realized by other theorists and translators, and wasn’t directly connected with the works of J. Phillips and E. Nida. One used to be reminded of the representatives of scopos-theory which was started with the book by K. Reiß and H. Vermeer [23]. This concept is discussed in the work of A.S. Desnitskij [8. P. 85—99].

In our opinion, special attention should be paid to the “modernized” Holy Writ version by representatives of Protestant denominations made in the USA practically simultaneously with the *Good News Bible*. This so called *New International Version* (NIV) [31] is often positioned as the most popular on the American continent. It considered to be initialized by Howard Long, engineer by trade. As far as we know, neither he, nor his successors declare their connection with the work of J. Phillips or E.

Nida's concept. However, the explanation of the reasons why it appeared, resemble those which were quoted in the C.S. Lewes's statement above — the incomprehensibility of the classical text of the English Bible for the present day reader is emphasized, "Long was a lifelong devotee of the King James Version, but when he shared it with his friends he was distressed to find that it just didn't connect. Long saw the need for a translation that captured the truths he loved in the language that his contemporaries spoke" [24]. J. Phillips reflected on how during the bombing, he was reading to them King James Bible trying to encourage young people sheltering in the bomb shelter. Both in content and form, the argumentation reminds us of the fragment cited above: "<...> when <...> I attempted to while the time away by reading to them from the Authorized Version, quite honestly they couldn't make any sense of it at all" [20. P. 153].

Authors of modernized versions frequently tend to present their own activity not like estrangement of the established tradition, but, on the contrary, as its further development meeting the background set by the "father-founders". There are many examples of the kind, therefore we confine to the reference to the German version of *Hoffnung für alle*) [32], not quite well-known in this country. It is published starting from the 80s of the 20th century and was positioned as *Die Bibel, die deine Sprache spricht* (the Bible speaking its own language). As the other "modernized" versions that translation didn't avoid the blame of the authors in pursuing "comprehensibility", let themselves more liberty to transform the original source. It's typical that to maintain their attitude, the authors of the target text refer not only to fact of a translation be based on the modern achievements of linguistics and methods of translation («folgt <...> modernen sprachwissenschaftlichen Erkenntnissen und Übersetzungsmethoden»), but call for help to the author of classical German Bible — Martin Luther. They quote the Luther's words about the necessity in course of translation, "to look into the mouth of people", as it should not just render the content of the original, but be understandable, possess natural and fluent sounding making the same impression on a reader that the original source text produced in its own time (compare with "reaction of an addressee" of E. Nida's concept), «"Man muss den Leuten aufs Mund schauen!" — so hat Martin Luther seinerzeit anschaulich beschrieben, wie er bei seiner Bibelübersetzung vorging. Bis heute ist sein Motto für jede gute Übersetzung wegweisend geblieben. Eine gelungene Übersetzung soll nicht nur die Botschaft des Originaltextes zuverlässig wiedergeben, sie muss auch verständlich sein, natürlich und lebendig klingen — so wie wir uns in unserer Sprache ausdrücken. Kurzum: sie soll auf ihre Leser möglichst die gleiche Wirkung haben, wie sie das Original auf die damaligen Leser hatte!» [32. P. XXVIII].

If to speak about the most vivid elements of modernization, even for those readers who are not really mature in historic realia, the most obvious thing is that the biblical personalities use such metrology which date back not to centuries, but to millennia after the original source text was created. Thus, in "Bible for everyone" Noah receives from the God the following instruction on building the Ark (Gen. 6:15) (the titles of The Holy Books and persons names are given according the Russian Synodic translation): *Es muss 150 Meter lang, 25 Meter breit und 15 Meter hoch sein*; and the hair of King David Abishalom are said to be (2 Kings 14:26): *Sie wogen mehr als*

zwei Kilogramm. In some versions using similar modernization the national and cultural specifics is considered concerning the audience to which the text appeals. Thus, for the countries which adopted metrology in meters, kilos, etc., this very system is used, but in the version of *Good News Translation* addressed to a British reader [29], traditional metrology for this country and culture are used: *Make it 450 feet long, 75 feet wide, and 45 feet high; It would weigh about five pounds* <...>.

Special attention should be paid to “gender modernization” of the Holy Writ text which is treated in terms of political correctness and feministic stand (see: [25]). Still, for now the issue is beyond the article.

Modernism of Translation and Russian Biblical Translations

The question of making new Holy Writ translations in the area of this country was already asked by several authors in the beginning of the last century, but the practical realization of it took place at the turn of 19—20th centuries when a few versions of the Holy Writ came into being (their review one can find in the above mentioned monography of A.S. Desnitskij [8. P. 221—259]). They couldn't but reflect those trends which were seen in this sphere abroad. However, modernizing trends of the versions existing at present reveal themselves in lesser degree. If to come back to the above given examples concerning metrology features, the most well-known Holy Writ translations of the latest decade belongs to the Russian Biblical Society [33] and Zaoksky Theological Adventist Academy [34]; it contains the same units as in Synodic translation and The Church Slavonic Elizabeth Bible. In the first text one reads, “*Пусть он будет в длину триста локтей, в ширину пятьдесят, а в высоту — тридцать // вес сбритых волос составлял двести <...> шекелей*; во второй: <...> *длина его была триста локтей, ширина — пятьдесят, а высота — тридцать // и бывало в них двести шекелей веса <...>*” (lit.: *Let it be three hundred cubits in length, fifty in width, and in height — thirty // the weight of shaved hair makes two hundred <...> shekels of weight <...>*) (in the second example of both Synodic translation and Church Slavonic text, the form *сиклей/ sekels* is used). The Eastern (Central Asian) translation [35] meant for readers practicing Islam is an exception and follows “modernizers”. This translation also contains metrological units modernization, «<...> *ковчег должен быть сто тридцать пять метров в длину, двадцать два с половиной метра в ширину и тринадцать с половиной метров в высоту // <...> весили они около двух с половиной килограммов*». (lit.: *... reliquary had to be one hundred and thirty five meters long, twenty two and a half meter wide and thirty and a half meters high // ... they weighed about two and a half kilos*). However, there's a remark précising that the original text contains *cubits* and *shekels*. At that, to characterize this translation, one has to consider reasonably that although written in Russian, it could be just conventionally subsumed to proper Russian linguocultural tradition for which is still true the remark of K.I. Chukovskij (though for understandable reasons, he didn't mention Holy Writ translations), “Generally speaking, modern theory and practice of literary translation rejects free-and-easy treatment of national colour of verses, novellas and novels translated” [26. P.148].

The most vivid national and cultural specifics of the Russian tradition conserved to render historic realia reveals itself in the discussion on the New Testament transla-

tion (“Glad Tidings”) by V.N. Kuznetsova which was edited and included in the Bible of Russian Biblical Society. A lot of critical remarks volunteered against it, in the first place, concerning language and style. But the truth demands to admit that dramatic realia of “modernization” are not found in the text in majority of cases. In some cases historical colour is preserved even more strictly than in the Synodic translation. Thus, in the “Acts of the Apostles”, the Synodic translation *сотнику из полка* // *regiment tugwump* correlates with *центурион римской когорты* // *centurion of the Roman cohort* (10: 1), *воеводам — преторы* // *waywode — praetors* (16: 20), *тысяченачальнику полка — трибун когорты* // *regiment leader of thousand — cohort tribune* (21: 31), *правителю — прокуратор* // *governor — procurator* (25: 12), etc.

We’d also like to remark that in course of cross-linguistic transfer, the notion of modernization itself might need more accuracy. It’s worth mentioning the debate on the published in the beginning of the 20th century about initial public offering of the Gospel of St. Matthew, made by Bishop Cassian, who lived and worked abroad (S.S. Bezobrazov). One of the renowned national Russian scholars of the Bible, A.I. Ivanov reacted to the work with rather sharp critical review. In this review, he reproached the author of translation to have used Russian word *верста* (lit.: verst) (Mtt. 5: 41) to render the Greek *μίλιον*. The Synodic translation took after the Church Slavonic text the lexeme *ноприще* (lit.: course, stage). As A.I. Ivanov said, “Such modernization is hardly relevant be applied to Holy Writs, and if to bring to the end, in this case more modern term would be “километр (kilometer)”» [27]. Judging further the history of Bishop Cassian translation, the reproach against *верста* seemed convincing to its author. In the full version of the New Testament published in 1970 by British and Foreign Biblical Society, the abstract mentioned looks like that, “*And who will make you walk with him a thousand steps, walk with him two (thousands)*” [36]. However, just the use of the word *верста* doesn’t mean modernization, but rather *domestication* of the text, The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary (the end of the 19th century) gives the evidence, “**Versta** (verst), or **poprische** (wayward) — a Russian road measure mentioned in the travel of hegumen Daniil” [28]. If to take into consideration that the “Travel of hegumen Daniil” dates back to the beginning of the 17th century, the “modernism” of *версты* in the Holy Writ translation of the mid-20th century would seem relativistic. Notably, the given lexeme was already used in the given context at the start of the 19th century by translators of the New Testament of the Russian Biblical Society (*И кто понудит тебя пройти с ним одну версту, иди с ним две — And who could make you walk with him one verst, walk two with him* [37]), and at present authors of the Zaokskaya Bible version got back to it, though the expedience of such decision looks like a disputable one.

Conclusion

The question of compatibility of using modernization elements in course of diachronic chronological translation — and if “yes”, to what extent, belongs to the so called “eternal questions” and the practice of cross-language transfer, and in the nearest future it could hardly get a univocal simple solution especially concerning sacred text. As a rule, the use of modernization is approved through achieving the *adequacy* of translation that means a translation “to satisfy <...> first of all, the set pragmatic task”

[14. P. 152]; still, it's impossible to overdo the gap separating source and target texts. In other words, modernizing approach is ultimately based on the following principle: in translation, pragmatics is primary, and reference is secondary. As the example of the article to review modern versions of Holy Writ translations, at present, the above mentioned point of view could be recognized as a dominant in many foreign translations of the Bible. However, its absolutization could lead to the results which in the opinion of a greater part of reading audience seems to be a kind of burlesque (like the example of using by its characters metrology and weight measures in kilos), and this should be taken in account to elaborate strategies of sacral text translation.

References

1. Nida, Eugene. A. (1964). *Toward a Science of Translation*. Leiden: Brill.
2. Nida, Eugene. A. & Taber, Ch. R. (1982). *The Theory and Practice of Translating*. Leiden: Brill.
3. Waard, J., Nida, Eu.A. (1986). *From One Language to Another: Functional Equivalence in Bible Translation*. Thomas Nelson Inc.
4. Bickman, J. & Callow, J. (1974). *Translating the Word of God: With Scripture and Topical Indexes*. Zondervan.
5. Metzger, Bruce M. (1993) Persistent Problems Confronting Bible Translators. *Bibliotheca Sacra 150 (July-September 1993)*. pp. 273—284.
6. Chatzitheodorou, Ilias (2001). Problems of Bible Translation, *Translation Journal*. 5(4). October 2001. URL: <https://www.translationjournal.net/journal/18bible.htm> (accessed: 08.12.2018).
7. Huaizhou, Mao. (2012). Commentary on Nida vs. Chomsky's Translation Theories, *Theory and Practice in Language Studies*, 2(6), June 2012, 1285—1290.
8. Desnitskii, Andrei.S. (2015). *Modern Biblical Translation. Theory and Methodology*. Moscow: PSTGU Publishing House. (In Russ).
9. Snigirev, Rostislav. National Bibles and the Problem of the Synodal Translation` Emendation. Theology.ru. Scientific Theological Portal. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/404972.html> (accessed: 08.06.2017). (In Russ).
10. Venuti, Lawrence M. (1999). *The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference*. Routledge.
11. Venuti, Lawrence M. (2001). Strategies of Translation In *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London & New-York. Routledge. pp. 240—244.
12. Vinogradov, V.S. (2001). *Introduction in Tranalatology (General and Lexical Problems)*. Moscow: Institute of General and Secondary Education. (In Russ).
13. Frolov, E.D. (1982). *History of the Hellenism in the Biographies of its Creators*. In: Betson, G. The rulers of the Hellenistic Period. Moscow: Nauka. pp. 3—26. (In Russ).
14. Komissarov, V.N. (2000). *Modern Translatology. Course of Lectures*. Moscow: ETS Publishing House. (In Russ).
15. Levin, Y.D. (1885) *Russian Translators of the 19th Century and the Development of the Literary Translation*. Leningrad: Nauka. (In Russ).
16. Nida, E.A. (1994). The Sociolinguistics of Translating Canonical Religious Texts. *Traduction, Terminologie, Rédaction*, 7(1), 191—217. URL: <http://www.bible-researcher.com/nida4.html> (accessed: 20.04.2019).
17. Desnitskii, A.S. *Eugene Nida: an Appearance of the Bible Translation Theory*. URL: <http://archive.bogoslov.ru/text/print/1541684.html> (accessed: 01.09.2019). (In Russ).
18. *An Appeal to Christ-Loving Reader in the 1st Russian Edition of the New Testament*. URL: <https://www.pravmir.ru/vozglashenie-k-xristolyubivym-chitateliam-pri-pervom-izdani-evangeliya-na-russkom-narechii/> (accessed: 22.08.2019). (In Russ).

19. Khukhuni, G.T. & Osipova, A.A. (2019). “Holy Kiss”, or “Hearty Handshake”? (about the Limits of Pragmatic Adaptation in Translation), *Military-Humanitarian Almanac*, 4(2), 8—18. (In Russ).
20. Translating the Gospels. A Discussion Between Dr. E.V. Rieu and the Rev. J.B. Phillips. (1955). *The Bible Translator* 6/4. October. pp. 150—159.
21. Marlowe, Michael. (2012). *Against the Dynamic Equivalence Theory*. Revised and Expanded in 2012. URL: <http://www.bible-researcher.com/dynamic-equivalence.html> (accessed: 02.09.2019).
22. C.S. Lewis’ introduction to J.B. Phillips’ N.T (2018). *Epistle of Dude. November, 17*. URL: <https://epistleofdude.wordpress.com/2018/11/17/c-s-lewis-introduction-to-j-b-phillips-nt/> (accessed: 08.09.2019).
23. Reiß, K. & Vermeer, H.J. (1984). *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie* (Linguistische Arbeiten 147). Tübingen: Niemeyer.
24. *Version Information. Bible Gateway*. URL: <https://www.biblegateway.com/versions/new-international-version-niv-bible> (accessed: 08.09.2019).
25. Sharov, K.S. (2019). Gender-Neutral Linguistic Transformations of Messianic Scriptures in the Modern Anglican Homiletic Literature, *Russian Journal of Linguistics*, 23(2), 523—543. (In Russ). Doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-523-543.
26. Chukovskii, K.I. (2008). *The High Art. The Principles of Literary Translation*. Saint Petersburg: Publishing House “Akvalon”. Publishing House “Alphabet Classic”. (In Russ).
27. Ivanov, A.I. (1954). New Russian Translation of Matthew (the End), *Journal of Moscow Patriarchy*, 5, May. URL: <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/195405369.html> (accessed: 08.09.2019). (In Russ).
28. Prozorovskii, D.I. Versta. ESBE. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0> (accessed: 25.03.2018). (In Russ).

Sources

29. Good News Translation. *Bible Gateway*. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=2+Corinthians+13&version=GNT>. (accessed: 02.09.2019).
30. Gute Nachricht Bibel. *Bible Gateway*. URL: <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/gute-nachricht-bibel/bibeltxt/bibel/text/lesen/stelle/57/10001/19999/> (accessed: 02.09.2019).
31. Holy Bible. *New International Version*. NIV (2011). Grand Rapid, Michigan: Zondervan. VII.
32. Hoffnung für alle. *Die Bibel*. (2003). Basel und Gieseß. XXXII.
33. Bible. *Modern Russian translation*. (2015). Moscow: Russian Bible Society. (In Russ).
34. Bible. *The Books of the Holy Writ. Old and New Testament in Modern Russian Translation*. (2015). M.P. Kulakov and M.M. Kulakov (Eds.). Moscow: The Publishing House of St. Andrew Biblical Theological Institute. (In Russ).
35. Holy Writ. *Central Asian Translation*. Bible Gateway. URL: <https://www.biblegateway.com/versions/%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D0%9F%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4-CARS/#booklist> (accessed: 05.09.2019). (In Russ).
36. New Testament. *Translated from the Greek Original by Bishop Kassian (Bezobrazov)*. Russian Bible Society. URL: <http://apologia.hop.ru/bible/kassian/kassian.html> (accessed: 24.03.2018). (In Russ).
37. *The New Testament of Our Lord Jesus Christ*. (1822). Second Edition. Russian Bible Society. Saint Petersburg: Printing House of Russian Bible Society. VIII. (In Russ).

Библиографический список

1. *Nida Eugene A.* Toward a Science of Translation. Leiden: Brill, 1964.
2. *Nida Eugene A., Taber Ch.R.* The Theory and Practice of Translating. Leiden: Brill, 1982.

3. *Waard Jean, Nida E.A.* From One Language to Another: Functional Equivalence in Bible Translation. Thomas Nelson Inc., 1986.
4. *Bickman John., Callow John.* Translating the Word of God: With Scripture and Topical Indexes. Zondervan, 1974.
5. *Metzger Bruce M.* Persistent Problems Confronting Bible Translators // *Bibliotheca Sacra* 150 (July-September 1993). 1993. P. 273—284.
6. *Chatzitheodorou Ilias.* Problems of Bible Translation // *Translation Journal*. October 2001. Vol. 5 no. 4. Режим доступа: <https://www.translationjournal.net/journal/18bible.htm> (дата обращения: 08.12.2018).
7. *Huaizhou Mao.* Commentary on Nida vs. Chomsky's Translation Theories // *Theory and Practice in Language Studies*, Vol. 2, no. 6. June 2012. P. 1285—1290.
8. *Десницкий А.С.* Современный библейский перевод. Теория и методология. М.: Издательство ПСТГУ, 2015.
9. *Снигирев Р.* Национальные Библии и проблема исправления Синодального перевода // *Богослов.ру*. Научный богословский портал. 23.05.2009. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/404972.html> (дата обращения: 08.06.2017).
10. *Venuti Lawrence M.* The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. Routledge, 1999.
11. *Venuti Lawrence M.* Strategies of Translation // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London & New-York: Routledge. 2001. P. 240—244.
12. *Виноградов В.С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство Института общего среднего образования РАО. 2001.
13. *Фролов Э.Д.* История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М.: Наука, 1982. С. 3—26.
14. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Курс лекций. М.: Издательство ЭТС, 2000.
15. *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л.: Наука. 1985.
16. *Nida E.A.* The Sociolinguistics of Translating Canonical Religious Texts // *Traduction, Terminologie, Rédaction*. 1994. vol. 7. no. 1. P. 191—217. Режим доступа: <http://www.bible-researcher.com/nida4.html> (дата обращения: 20.04.2019).
17. Возглашение к христоробивым читателям при первом издании Евангелия на Русском наречии. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/vozglashenie-k-khristolyubivym-chitatelyam-pri-pervom-izdanii-evangeliya-na-russkom-narechii/>. (дата обращения: 01.09.2019).
18. *Десницкий А.С.* Юджин Найда: рождение теории библейского перевода. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://archive.bogoslov.ru/text/print/1541684.html>. (дата обращения: 01.09.2019).
19. *Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* «Святое целование» или «сердечное рукопожатие» (о границах прагматической адаптации переводного текста // *Военно-гуманитарный альманах*. 2019. vol. 74. no. 2. С. 8—18.
20. *Translating the Gospels. A Discussion Between Dr. E.V. Rieu and the Rev. J.B. Phillips // The Bible Translator* 6/4. October, 1955. P. 150—159.
21. *Marlowe M.* Against the Dynamic Equivalence Theory. Revised and Expanded in 2012. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bible-researcher.com/dynamic-equivalence.html>. (дата обращения: 02.09.2019).
22. *C.S. Lewis' introduction to J.B. Phillips' N.T // Epistle of Dude*. November 17. 2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://epistleofdude.wordpress.com/2018/11/17/c-s-lewis-introduction-to-j-b-phillips-nt/>. (дата обращения: 20.04.2019).
23. *Reiß K., Vermeer, H. J.* Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie (Linguistische Arbeiten 147). Tübingen: Niemeyer, 1984.

24. Version Information // Bible Gateway. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.biblegateway.com/versions/new-international-version-niv-bible> (дата обращения: 03.09.2019).
25. Шаров К.С. Гендерно-нейтральные лингвистические трансформации мессианских священных текстов в современной англиканской гомилетической литературе // Russian Journal of Linguistics. 2019. vol. 23. no. 2. С. 523—543. Doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-523-543.
26. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: ИД «Аквафон», Издательский дом «Азбука-классика», 2008.
27. Иванов А. Новый перевод на русский язык Евангелия от Матфея (окончание) // Журнал Московской патриархии. май, 1954. No 05. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/195405369.html>. (дата обращения: 24.03.2018).
28. Прозоровский Д.И. Верста // ЭСБЕ. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B0>. (дата обращения: 25.03.2018).

Источники

29. Good News Translation // Bible Gateway. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=2+Corinthians+13&version=GNT>. (дата обращения: 02.09.2019).
30. Gute Nachricht Bibel. Bible Gateway. Электронный ресурс. URL // Режим доступа: <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/gute-nachricht-bibel/bibeltxt/bibel/text/lesen/stelle/57/10001/19999/>. Дата обращения 02.09.2019
31. Holy Bible. New International Version / NIV Grand Rapid, Michigan: Zondervan. VII. 2011.
32. Hoffnung für alle. Die Bibel Basel und Gieseß. XXXII. 2003.
33. Библия. Современный русский перевод. М.: Российское библейское общество. 2015.
34. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе. Под ред. М.П. Кулакова и М.М. Кулакова. М.: Издательство ББИ. 2015.
35. Священное Писание. Восточный перевод. Bible Gateway. Электронный ресурс // Режим доступа: <https://www.biblegateway.com/versions/%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D0%9F%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4-CARS/#booklist>. (дата обращения: 05.09.2019).
36. Новый Завет. Перевод с греческого подлинника епископа Кассиана (Безобразов) // Российское Библейское Общество. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://apologia.hop.ru/bible/kassian/kassian.html>. (дата обращения: 24.03.2018).
37. Господа нашего Новый Завет на славянском и русском языке. Иждивением Российского Библейского общества. Вторым тиснением. Санкт-Петербург: В Типографии Российского Библейского Общества. VIII. 1822.

Сведения об авторах:

Хухуни Георгий Теймуразович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета; *сфера научных интересов*: теория и история перевода, история языкознания, теория языка, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: khukhuni@mail.ru

Валуищева Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета; *сфера научных интересов*: теория перевода, теория языка, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: irinaiv-v@yandex.ru

Осипова Анна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации ФГБОУ Московского педагогического государственного университета; *сфера научных интересов*: теория и история перевода, сопоставительное языкознание, преподавание русского языка как иностранного; *e-mail*: assya@yandex.ru

Information about the authors:

Georgy T. Khukhuni, DSc. in Philology, Full Professor, Head of the Department of the Theory of Language and English Studies Moscow Region State University. The sphere of research includes Theory and History of Translation, History of Linguistics, Theory of Language. Comparative Linguistics, Sociolinguistics, Psycholinguistics; *e-mail*: khukhuni@mail.ru

Irina I. Valuitseva, DSc. in Philology, Full Professor, Head of the Department of the Theoretical and Applied Linguistics Moscow Region State University. The sphere of research includes Theory of Translation, Theory of Language. Comparative Linguistics, Sociolinguistics, Psycholinguistics; *e-mail*: irinaiv-v@yandex.ru

Anna A. Osipova, DSc. in Philology, Full Professor of the Department Translation and Communication of Moscow Pedagogical State University. The sphere of research includes Theory and History of Translation, Comparative Linguistics, Teaching Russian as foreign Language; *e-mail*: assya@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-36-47
UDK 811.411.21'373:82

Research article / Научная статья

Lexical Means of Verbalization of Uncertainty in the Arabic Language on the Example of Modern Best Sellers

Vladimir N. Denisenko¹, Natalia S. Kalinina²

^{1,2} Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation
¹denisenko-vn@rudn.ru

The article studies the peculiarities of verbalizing the category of ambiguity on the material of English literary texts translated into Arabic. Seven texts of writers-postmodernist — J. Barnes, T. McCarthy, I. McEwan, D. Lodge, D. Mitchell, were chosen to be analyzed. The subject of the category of ambiguity research is both logic and philosophical, and linguistic. Lexemes denoting ambiguity are described in terms of their belonging to semantic (thematic) fields, including their contrastive and stylistic properties. There are involved proper lexical units denoting ambiguity, and contextual, occasional means, while their dictionary definitions do not reveal the semes of ambiguity. The study deals with the role and functions of nominative units reflecting ambiguity and uncertainty of the world contemporary literary discourse through translation into Arabic. The methodology is based on the functional interaction of lexis and grammar as one of the systemic linguistics principles. The study conclusions proceed from the provision on the Arabic language to demonstrate the system of various lexical means to express the ambiguity category, and their determinant to be implied in paradigmatic relations of language system, and syntagmatic relations between textual semantic units which both explain grammar structure of language and the nature of semantic correlations in its lexical subsystem. The authors draw a conclusion that both English and Arabic languages possess universal extralinguistic meaning of nominative ambiguity, while the semantic field nucleus fulfils the crucial function to select and assort proper means and units to realize the ambiguity category in texts. Differentiation of ambiguity nominations according to their application is not homogeneous due to lexical nominations making up the main means to realize ambiguity principle as both semantic and grammatical category. In course of studying the topic issue it seems adequate to study the topic of ambiguity conceptualization in languages of different structure and arrange the means to verbalize the ambiguity concept using the method of systemic comparison.

Key words: Arabic language, marking, uncertainty, nomination, semantic field, system

Acknowledgment:

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00014 «Reconstruction of the content of the conceptual fields of systemic linguistics».

Article history:

Received: 01.10.2019

Accepted: 15.12.2019

© Денисенко В.Н., Калинина Н.С., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation:

Denisenko, V.N. & Kalinina, N.S. (2020). Lexical Means of Verbalization of Uncertainty in the Arabic language on the example of Modern Best Sellers. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1). 36—47. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-36-47

УДК 811.411.21'373:82

Лексические средства вербализации неопределенности в арабском языке на примере современных бестселлеров

В.Н. Денисенко¹, Н.С. Калинина²

^{1,2} Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

¹denisenko-vn@rudn.ru

В статье рассматриваются особенности вербализации неопределенности на материале переведенных на арабский язык англоязычных художественных текстов. Материалом исследования явились семь художественных текстов постмодернистов Дж. Барнса, Т. МакКарти, И. МакЮена, Д. Лоджа, Д. Митчелла. Предметом исследования является логико-философская и как лингвистическая категория неопределенности. Лексемы, которые обозначают неопределенность, анализируются с точки зрения принадлежности к семантическим (тематическим) полям, а также в контрастивном и стилистическом аспектах. Рассмотрены как лексические единицы, имеющие значение неопределенности, так и контекстуальные, окказиональные средства, словарные толкования которых не содержат семы неопределенности. В исследовании описывается роль и функции номинаций неопределенности элементов современного мирового художественного дискурса на примере перевода на арабский язык. Методологией исследования стал разработанный в системной лингвистике принцип функционального взаимодействия лексики и грамматики. Выводы исследования включают тезис о том, что арабский язык демонстрирует систему разнообразных лексических средств выражения принципа неопределенности; детерминанта входят в парадигматические отношения языковой системы и в синтагматические отношения между текстовыми семантическими единицами, что объясняет грамматический строй языка и природу семантических связей в лексической системе. Авторы делают вывод о том, что английский и арабский языки имеют универсальное внеязыковое значение неопределенности наименования; детерминирующая функция ядра семантического поля заключается в подборе соответствующих единиц при реализации в тексте категории неопределенности. Дифференциация номинаций неопределенности по отраслям применения не является равномерной, т.к. лексические наименования — это основное средство текстовой реализации принципа неопределенности как семантической и грамматической категории. В рамках исследования данной проблемы представляется возможным изучить вопросы концептуализации неопределенности в разноструктурных языках и рассмотреть средства и реализацию вербализации концепта неопределенности с помощью метода системного сопоставительного анализа.

Ключевые слова: арабский язык, маркированность, неопределенность, номинация, семантическое поле, система

Благодарность:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00014 «Реконструкция концептуального содержания понятийных полей системной лингвистики».

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2019

Дата приема в печать: 15.12.2019

Для цитирования:

Денисенко В.Н., Калинина Н.С. Лексические средства вербализации неопределенности в арабском языке на примере современных бестселлеров // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2020. Т. 11. по 1. С. 36—47. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-36-47

Introduction

In course of mastering the real surrounding himenvironment, a man perceives everything new and anything incomprehensive as undetermined, while uncertainty and doubt used to accompany progress and served as its strong impact. Proceeding from the thesis understanding language as a reflection of every aspect of existence, one may suppose that there are all possible prerequisites for language ipse sui and any natural language as well (e.g., Arabic) to possess enough means to realize uncertainty both as logic and philosophical category and linguistic one. This objective rule lays in the basis of the subject of our research of the uncertainty category.

Lexical and grammatical means of the Arabic language let us clearly and variably verbalize the status of uncertainty in speech. However, to reveal the specifics of textual realization in the light of modern linguistics based on the absolutization of uncertainty, the demand to analyze manifestation of its means arises in modern literary texts as well. For the purpose we used the resources of contrastive linguistics and referred to English bestsellers' texts translated into Arabic. The choice of literary samples is stipulated by the further possibility to enlarge the list of languages under comparison which previews vast perspectives to establish interaction of specific partial grammatical categories and the general morphological type of contrasting languages.

Research Material

The article analyzes 7 literary texts of the 21st century postmodernist writers, namely: «The Sense of an Ending» by J. Barnes, «Remainder» by T. McCarthy, «Saturday», «On Chesil Beach», «Atonement» by I. McEwan, «Deaf Sentence» by D. Lodge, «Cloud Atlas» by D. Mitchell making up 2114 pages in Arabic and English for comparison.

Among the total variety of Arabic nominations of uncertainty (2151 lexical units) the analyzed texts contain 1189 lexemes (55% of the total) belonging to 18592 context (in average, each lexical unit is used 15 times). It's a solid rate index taking into account that the general register includes rarely used words as well (terms and slang). Such recurrence of textual revelations of Arabic concept «الريبة مبدأ» reflects its significance for the modern Arabic linguistic conscience.

Analysis of Samples

Empirical analysis demonstrated that uncertainty nominations are represented in all analyzed texts and correlate with the lining of the nominative field of the concept

«مبدأ الريبة». To objectivize the concept, we involved contextual, occasional means and dictionary entries which don't include interpretation of uncertainty seme: « في المتوسط ، هذا ما كنت عليه منذ أن تركت المدرسة. المتوسط في الجامعة والعمل ؛ متوسط في الصداقة والولاء والحب ؛ [1] «في المتوسط ، لا شك ، في الجنس ... نحن ملزمون بأن نكون متوسطين (نموذجية لمعظم الناس والأشياء)» and approximated to uncertainty, but not equal to it. In the context lexical unit obtains the meaning of mediocrity, intermediate condition.

Distribution of the representation degree of lexis in the texts as percentage of the total number of actualized lexemes assumes the following presentation (Fig. 1):

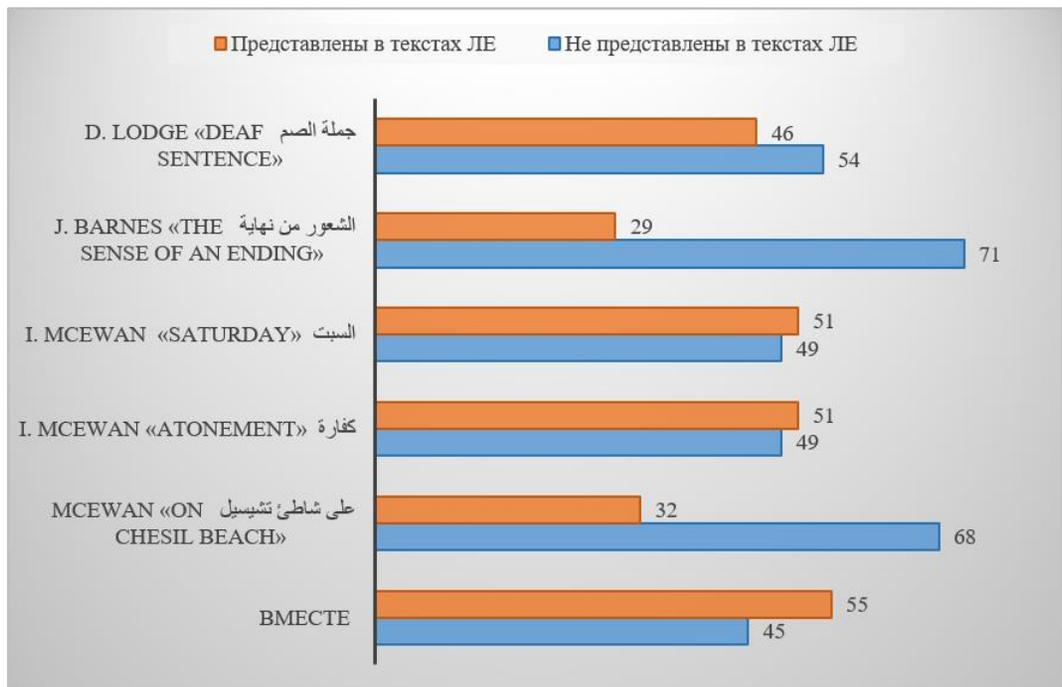

Fig. 1. Textual implementation of Arabic nominations of uncertainty in 21st-century British bestsellers in Arabic

While reviewing the distribution of nominations accepted, the regulation was revealed: each text contains dominant lexemes which are dominating in quantity or number and concentrate around themselves other components of the nominative field. Quantitative analysis showed that in the processed texts there exist key elements of the nominative field of the concept «الريبة مبدأ» (percentage of the total number of the concept lexical representations in each text) (Table 1).

The investigated empirical material demonstrates that recurrent key lexemes to denote uncertainty in the analyzed texts of different writers are practically coinciding.

The review of the trend manifesting itself after the calculation of every key nomination of uncertainty expression we'd present in the diagramme.

Table 1

The most frequent lexical units with a sevenfold of uncertainty in 21st-century British bestsellers in Arabic

	McEwan		D. Mitchell	McCarthy	J. Barnes	D. Lodge
السبت / «Saturday»	شاطئ على / تشيسيل / «On Chesil Beach»	كفارة / «Atonement»	سحابة / أطلس / «Cloud Atlas»	بقية / «Remainder»	من الشعور / نهاية / «The Sense of an Ending»	جملة الصم / «Sentence»
half – 30.36%	half – 29.21%	half – 31.54%	half – 28.3%	half – 43.54%	Question – 6.45%	Not knowing – 19/7%
Not knowing – 10.9.%	Not knowing – 16.4%	Question – 11.86%	Not knowing – 16.6%	Not knowing – 14.9.%	Not knowing – 19/7%	Question / – 6 %
Question – 10.53%.	Question – 11.23%	Not knowing – 11.37%	Question – 6.45%	Question – 6.45%	half – 30.36%	probable – 16.42%
doubt – 7.69%	doubt – 7/11.23%	doubt – 7.83%	doubt – 8.9%	Vague – 9.41%	Mystery – 9.68%	half – 13.87%
probable – 7.29%	Vague – 6.74%	Vague – 5.39%	Worry – 7.5%	Dizzy – 5.1%	probable – 8.39%	Worry – 8.76%
Vague – 9.41%	probable – 16.42%	probable – 16.42%	Mystery – 9.68%	probable – 16.42%	Unsure – 7.74%	doubt – 7.69%

Preferential writers' use of definite nominations to denote uncertainty is almost identical and could serve as the evidence for:

1) chosen lexemes belong to the core of the nominative field of the literary concept «مبدأ الرئية» and reflect general regularities of the apprehension of the concept by Arabic mentality bearers;

2) verbalization of disorder or uncertain state is inherent of literary postmodern practices considering absolutization of uncertainty and is realized in all literary texts having similar indexes among the texts of different writers, e.g., I. McEwan and D. Mitchell;

3) for objectivizing uncertainty by means of relevant factors one has to refer to writers' arrangements and style. It is proved with identical indexes of sets of nominations in the texts of the same writer (I. McEwan), as in the left sector of the diagramme (picturing indexes of three texts of one and the same writer) the distribution of lexemes coincides and it gives the evidence of similarity of writer's style of the texts.

We esteem the individual writers' preferences in using lexemes which do not belong to the core nominations of uncertainty help expose their personal arrangements of each text. Besides, language preferences of the writers are motivated by stories. Thus, in the novel by J. Barnes, recurrent lexemes «الغموض» and «غير متأكد» express protagonist's ambition to solve a mystery of a friend's death and uncertainty of search results; «مصاب بدوار» lexeme of T. McCarthy imply physical and psychological faults of the character after suffering a hard trauma; «الغموض» and «قلق» of D. Mitchell reflect multiple secrets of characters and worries after they were solved; in the novel by D. Lodge lexeme «قلق» denotes permanent character's agitation concerning intimate relations with a student of his.

Graphic presentation of a number of lexeme use in each analyzed text takes the form as in Fig. 2 (the percentage of the total fixed nominations). To make a note, the

words to undergo analysis were chosen together with all their derivatives (semes were registered, not word forms). If to sum up all nominations of uncertainty used by the writers, the most widespread are the following: « نصف » — 28%, « معروفًا ليس » — 15%, « سؤال » — 14%, « محتمل » — 8%, « شك » — 6%. Considering their semantics, the majority of the domain lexemes (4 and 5) express “subjective” uncertainty speaking in favour of their content subjectivation.

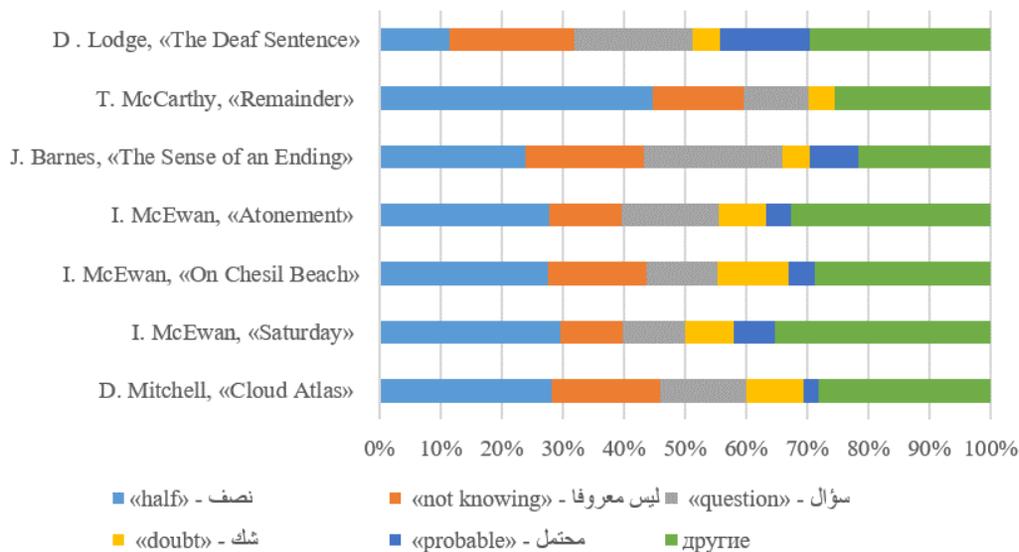

Fig. 2. Distribution of the most frequent uncertainty nominations in texts

Proceeding from quantitative data, the correlation within the main five nominations of uncertainty looks like that:

Fig. 3. The most frequently used LUs to denote uncertainty in British bestsellers in Arabic, %

Quantitative indexes of these nominations in literary texts, lexis makes up the main five or 2/3 of all lexical units bearing semantics of uncertainty, and just one third makes up other nominations. This ratio persists in each text (see: Fig. 9). So, to depict the impression of instability and uncertainty in the English language texts there are largely used nominations of indistinct uncertainty seme and their associates.

The rest of usage include one third of sampled nominations (31% in number almost identical to the usage of a sole lexeme «نصف»). Only two of the lexemes («شك» и «سؤال») belong to the core of the nominative field of the concept. It means that in literary texts, to reflect the literary “universal and pervasive” uncertainty the writers go in for using lexical means of the near-core zone and periphery of the nominative field of the concept, as the zones mentioned do not have exact limits, and such lexical means bear ambivalence. Genre features also demand the writers use expressiveness that contradicts the unambiguity of nominations and facilitate the textual use of peripheral lexical units. The obtained transposed quantitative indexes of the nominative field of the literary concept of uncertainty are exposed as a distribution of its verbalization as the core of the nominative field (Fig. 4):

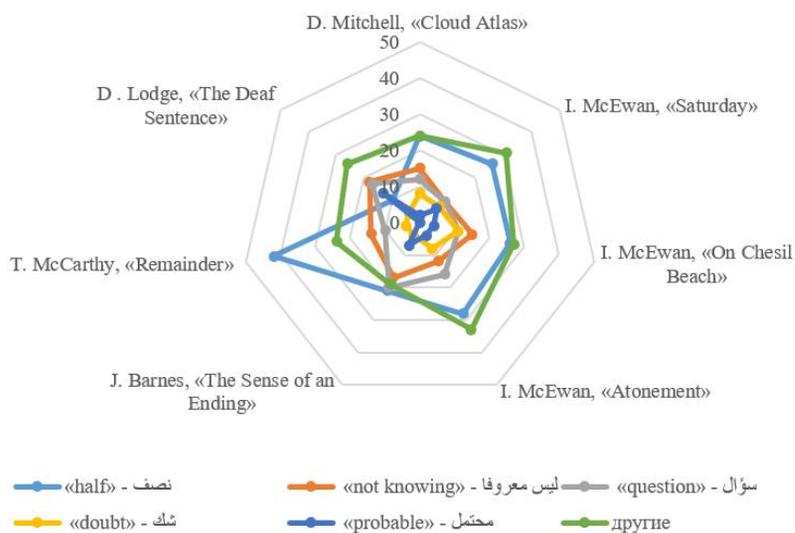

Fig. 4. Lexical filling of the core of the nominative field of the literary concept "مجهول شيء"

Fig. 4 shows the approximation of lexemes to the core of the nominative field of the literary concept «شيء مجهول». The analysis of the text revealed the crucial aspect to objectivize the concept of uncertainty: several nominations acquire the functions of uncertainty markers in the text only (uncertainty semes are not reflected in the dictionary entries). It gives the evidence of the existing redistribution among the zones of the nominative field of the concept – peripheral elements become the core ones which is most typical of the modern Arabic literary texts., as “transfer of core and peripheral layers of the concept is observed during the periods of cultural arrangements changes, spiritual crisis and first of all, in the literary discourse” [2].

Quantitative textual indexes demonstrated that the ratio of a number of usage samples of lexical and morphological means made up about 1:2 (18591:31169). Despite much lesser amplitude of Arabic morphological means to express uncertainty, their functional characteristics and implicative potential let confirm the high productivity in use as the uncertainty markers.

The domination of a lexeme «نصف» over used in texts nominations of uncertainty (thesaurus analysis didn't find it among the core elements of the nominative field) proves non-compliance between the dictionary reflection of uncertainty (linguistic, reflected in the dictionary entries) and discourse (speech, which is actualized in literary texts). The central position of this lexical unit might be proved with a few factors. Firstly, it's the lexeme's semantics (شيء غير كامل؛ جزئياً ولكن ليس تماماً) that provides its fragmentary, incomplete nature that is some ambiguity, vagueness. In this angle, for example, the character of T. McCarthy's novel «Remainder» perceives rather neutral thing: the £ 8.500.000 total of insurance compensation – «لماذا أضافوا النصف؟ يبدو لي» – «فوضوي جداً ، هذا النصف: جزء من بقايا ، قطعة من المخلفات». The allusion on the half to add to the amount causes his embarrassment and dismay.

Instability of situation has got a broad expression in literary texts and provides to attract in verbalizing the lexeme «نصف» and its derivatives: «... يبدو أنهم يعيشون دائماً في ...» [3] حالة شبه فوضوي ، مع نصف مساحة معيشتهم فقط قابلة للحياة

For the sake of intensification of the uncertainty effect, within a sentence, British authors use a number of means of various linguistic levels, which serve to the single aim – the objectivization of the atmosphere of instability in their texts: « قبل شهر أخبروا بعض البعض بأنهم كانوا في حالة حب ، وكان ذلك بمثابة إثارة وبعد ذلك سبب ليلة واحدة من الاستيقاظ النصف ، من الرهبة الغامضة التي كانت متهورة والسماح لشيء مهم ، بالنظر إلى شيء بعيد ليس حقاً لها أن Thanks to accumulating the means of various linguistic levels, and according to the excess principle, some fragments of literary narrative possess the high degree of semantic “concentration” of uncertainty: « لدي صور غامضة ، نصف انطباعات: عن: « الوجود ، أو ، على وجه الدقة ، أن تكون على وشك الضرب ؛ ضوء أزرق؛ أضواء من الألوان الأخرى يجري فوق نوع من الدرج أو السرير . لكن من الذي يقول إن هذه ذكريات حقيقية؟ من الذي سيقول أن ذهني المصاب بالهلع لم يتم فقط بتجميعها ، أو سحبها من مكان آخر ، وفتحة أخرى ، والتشبيث بها لسد الفجوة التي وقع فيها الحادث؟» [5] Such textual arrangement of representatives is the general trend of the texts under review.

The second reason of this lexeme domination lies in its strong derivational potential, because as a morpheme «نصف» it could belong to any lexical unit despite its word-class attribution, and it makes grow the number of its textual usages. Thus, the novel by D. Mitchel «Cloud Atlas» counts 127 usages of 32 lexical units with «نصف» component derived from the Arabic outspread (نصف معبأة ، نصف منتهية ، خفية نصف) and individual authors' nonce formations like (نصف الشقلبات). One of the derived lexemes is used as a chapter title of the novel («حياة النصف: أول لغز لويزا ري»).

A great many of such derivatives are contained in other analyzed texts: «Atonement» — 117, «Remainder» — 115, «Saturday» — 47 (« انه بارع في تغطية مساراته ، ») «Deaf Sentence» — 45, «The Sense of an Ending» — 25 (« ثم نصف قذف ...») («مقالة ساخنة في بالوعة الرطب» [7] «On Chesil Beach» — 20. The total of usages of the words with the «نصف» component made up 496 lexical units. Both nouns and verbs, adjectives and participles might combine with «نصف».

Thirdly, as an independent lexeme, it is functionally flexible and could belong to various parts of speech in the text as those:

- a noun (in sentences to fulfil functions of a subject, a part of compound nominal predicate, an apposition): [80] C. «لكن هذا كان نصفها فقط» [7];

- a determinative (in text, attribute): « فثل هناك يكون لن ، فثل هناك يكون عندما » [8]; «نصف»

- an adverb (the adverbial modifier of modus operandi): « ركض سيسيليا تاليس نصفها » [9] مع زهورها على طول الطريق الذي مر به النهر

In the novel of T. McCarthy «Remainder» «نصف» forms an occasional reduplicative morpheme «نصف نصف»: «نصفية نصف أخرى ونغمة ، أخيرة نغمة نصف يعطون دائما هم...» [10. C. 84]. Reduplicated compounds demonstrate semantic intensity, which is why we treat them as individual authors' nonce words, because we could fix such formation in a single text of a single writer.

The data obtained shows that among other nominations of the «مبدأ الريبة» concept in the analyzed texts prevail:

- مثل وكانت ، العنابر في وكذلك الشوارع في هناك كان الذي الارتياح عدم تذكرت»: (246) ظلام [11. C. 260—261]; «نفسه الظلام

- من بأقل القبول هذا هذا القبول بأقل من الآخرين كان أيضاً بسبب الخوف ، بالطبع»: (205) خوف [12]; «أو قول من الخوف ، الحمل من الخوف :بالطبع ، الخوف بسبب أيضاً كان الآخرين

- كانت لولا مهينة على الفور ، وقد افترضت بريوني أن هذه التغيرات»: (175) الأخير غضبها من تغيير [13]; «السريعة في المزاج كانت جزءاً من غضبها الأخير

- كان والحادث ، الحمام كانت ذكرياتي أن لو كما كان»: (124) الضوضاء -»: (124) الضوضاء [14]; « يخيفهم كان كبيراً ضجيجاً

- كارثية نهاية إلى تصل أن يمكن للحضارة الممكنة الطرق من العديد هناك»: (117) حدوثه جائز ، [15]; «جداً وقريباً

- [16]; « لآخر وقت من مشاكل نشأت»: (110) مشكلة

- [17]; «العودة من ... فرصة هناك كان»: (101) فرصة

There the seme of uncertainty is not the main dictionary meaning, however, it is used in the text and is contextually supported with the concentration of meanings of semantically similar lexemes. Due to the “seme repletion” (the term was introduced by M.V. Nikitin [18]) and coordination of synonymic lexis in the text, we notice the stronger direct nominative meaning of uncertainty which is overlapping with contextual meanings of a broad range of lexical units.

Key words of a text and their most frequent associates make up the core elements of the nomination field of the concept [20], and semantic dominants of texts, “the background of stylistic devices speaking of the authors' textual strategies” [21]. The analysis carried out lets qualifying the concept «الريبة مبدأ» to be the text creating component of British literary texts, which according to the arrangement of the absolutization of uncertainty also belongs to the modern literary Arabic system.

Even more important aspect of content development of literary texts considering semantics of exposed lexemes, is the review in terms of “double encoding”. According to the theory of postmodernism, a message exists as a complex interaction of various codes (which R. Barthes defines as “super textual organization of meanings imposing the image of a certain structure” [22]). According to D. Fokkema, there are such codes of literary text:

- linguistic code (code of natural language – here Arabic);

- literature code (as the perception of literary texts as coherent ones);

- genre code (expectations of genre qualification of a text);

- idiolect of a writer (recurrent features of individual style);

- postmodernism code as a literary trend (realization of literary arrangements and poetics) [23].

Specifics of such encoding is a simultaneous realization of codes and their concurrence in process of receiving a text by a reader: “Every code limits and denounces the actions of other codes forming and approving its own choice of linguistic units and their arrangement” [24].

Conclusions

Finally, the analysis of the modern world literary discourse in the Arabic variation demonstrated the Arabic contains a large amount of various lexical means to express the uncertainty principle.; they make up a coherent system and subordinate definite regulations. Cultural and etymological markedness of some uncertainty nominations (despite using the world bestsellers for analysis) deals with specifics of their perception by Arabic language bearers. It limits their usage and brings difficulties for perception, still, at the same time, it broadens their potential as such markedness causes new senses, correlating with the established ones. Arabic and English languages express the universal extralinguistic sense of uncertainty nomination – a textual lexical unit as a sign of an object not yet balanced in the exact communicative act – through specific linguistic meanings of the correlated lexemes and grammatical forms.

Lexis denoting various aspects of uncertainty, embraces a broad span of human activity and communication. The distribution among the application spheres of uncertainty nominations is not even. Thus, lexical nominations are a powerful means of textual realization of the uncertainty principle both as semantic and grammatical category. The carried out research also showed that the notion of determinant put forward within systemic theory of language by G.P. Melnikov, could be applied both to systemic paradigmatic relations and syntagmatic relations between textual semantic units, as well as the explanation not only the grammatical structures of language, but also the nature of semantic ties in lexical system. The high degree of synthetism and orientation of the Arabic language determinant to the maximal grammaticalization of semantic categories embodies into grammatical expression of uncertainty meaning in close connection of lexical and grammatical means to realize this category.

The analysis of semantics of textual lexical units and grammatical forms bring the conclusion of determinative role of the core of semantic field in arranging proper units in course of textual realization of uncertainty category which is the evidence of systemic arrangement of semantic field both in a national language as a whole and a single separate text.

Among the perspectives of further research, one might name a range of issues connected with conceptualization of uncertainty in languages of different structure, in particular, studying mechanisms and means to verbalize the uncertainty concept applying systemic comparative analysis.

References

1. Barnes, J. (2011). *The Sense of an Ending*. London: Jonathan Cape. / J. إنهاء بمعنى بارنز / J. بارنز. <https://www.kutub-pdf.com/book/%D8%A7%D9%84%D8%A5%D8%AD%D8%B3%>

D8%A7%D8%B3-D8%A8%D8%A7%D9%84%D9%86%D9%87%D8%A7%D9%8A%D8%A9.html

2. Sulimenko, N.E. (2008). *Text and aspects of its lexical analysis* N.E. Sulimenko (ed.). Moscow: Flint: Nauka. (In Russ.).
3. Lodge, D. (2009). *Deaf Sentence*. London: Penguin Books. (الجملة الصم D. لودج 2010, E-resource).
4. McEwan I. (2007b). *On Chesil Beach*. London: Jonathan Cape.
5. McCarthy, T. (2006). *Remainder*. London: Alma Books.
6. McEwan, I. (2006). *Saturday*. London: Vintage Books.
7. Barnes, J. (2011). *The Sense of an Ending*. London: Jonathan Cape.
8. McEwan, I. (2006). *Saturday*. London: Vintage Books.
9. McEwan, I. (2007a). *Atonement*. London: Vintage Books.
10. McCarthy, T. (2006). *Remainder*. London: Alma Books.
11. McEwan, I. (2007a). *Atonement*. London: Vintage Books.
12. Barnes, J. (2011). *The Sense of an Ending*. London: Jonathan Cape.
13. McEwan, I. (2007a). *Atonement*. London: Vintage Books.
14. McCarthy, T. (2006). *Remainder*. London: Alma Books.
15. Lodge, D. (2008). *Deaf Sentence*. London: Penguin Books. (الجملة الصم D. لودج 2010, E-resource).
16. Mitchell, D. (2004). *Cloud Atlas*. New York: Random House.
17. McEwan, I. (2007a). *Atonement*. London: Vintage Books.
18. Nikitin, M.V. (2007). *Course of linguistic semantics*. SPb: RSPU in. A.I. Herzen. (In Russ.).
19. Mitchell, D. (2004). *Cloud Atlas*. New York: Random House.
20. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). *Semantic and cognitive analysis of language*. Voronezh: Istoki publishing House. (In Russ.).
21. Sulimenko, N.E. (2009). *Text and aspects of its lexical analysis*. Moscow: Flint: Nauka. (In Russ.).
22. Arshinov, V.I., Lukyanchuk, B.S. & Nikolsky, A.E. et al (2017). *Semiotics of communicative waves of "subconscious": on topical issues of structural semiotics*. Moscow: Sputnik. (In Russ.).
23. Douwe Wessel, Fokkema. (2000). *Knowledge and Commitment: A Problem-Oriented Approach to Literary Studies*.
24. Iyin, I.P. (2001). *Postmodernism*. Dictionary of terms. Moscow: Inion ras-intrada. (In Russ.).

Библиографический список

1. Barnes J. The Sense of an Ending / J. Barnes. London: Jonathan Cape, 2011. Режим доступа: J. بارنز / إنهاء بمعنى / J. بارنز. <https://www.kutub-pdf.com/book/%D8%A7%D9%84%D8%A5%D8%AD%D8%B3%D8%A7%D8%B3-D8%A8%D8%A7%D9%84%D9%86%D9%87%D8%A7%D9%8A%D8%A9.html>. p. 60.
2. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа. М.: Флинта: Наука, 2009.
3. Lodge D. Deaf Sentence. London: Penguin Books, 2008. (الجملة الصم D. لودج 2010, E-resource).
4. McEwan I. On Chesil Beach. London: Jonathan Cape, 2007b.
5. McCarthy T. Remainder. London: Alma Books, 2006.
6. McEwan I. Saturday. London: Vintage Books, 2006.
7. Barnes J. The Sense of an Ending. London: Jonathan Cape, 2011.
8. McEwan I. Saturday. London: Vintage Books, 2006.
9. McEwan I. Atonement. London: Vintage Books, 2007a.
10. McCarthy T. Remainder. London: Alma Books, 2006.
11. McEwan I. Atonement. London: Vintage Books, 2007a.
12. Barnes J. The Sense of an Ending. London: Jonathan Cape, 2011.
13. McEwan I. Atonement. London: Vintage Books, 2007a.

14. *McCarthy T.* Remainder. London: Alma Books, 2006.
15. *Lodge D.* Deaf Sentence. London: Penguin Books, 2008. (الجملة الصم D. لودج, E-resource).
16. *Mitchell D.* Cloud. New York: Random House, 2004.
17. *McEwan I.* Atonement. London: Vintage Books, 2007a.
18. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.
19. *Mitchell D.* Cloud Atlas. New York: Random House, 2004.
20. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007.
21. *Сулименко Н.Е.* Текст и аспекты его лексического анализа. М.: Флинта: Наука, 2009.
22. *Аршинов В.И., Лукьянчук Б.С., Никольский А.Е. и др.* Семиотика коммуникативных волн «подсознания» (Semiotics of communicative waves of "subconscious"): к актуальным вопросам структурной семиотики. М.: Спутник, 2017.
23. *23.Douwe Wessel Fokkema.* Knowledge and Commitment: A Problem-Oriented Approach to Literary Studies. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2000.
24. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН-INTRADA, 2001.

Сведения об авторах:

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *сфера научных интересов*: семантические и когнитивные исследования языка; теория семантического поля; контрастивный и сравнительный языковой анализ; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Калинина Наталья Сергеевна, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: лингвистическая семантика; *e-mail*: ke6831@yandex.ru

Information about the authors:

Vladimir N. Denisenko, DSc. in Philology, Full Professor, Head of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University. The sphere of research includes semantic and cognitive language studies, theory of semantic fields, contrastive and comparative linguistic analyses; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Natalia S. Kalinina, Post-graduate student of the General and Russian Linguistics Department, RUDN University; *Interests*: linguistic semantics; *e-mail*: ke6831@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63
УДК 811.581'37:165

Научная статья / Research article

О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка

Т.В. Демидова¹, Т.М. Соловьева², С.А. Баров³

^{1,2} Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект, 49, Москва, Российская Федерация, 125993

³ SABarov@fa.ru

В статье делается попытка осмыслить когнитивно-семантический подход к китайскому языку в рамках его преподавания и изучения в высшей школе с учетом контрастивных по отношению к русскому языку особенностей. Основные теоретические постулаты китайского языкознания были сформулированы в трудах отечественных китаеведов в русле формально-структурных парадигм, основанных на материалах западных языков и их уровневой организации. Данный подход отражен в большинстве учебников по китайскому языку, в связи с чем китайский язык зачастую преподается по лекалам методики преподавания западных языков, что не позволяет овладеть им в полной мере, так как изначально не учитывается семантическая и когнитивная несоразмерность основных языковых единиц русского и китайского языков. Базовой единицей русского языка является слово как его номинативная и в то же время основная речевая единица. В китайском же языке, по нашим наблюдениям и анализу соответствующей литературы, эта роль принадлежит в основном более дробной содержательной единице, которая в слове, в номинации выступает как основная единица языкового членения мира, а в речи может выступать и как простое слово и как часть более сложного образования — слова или словосочетания. На письме эта единица представлена в виде иероглифа, обозначая образно или иным способом определенные предметы реальности и концептуализируя их, что позволяет нам рассматривать иероглифы в качестве выразителей минимальных концептов китайского языкового мышления. В статье впервые в отечественном языкознании затрагиваются вопросы отражения в процессе преподавания концептуальных особенностей китайского языка. На современном этапе практически нет учебников и методик, нацеленных на освоение специфических китайских языковых единиц. Авторы делают попытку привлечь внимание китаистов к этой проблеме и пересмотреть сложившиеся воззрения в новом когнитивно-семантическом ключе, в связи с чем обосновывается необходимость переориентации преподавания, воспроизводящего методические и лингвистические установки, применяемые по отношению к изучению индоевропейских языков, на методические установки, соответствующие сущностным характеристикам китайского языка как последовательно изолированного по типу и специфически восточного по ментально-культурным основаниям. Авторы маркируют соответствующие вопросы данной проблематики и предлагают некоторые пути к их разрешению.

Ключевые слова: когнитивно-семантический подход, основные единицы языка, языковое сознание, преподавание китайского языка

© Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2019

Дата приема в печать: 15.12.2019

Для цитирования:

Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А. О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 1. С. 48—63. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63

UDK 811.581'37:165

On the Cognitive-Semantic Approach to the Study of Modern Chinese Language

Tatyana V. Demidova¹, Tatyana M. Soloveva², Sergey A. Barov³

^{1,2}Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

³Financial University
Leningradskiy prospekt, 49, Moscow, Russia, 125993

³SABarov@fa.ru

The article makes an attempt to comprehend the cognitive-semantic approach to the Chinese language in the framework of its teaching and study in higher education, taking into account features contrasting to the Russian language. The main theoretical postulates of the Chinese language-study were formulated by the Russian sinologists in line with formal structural paradigms based on materials of Western languages and their level of language organization. This approach is reflected in most Chinese language textbooks. In this regard, the Chinese language is taught according to the patterns of teaching Western languages. This approach does not allow to fully master the language, as it does not take into account the semantic and cognitive disproportion of the basic units of languages. The basic unit of the Russian language is the word as its nominative and at the same time the main speech unit. In the Chinese language, according to our observations and analysis of the relevant literature, this role belongs mainly to a more fractional substantive unit, which in the dictionary, in the nomination, acts as the main unit of the language division of the world, and in speech can also act as a simple word and as part of more complex formation — words or phrases. In writing, this unit is presented in the form of a «zi» hieroglyph, figuratively or otherwise denoting certain objects of reality and conceptualizing them, which allows us to consider these «zi» as expressors of minimal concepts of Chinese linguistic thinking. For the first time in Russian linguistics, the article addresses issues related to these basic units in connection with teaching issues. At the present stage, there are practically no textbooks or techniques aimed at mastering these specific Chinese language units. The authors make an attempt to attract the attention of sinologists to this problem and to reconsider the existing views in a new cognitive-semantic vein. In this context, the necessity of reorienting teaching that reproduces the methodological and linguistic orientations applied in relation to the study of Indo-European languages to methodological orientations corresponding to the essential characteristics of the Chinese language as consistently isolated in type and specifically orientational in terms of mental and cultural grounds is substantiated. In this regard, there marked relevant issues are there proposed some ways to resolve them.

Key words: teaching of the Chinese language, cognitive-semantic approach, basic units of language, linguistic consciousness

Article history:

Received: 01.09.2019

Accepted: 15.12.2019

For citation:

Demidova, T.V., Soloveva, T.M. & Barov, S.A. (2020). On the Cognitive-semantic Approach to the Study of Modern Chinese Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 48—63. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63

Ибо общим правилом является: всюду,
где упорядочены начала (*principia*),
также все производные (*derivata*)
следуют правильному порядку.

Г. Лейбниц

Введение

Побудительным мотивом данного исследования для авторов стало чувство неудовлетворенности в результатах обучения китайскому языку в аспектах, связанных с пониманием и продуцированием обучающимися речевых актов при «живом общении» на китайском языке, как и по причине отсутствия методик, позволяющих хотя бы в отдаленном приближении научить студентов мыслить на китайском и транслировать мысли в те языковые единицы, которые релевантны языковому сознанию китайцев и не воспринимались бы последними как чуждые и неуместные (хотя и могут быть понятными, например, благодаря общему контексту общения). В целом, проблематика нашей работы касается содержательной стороны китайского языка и возможности ее восприятия носителями иного языкового типа, а именно флективных языков, каким, например, является русский. В связи с тем, что методика преподавания китайского языка опирается на определенные лингвистические установки, мы также фрагментарно обратились к проблеме семантической, содержательной составляющей китайского языка, а также к проблемам речеделания (продуктивная функция речевого мышления) и понимания китайской речи (перцептивная функция сознания). Эти аспекты применительно к практике преподавания китайского языка до сих пор очень слабо изучены, оставаясь нетронутой «сокровищницей души языка» (в понимании В. Гумбольдта (см.: [1])) и представляя невероятную трудность для тех, кто пытается ее постичь, опираясь на господствующую в китаистике и преломленную в дидактике универсальную систему воззрений.

Семантический аспект китайского языка как предмет преподавания

Те методики и теории языка, которые традиционно используются в преподавании китайского языка, не позволяют разрешить указанные проблемы как не нацеленные на познавательно-семантический его компонент, как игнорирующие когнитивные особенности обучающихся, связанные с памятью, вниманием и мышлением. Они построены с опорой на неблизкую китайскому языку, его духу, слово-центристскую концепцию западного языкознания, ориентированную на формально-лингвистические теории в отрыве от содержательно-

мыслительного компонента, без учета особенностей основных единиц, аутентичных китайскому мировидению, его «языковой картине» и семантике.

Китаистика в нашей стране в XX веке и в Китае социалистического периода главным образом развивалась в русле общелингвистических теорий, основанных на западных языках, в фарватере структурно-системных воззрений, провозглашенных Ф. Соссюром [2]. Во многих основополагающих трудах, посвященных грамматике китайского языка, рассматриваются в первую очередь вопросы об его уровне строения, о его основных единицах, о его морфологии и прочих грамматических явлениях. Об этом, например, уже говорится в одном из первых советских учебников по грамматике китайского языка А.И. Иванова и Е.Д. Поливанова [3]. Вопросам грамматической природы слова на более высоком теоретическом уровне посвящены труды Н.Н. Короткова [4]. Наибольший вклад в теоретическое осмысление китайского языка с точки зрения его типологических особенностей внесли В.М. Солнцев и Н.В. Солнцева [5; 6; 7].

Все указанные выше авторы, подвизавшиеся на ниве общетеоретического языкознания, тем не менее, признают специфические особенности китайского языка, проявляющиеся и в его структурных свойствах. Так, например, Е.Д. Поливанов отмечал: «Строго говоря, точного соответствия нашим единицам языкового мышления (звуко-представлению — фонеме, слову, предложению) в современном китайском языке не существует» [3. С. 3].

В.М. Солнцев отмечает, что китайский язык принадлежит к типичным изолирующим языкам, которые во многом отличны от языка русского, принадлежащего к неизолирующему, флективному типу. Уже в рамках этой классификации очевидно существенное различие языков: «...сопоставление единиц изолирующих языков и их иерархических отношений со свойствами единиц неизолирующих языков... обнаруживает существенные различия общесистемного характера» [5. С. 15]. Таким образом, те ученые, которые рассматривали язык с точки зрения общесистемных свойств языков вообще, отмечали особенности, затрагивающие его форму, безотносительно к смысловыражению. Что касается основной единицы языка, то они в основном придерживались концепции слова как основной единицы языка и его строя.

В то же время в советской китаистике существовали и до сих пор трудятся такие ученые, которые предметом своих изысканий брали именно специфические свойства языка. Так, А.М. Карапетьянц говорит о китайском слове, подчеркивая его односложный характер, и критически переосмысляет труды вышеуказанных авторов. В то же время в силу традиции он также не избегает понятие слова, подчеркивая его специфику и обозначая его то как слогознак, то как слогоморфема, то просто как односложное слово. Именно последнее он признает на основе формального, фонетического признака — ударения — основной структурной единицей: «основной единицей в китайском языке выступает слогознак, с фонетической точки зрения квалифицируемый как словослог, а с графической — как слогознак» [8. С. 9]. Отметим, что в нашем дальнейшем повествовании мы будем для простоты изложения, а также содержательной емкости этого китайского знака, который по-китайски звучит как «цзы», использовать именно этот термин в его русской транскрипции. Отметим также, что в

трудах А.М. Карапетьянца, не направленных непосредственно на анализ системы китайского языка, а посвященных китайской текстологии, источниковедению и истории философии, последовательно за единицу анализа берется именно китайский «цзы» во всех его ипостасях [8; 9].

Работы Тань Аошуан также нацелены на раскрытие специфических свойств китайского языка в целом в альтернативном традиционным воззрениям модусе (см.: [10]), где вообще отвергается идея рассмотрения языка с точки зрения его уровневого строения и предлагается иная, речевая модель китайского языка. Этот же автор впервые в нашей стране поставил вопросы о языковой картине мира китайцев (см.: [11]), вплотную подошел к вопросам о специфическом мировидении и отражении его в значениях китайских слов. В этой монографии автор, ссылаясь на А. Вежбицкую (см.: [12]), говорит об этноцентричности языкового значения. Мы также опираемся в своем анализе на указанного автора как яркого ученого, посвятившего свои работы семантическим исследованиям.

«Семантика есть наука о понимании», «...овладение языком есть прежде всего постижение значения» [13. С. 30, 37], — эти идеи, высказанные А. Вежбицкой, легли в основу нашего анализа. Считаем, что развиваемые в последние десятилетия теории в рамках когнитивно-семантического подхода к языку можно найти некоторые алгоритмы в преодолении указанных выше проблем. Наша задача состоит в том, чтобы определить пути и выходы из существующего положения дел. Для этого необходимо сделать конкретные шаги в поиске языкового материала и сформулировать основные критерии определения и отбора релевантных семантических единиц.

Фактически мы анализируем китайский язык в преломлении к аудиторным целям преподавания с опорой на соответствующие языковые теории. Полагаем, что это поможет в преодолении многих проблем в изучении, связанных с «осмысленным» использованием языка в речевой деятельности, которая на данном этапе в основном совершается в имитационном формате, так как у обучающихся не формируются собственно семантические представления о китайском языке. С тем, «чтобы мысли были вербализованы говорящим, сначала они должны быть структурированы в соответствии с уникальной семантикой данного языка» [14. С. 66] — мы в этой цитате У. Чейфа специально выделяем слово «уникальной», так как семантика китайского языка действительно уникальна, но при этом ее изучению зачастую нет места в методике преподавания. Нейролингвист Т. Черниговская, говоря об обучении вообще, подчеркивает, что, «обучаясь чему бы то ни было, человек учится понимать и интерпретировать, а не просто наполняет память фактами» [15].

Осмысленному изучению основных содержательных единиц китайского языка не уделяется специального внимания, да и у преподавателя в большинстве случаев отсутствует соответствующий лингвистический и дидактический материал, направленный на формирование у обучающихся когнитивно-семантических навыков (см.: [16]).

Обучение речевой деятельности (в широком смысле этого слова, сюда входит и говорение, и чтение, и перевод, и аудирование и пр.) совершается только в рамках тех тем и материалов, и, главным образом, тех понятийных, словесных

единиц, которые заданы современной общественной тематикой глобально-интернационального характера, и которые овеществлены в словах русского и западных языков по их моделям, и которые (темы и единицы) заданы программными установками преподавания, ориентированного на современный мир.

Языковые единицы, фиксирующие эти понятия, означены в китайском языке с помощью производных (деривативных) сложных наречений, фактически являясь речевыми словосочетаниями и только опосредовано соотносены с первообразными, базовыми, аутентичными национальному языковому сознанию китайцев единицами. Эти дериваты подлежат заучиванию, «зубрежке» по правилам и форматам русского языкового мышления лишь в иных «упаковках», с иными «ярлыками». Любой, даже незначительный отход от этих общих тем и принадлежащих им номинаций приводит к неспособности выразить собственную мысль или понять речь носителя. Последняя в реальном воплощении оказывается далеко за рамками тех единиц, принципов и правил, коими вынужден руководствоваться обучающийся. Таким образом, фактически китайский язык изучается в моделях русской семантики или в лучшем случае по принципам универсальной семантики языка вообще, без учета уникальности китайского языка в этом аспекте.

«Закованность» китайских производных образований (речь идет в первую очередь о сложных номинациях) в русскую концепто-сферу мешает обучающему творчески выражать свои соображения и взгляды и строить речь «легко» и без особого напряжения умственных способностей. Общепринятая практика преподавания китайского языка (и в России, и в Китае для иностранцев) не обеспечивает нас необходимым инвентарем, тем материалом и той методикой, которая позволяла бы осваивать соответствующие механизмы языка. Такая ситуация в основном сложилась из-за приверженности авторов базовых учебников по китайскому языку лингвистической теории, которая в китаистике стала господствующей в XX веке как стремящаяся унифицировать китайский язык и рассмотреть его в парадигме системоцентричности и словоцентричности подобно индоевропейским языкам.

Существующая методология изучения китайского языка рассматривает последний (формулируем в упрощенном виде) как строгую логическую модель, поддающуюся изучению с помощью грамматических правил оперирования словами с опорой на рациональные критерии (см.: [17]). Таковая имеет определенные положительные стороны, но она упрощает и снимает с языка все то, что не поддается строгой рационализации и фактически не оставляет пространства для целенаправленного изучения его номинативно-познавательной функции, из-за чего субъекту-носителю, например, русского языка бывает трудно освоить «иноанимистичный» китайский язык.

Теоретические основания подхода к проблеме

Главные общие идеи, на которые мы опираемся, пытаюсь разобраться в сути проблемы, были сформулированы еще В. Гумбольдтом, который, в частности, говоря о языке, писал: «Отделяя характер языков от их внешней формы, без которой невозможно представить себе язык, и противопоставляя характер форме,

мы обнаруживаем, что первый заключается в способе соединения мысли со звуками. Взятый в этом смысле, он подобен духу, который вселяется в язык и одушевляет его, как из него же, духа, сотканное тело. Характер — естественное следствие непрекращающегося воздействия, которое оказывает на язык духовное своеобразие нации» [1. С. 167]. В. Гумбольдт одним из первых поставил вопрос о духовной сущности языка и предвосхитил все те идеи о ментально-психическом и национальном колорите языка в его неразрывной связи с человеком, что нашли отражение в современном языкознании в его устремленности к антропоцентризму и отходу от системоцентризма. Данные две тенденции подробно рассмотрены В. Алпатовым в его статье «Два подхода к изучению языка» (см.: [18]).

В нашу задачу не входит (и мы не считаем себя компетентными) непосредственно проводить анализ философско-лингвистической и психолингвистической проблематики, онтологических принципов и закономерностей между языком, мышлением и действительностью. Тем не менее, мы вынуждены касаться этих вопросов, как затрагивающих, в том числе и практическую сторону жизни, а в нашем случае таковой является практика изучения китайского языка. Считаем, что она должна быть построена так, чтобы в искусственных условиях, в аудитории мы могли достигать эффекта языковой среды, в которой на интуитивном, подсознательном уровне осваивается языковая «картина мира» и формируется языковая компетенция «носителей языка».

Исходя из этой «программы-максимум», мы обратились к работам тех теоретиков языка, которые представляются созвучными нашей теме и отвечающими нашим запросам. На их идеи мы опираемся в своих изысканиях и анализе. Например, учение уже упомянутого В. Гумбольдта о духе языка и о его деятельности характере, позволило нам осознать знак-иероглиф 字 («цзы») как некоторый основной носитель духа, ментальности китайской нации, как выражение специфического способа «соединения мысли со звуками», а точнее мысли с графическим образом, коим является иероглиф. Мы также опираемся на работы А. Потемби с его взглядами на внутреннюю форму слова: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию» [19. С. 98].

Отметим, что если для осознания внутренней формы слова русского языка необходимо произвести его историческую реконструкцию, и часто она бывает не очевидна (по крайней мере не всегда очевидна) для рядовых носителей русского языка, то для рядовых носителей китайского языка (естественно, получивших хотя бы школьное образование) она открыта, явлена неизменяющейся образно-понятийной материей — знаком «цзы», иероглифом.

Важные для нашего анализа идеи почерпнуты также из работ современных лингвистов. Работы Е. Кубряковой (см.: [20]), связанные с когнитивным подходом к изучению языка и с номинативным аспектом речевой деятельности, помогли нам увидеть в «цзы» номинативную единицу, участвующую параллельно с процессом семиозиса в классификации окружающего мира, его категоризации. Теория семантических универсалий и базисных концептов А. Вежбицкой побудила нас поставить вопрос о базовых концептах китайского языка в рамках именно его лексико-семантической системы. В поисках подхода к теме в ее психолингвистическом аспекте мы обратились к трудам Т. Черниговской, в ко-

торых обобщен опыт нейрофизиологов, психологов, психолингвистов и когнитологов по вопросам языка и сознания, в том числе и в связи с проблемами номинации, памяти, знаковых систем, ментального лексикона и организации такового в мозге человека.

Из работ перечисленных авторов, а также и из других связанных с темой источников мы для себя формулируем следующие умозаключения общего порядка. Между языком, действительностью и мышлением существует взаимосвязанная, интерактивная связь: мы познаем и «видим» мир через призму языковых явлений и категорий, и в то же время последние при их формировании в нашем сознании обусловлены миром и нашим практическим взаимодействием с ним. Во всем этом, естественно, ведущую роль играют нейрофизиологические механизмы. В результате такого взаимодействия в мозгу людей формируются определенные нейронные связи, часть из которых коррелирует с языковым семантическим пространством, конституируя различные языковые концепты (образы, представления) и связи между ними. Эти концепты и их связи формируют так называемую «картину мира» определенного этноса, нации. Концепты, как и мышление, не обязательно существуют в языковых формах, но для нашего исследования важны именно те, что получили отражение в языковых формах и соответственно могут быть названы «языковыми».

Языковые концепты (слово и «цзы») и «членение мира» в русском и китайском языковом сознании

Под языковыми концептами понимаем, прежде всего, значения значимых единиц языка, привязанных к определенному языковому носителю и наделенных вещественным значением независимо от их уровневой принадлежности и (это могут быть и морфемы, и слова, и словосочетания) и соответственно степени выраженности их значения: конкретности — абстрактности и четкости — расплывчатости (обычно значения корневых морфем представляется именно нечеткими). Носителями таковых концептов в индоевропейских языках, и в русском в том числе, являются слова и словосочетания как номинативные единицы языка, в китайском же это письменный знак-иероглиф, «цзы», фонетически представленный однослогом, а также его различные сочетания. Если эти единицы рассматривать в терминах языковой иерархии, то получается, что в русском языке собственно номинативное значение, а значит и концептуальное членение действительности, начинается только с уровня «слова» и выше.

Значение, присущее более низкому уровню (морфемному), носителю русского языка не представляется семантически определенным и ясным, категоризация мира происходит именно с помощью получивших форму знаковых единиц, каковыми и являются слова. Подчеркнем еще раз, что членение мира в западных языках — это, в первую очередь, ословление (от «слово») его объектов в широком смысле этого понятия. В китайском же языке номинирование произошло в глубокой древности с помощью тогда существовавших односложных единиц, которые условно можно называть «словами» (древними понятийно-лексическими единицами). Однако их главная особенность заключается в закреплённости за каждым таким «словом» знака, иероглифа — «цзы», который

сам по себе своим визуальным образом «рисовал» действительность, выбирая для этих рисунков в соответствии с практическим и духовным мировидением древних людей релевантные признаки и черты действительности (см.: [21]). Собственно культурно-историческое и духовно-философское наполнение этих знаков мы не комментируем, как энциклопедическое, «сверхязыковое» знание. В нашем контексте важным является сам факт того, что слова ли, ни слова ли, но иероглифы («цзы») — это те минимальные содержательные единицы, которые, возникнув в древности как образы или концепты мира и не изменив фактически своего внешнего облика, дошли до наших дней и продолжают нести ту семантическую информацию, которая была заложена китайцами в древности при первичном лексико-номинационном членении мира. При этом многие из них и семантически не претерпели никаких изменений, а многие в силу причин общечеловеческого развития стали переосмысляться и наполняться новым содержанием, но при этом не теряя связи со своими этимонами (см. ниже примеры этимологии собственно иероглифа — «цзы»).

Итак, основной, базовой и в то же время простой и минимальной с точки зрения ее материального воплощения (однослог и одна картинка-иероглиф) содержательной единицей китайского языка, а значит и языкового сознания, является «цзы», то есть иероглиф. Он по уровневой принадлежности в сравнении со словом стоит не ниже последнего, а, скорее, глубже его и тем самым не может быть рассмотрен как изоморфная европейскому слову единица. Если попытаться точнее выразить эту мысль, то, собственно, «цзы» как бы и не встраивается в лингвистическую иерархию, а стоит вне ее и в то же время по мере необходимости включается в языковое пространство на правах семантического компактного носителя. Это, если хотите, и «предслово», и собственно слово. Мы считаем абсолютно непродуктивным с точки зрения преподавания языка углубляться в теорию уровневой принадлежности — слово ли это или морфема, словосочетание или сложное слово. Это не те понятия, которые, как показала практика, эффективны с точки зрения овладения механизмом языка. Важно понять асимметрию между русским словом (для русскоговорящих изучающих) и китайским «цзы» в их формальном воплощении и в то же время их общее назначение — быть наименованиями окружающего мира и членить его в соответствии с особенностями языкового сознания каждого этноса. Для постижения китайского языка главнейшими являются знания о его семантике, а не о его форме (см.: [22]).

Присущее «цзы» значение мы называем концептом (в данном случае мы отвлекаемся от разнородности этих концептов, многие из которых скорее соответствуют не понятию, а образу-представлению), то есть мы как бы выносим его за пределы собственно лингвистического формата в мыслительный по преимуществу. Рассматриваем «цзы»-концепты как собственно «идеальные сущности», имеющие носителя-картинку и не обремененные никакими языковыми категориями, то есть «сущности» вне грамматики, точнее вне морфологии и, естественно, синтаксиса, лишь сопряженные с определенным звучанием — тонированным однослогом (последние бывают вариативны в зависимости от диалекта китайского языка). Позволяем себе такой подход в связи с тем, что вне сферы употребления, вне речи «цзы» существует довольно-таки самодостаточно, как

носитель семантической информации разного характера: то как индексальный знак (上 (шан) — верх, 下 (ся) — низ), то как картинка-иконка (鸟 (няо) — птица, 马 (ма) — лошадь, 木 (му) — дерево, 爪 (чжао) — когти), то как визуально-кинематографический образ или даже целая ситуация (撬 (цяо) — вскрыть, взломать (напр. дверь); снять, поднять; выдернуть (гвоздь); повернуть (рукоятку); пробить, вообще, совершить действие с помощью какого-нибудь рычага: палки, ножа и пр.; 端 (дуань) — держать строго горизонтально, например, пиалу; 挑 (тяо) — нести на коромысле), то как, например, важнейшая нравственная категория конфуцианства (仁 (жэнь) — гуманность, человеколюбие) или же общеизвестное 道 (дао) — путь, истина.

Сам факт того, что иероглифика была заимствована другими по строю и типологии языками (японским, корейским и пр.) и функционировала для репрезентации значений в их словах и то, что ее используют как символы в современных информационных средствах, говорит об ее информационном и смысловыразительном потенциале, как и о ее независимом от речи существовании (см.: [23]). Иероглифы — это единицы, принадлежащие ментальному лексикону, то есть нашему сознанию (в данном случае сознанию носителей китайского языка), и потому они могут с известной долей условности, несколько понижая пафос данного термина — модальности, называться концептами. Они могут обозначать практически все, и абстрактные идеи, и даже целые философско-религиозные воззрения (义 (и) — долг, справедливость), и первоэлементы стихии, бытия (水 (шуй) — вода; 火 (хо) — огонь; 金 (цин) — металл; 土 (ту) — земля; 木 (му) — дерево), и концепты действия (砍 (кань) — рубить), состояния (睡 (шуй) — спать), и даже концепты, представляющие предельно конкретные сущности (睫 (це) — ресница, 螺 (ло) — брюхоногий моллюск, улитка), и многое другое.

Терминологически точнее было бы эти концепты, которые репрезентированы однословами, называть «первичными концептами», так как на их базе создается бесчисленное множество более сложных, новых наименований, номинаций-концептов универсального общечеловеческого характера (оговоримся, что среди сложных образований есть и такие, которые несут и специфически этническую информацию). Вот ряд примеров: 孝 (сяо) — почитание + 敬 (цин) — уважение = 孝敬 (сяоцин) — сыновья почитательность; 国 (го) — страна, царство + 家 (ця) — семья = 国家 (гоця) — государство, 中 (чжун)- середина + 国 (го) — страна = 中国 (чжунго) — Китай; 战 (чжань) — война, воевать + 争 (чжэн) — борьба, бороться = 战争 (чжаньчжэн) — война; 照 (чжао) — освещать + 相 (сян) — вид = 照相 (чжаосян) — фотографировать, а если к этим двум иероглифам прибавить «цзы»-концепт 机 (ци) — механизм, то получится 照相机 (чжаосянци) — фотоаппарат и т.п. Эти «концепто-сочетания» в привычном лингвистическом употреблении называются значениями слов/словосочетаний. В нашей терминологии, возможно, их было бы точнее назвать «вторичными концептами», точнее, производными, по их семантическому происхождению, но в плоскости мыслительной, эпистемологической, общественной и прочих они привычно называются собственно «концептами». Предпочитаем этот термин еще и за его благозвучие и

емкость его идеи в отличие от термина «значение», который, помимо прочего, очень привязан к понятию слова, а нам в дидактических целях эти два термина необходимо развести.

Концепты существуют в нашем сознании и как языковые сущности, и вне таковых, а в сознании китайцев концепты привязаны к отдельным иероглифам как выразителям простейших, первичных по происхождению, в филогенезе, понятий, образов, денотатов. Простыми эти концепты являются по форме их выражения, один цельный «рисунок»-знак и звук-слог. По содержанию они порой весьма многообразны и многозначны и только в речи конкретизируются, функционируя как слова, либо в составе сложных образований, где в зависимости от потребностей выражения смысла объективируется и конкретизируется одно из значений целого концепта, материально же он не меняется, продолжая существовать на письме как иероглиф, а в звучании как один и тот же слог. Это-то и есть одно из существенных и важнейших отличий концепта «цзы», означенного в такую монолитную, гештальтную форму, от значений слов русского языка, выраженных определенным количеством звукобуквенных символов и несущих в себе помимо вещественно-смысловой информацию и категориально-грамматического характера, и в зависимости от последней меняющих свой звуковой облик (различные флексии, окончания и прочее).

Попутно отметим и еще одно отличие: если в китайском языке сложные номинации — два слога (два иероглифа) — это статистически доминирующая сущность речевого использования языка, то в русском слова типа «мореплавание», «паровоз» и пр. далеко не представляют собой доминанты нашего сознания и не находятся в топе списка частотности слов. Приведем еще некоторые примеры: 大 (да) означает большой, 会 (хуэй) — встречу, собрание, используя в паре, они несут новое более конкретное значение — 大会(дахуэй) — съезд (большое собрание); 打 (да) — ударять, 破 (по) — ломать, — 打破 (дапо) — разбить, сломать; 找事 (чжао ши) — каждое порознь означает «искать» + дело — в его прямом значении так и осознается как поиск работы, дела, а в переносном, метафорическом — как «искать» проблемы, осложнения, идти на обострение и т.д.

«Цзы»-однослоги, если их рассматривать в терминах западного языкознания (а это необходимо для выбора общего эталона, масштабирования языковых единиц, создания, правда, с серьезными оговорками, общей терминологической платформы в двух сравниваемых языках), функционируют в китайском языке как простые слова, либо особой характеристики корне-морфемы, корне-слова или в составе сложных производных слов или словосочетаний. Эти так называемые языковые свойства «цзы», на наш взгляд, являются второстепенными, лишь следствием их особой концептуальной природы. Сама по себе этимология латинского слова «концепт» и китайского иероглифа «цзы» говорит в пользу выбора данного термина. По-латински концепт (concept) происходит от идеи «зачатия», «зародыша», а концепция — от «резервуара», «хранилища» (см.: [24]), в то время как составные части иероглифа «цзы» (字) примерно то же и означают — идею младенца, ребенка, сына и крыши, под которой этот ребенок рождается.

Общим семантически-языковым свойством указанных единиц в двух языках является, с одной стороны, их номинативная функция, как функция нарече-

ния реалий окружающего мира (заметим, что в древности этот концепт также означал и имя, наименование в отношении повзрослевших детей). В то же время, с другой стороны, рассмотренные как концепты, они участвуют в категоризации окружающей действительности, то есть представляют собой инструменты познания, когнитивной деятельности людей, в том числе формируя так называемое особое мировидение, особую «языковую картину» (см.: [25]).

Фактически вся языковая «картина мира» китайцев запечатлена (наряду с другими когнитивными инструментами) в огромном, но при этом исчислимом, множестве иероглифов-картинок, представляя собой нечто подобное человеческому концептуально-семантическому алфавиту. Сошлемся здесь на А. Вежбицкую, которая цитирует идею Г. Лейбница о создании «алфавита человеческих мыслей» (см.: [13. С. 32]). Правда, у А. Вежбицкой речь идет о формировании ограниченного минимального числа семантических примитивов, на основе которых может быть описан весь человеческий язык. Применительно к иероглифам, количество которых — десятки тысяч, мы берем сам принцип поиска из всего множества наиболее эффективных и продуктивных в языке, которые как раз-таки и функционируют как ограниченный, хотя и в большом количестве, семантический алфавит.

Это семантически-концептуально-иероглифически выраженное множество знаков (наиболее употребительных около 3–5 тысяч), но оно исчислимо в отличие от тех производных на их базе концептов, которые не могут быть представлены закрытым списком. Следует сделать оговорку, что мы рассматриваем синхронный срез языка, его современный статус. Однослоги («цзы») — это те иероглифы, которые возникли в древности и претерпели определенное семантическое изменение, но по сути своей сохранили свою внутреннюю форму и связь с этимологией. Однако они активно используются в современном языке в разных его дискурсах и стилях и по-прежнему очень активны в общественно-политическом дискурсе. Эти знаки обычно изучаются только в рамках древнего китайского языка *вэньянь*, в системе тех грамматических норм и правил и тех концептов и их ценностей, которые релевантны той исторической эпохе и являются предметом изучения соответствующих специальностей. В то же время современный подход к обучению китайскому языку в неязыковых вузах исключает из предмета преподавания «цзы» древнего языка как устаревшие слова-однослоги. И действительно, именно в *вэньяне* таковые и представляли простые (по составу) слова-однослоги, в силу его моносиллабического, аморфного характера, где доминирующей формой слова был моносиллаб. В современном же языке доминирующим считается двуслог или бином (см.: [26]).

Однако эта доминанта привязана к количественной оценке языка, а не к качественной. Двусложных образований в современном китайском языке значительно больше, чем односложных, но это не говорит о том, что они утратили семантическую связь с последними и стали десемантизированными, формальными единицами. В этом и заключается весь парадокс или противоречие современного подхода к изучению китайского языка и выработке методики его преподавания. Семантический, образный характер китайского языка зачастую игнорируется при изучении, а если и фиксируется, то лишь отчасти. Психологическая реальность

«цзы» как базового концептуального ресурса выведена на периферию, тогда как должна, будучи системообразующей величиной, быть в центре.

Отсюда «перекидываем мостик» в дидактику. Принятая в современных учебниках концепция игнорирования «цзы»-концептов и построенная по словоцентричному подходу методика преподавания китайского языка поставила логику преподавания «с ног на голову»: ее главный принцип от простого к сложному перевернут в противоположном направлении. Современная дидактика изучения китайского языка построена так, что о простых концептах, об элементах этого семантического «алфавита» узнают не целенаправленно, не в качестве отдельного предмета преподавания, предвещающего освоение более сложных семантических единиц, а «мимоходом». С простыми, односложными, первичными концептами либо вообще не знакомят, либо знакомят постфактум. Сущностное, базовое знание об элементарных когнитивных единицах приобретается как побочный продукт изучения вторичных по происхождению единиц, да и то в рамках «мировидения русского языка», а потому и с некоторыми искажениями их этнических параметров (см. подробнее: [24]).

Следует добавить, что такое непоследовательное изучение китайского языка («от сложного к простому») противоречит психологическим основам процесса обучения, механизмам функционирования человеческой памяти. Последней приходится делать пустую и малопродуктивную работу по запоминанию «сложного» без учета знания «простых» составляющих. Подтверждение этой мысли находим у известных Китаистов А.М. Карапетянца и Тань Аошун: «в байхуа знание значений иероглифов позволяет в большинстве случаев реконструировать значение их сочетания (которое заучивается специально и нередко совершенно напрасно)» [27. С. 14]. Реальность преподавания китайского языка на данный момент представляется далекой от указанных проблем. Причина же такого положения дел, на наш взгляд, кроется именно в следовании той лингвистической теории, которая господствовала в XX веке и результаты которой до сих пор не пересмотрены.

Выводы

Авторами была предпринята попытка осмыслить «вестернизированный крен» в преподавании китайского языка и найти те теоретические воззрения в лингвистике, которые помогут развернуть ракурс при обучении китайскому языку в соответствии с его семантико-когнитивными особенностями, а последние определяются природой основных, базовых односложных единиц, «цзы».

Общий вывод практического характера заключается в необходимости сделать преподавание китайского языка «цзы»-центричным, то есть так перестроить его методику, чтобы у учащихся сформировалось в сознании некоторое подобие семантического алфавита и появилась возможность освоения определенных правил оперирования им.

В качестве итогового заключения еще раз обобщим основную идею исследования. Мы считаем, что во главу угла при изучении китайского языка должна быть поставлена такая парадигма знаний об этом языке, которая бы соответствовала его ментальности, языковой «картине мира», подчеркивала бы его ин-

дивидуальность и идее-этничность. Опираются исключительно на универсальные, присущие всем языкам вообще закономерности и принципы, игнорируя особенности, которые представлены в китайской семантике, представляется нам неглубоким, выхолащивающим сущность, попросту грубым подходом.

В русском и других европейских языках центральной единицей языка и соответствующего ментального лексикона является слово как единство вещественного и грамматического значений и как та единица, с помощью которой в первую очередь осуществляется членение окружающего мира. В китайском же языке таковой центральной единицей является «предслово» или «параслово», семантическая единица «цзы»-иероглиф, в которой гештальтно соединены визуальный образ, идея (концепт) и звучание в виде «пучка» звуков одного тонированного слога. Именно с помощью этой единицы осуществляется первичное членение внеязыкового пространства, формируется соответствующая концепто-сфера. Преподавание китайского языка с опорой на неосновную, непервичную единицу языкового членения мира, то есть с опорой на слово, а не на иероглиф («цзы»), нарушает естественный порядок освоения знаний от простого к сложному и не способствует формированию языковых навыков и умений, подобных тем, которыми от природы наделены его носители. Перед китаистикой стоит задача переосмысления достижений языкознания XX века в русле когнитивно-семантических изысканий и перенесения их результатов в плоскость практического освоения языка. И в этом направлении главную роль должна сыграть та концепция, которая выведет «цзы» с периферии процесса преподавания в его центр.

Библиографический список

1. Алпатов В.М. Два подхода к изучению языка // *История и современность*. 2016. no 1 (23). С. 198—220.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянской культуры, 2011.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
5. Демидова Т.В., Соловьева Т.М. О значимости лексических знаний и навыков в преподавании и изучении китайского языка // *Материалы межвузовской научно-практической конференции*, 21 апреля 2016 г.. М.: РУДН, 2016. С. 40—52.
6. Демьянков В.З. Термин концепт как элемент терминологической культуры // *Язык как материя смысла*. М., 2007. С. 606—622.
7. Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. М.: Институт востоковедения, 1930.
8. Карапетьянц А.М. Раннекитайская системология. М.: Восточная литература, 2015.
9. Карапетьянц А.М. Типология основных единиц китайского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1992.
10. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности. М.: Восточная литература, 2010.
11. Карапетьянц А.М. *Тань Аоцунан*. Учебник классического китайского языка вэньянь. М.: Муравей, 2001.
12. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М.: Наука, 1968.
13. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения // *Роль языка в познании мира*. М.: Языки славянской культуры, 2004.

14. Лейбниц Г.В. Два письма Лейбница к И.Х. Шуленбургу // Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: Российская Академия Наук. Институт Философии, 2005.
15. Ошанин И.М. О частях речи в китайском языке // Труды ВИИЯ. № 3. М., 1947. С. 77—92.
16. Потёбня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: Издательство «Правда», 1989.
17. Солнцев В.М. Проблемы типологии изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков) // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы морфологии, фонетики и фонологии. М., 1970. С. 11—19.
18. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977.
19. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Теоретическая грамматика современного китайского языка (Проблемы морфологии). М.: Институт востоковедения РАН, Военный ун-т Министерства обороны РФ, 2016.
20. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
21. Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
22. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
23. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60—88.
24. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.
25. Wang Y.A Survey to cognitive linguistics. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2006.
26. Xiao, R., T. McEnery. Aspect in Mandarin Chinese: A corpus-based study. Studies in Language Companion Series. John Benjamins Publishing Company, 2004.
27. Yin Hui. The cognitive semantics of Chinese motion / directional verbs // Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria. 2011. Vol. 21. P. 118—125.

References

1. Alpatov, V.M. (2016). Two approaches to language learning, *History and modernity*, 1 (23), 198—220. (In Russ).
2. Vezhbitskaya, A. (2011). *Semantic universals and basic concepts*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).
3. Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Knowledge*. Moscow: Russian dictionaries. (In Russ).
4. Humboldt, V. (1984). *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ).
5. Demidova, T.V. & Solovyova, T.M. (2016). On the importance of lexical knowledge and skills in teaching and learning Chinese In *Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference*, April 21, 2016, Moscow: RUDN. pp. 40—52. (In Russ).
6. Demyankov, V.Z. (2007). The Term concept as an element of terminological culture In *Language as the matter of meaning*. Moscow. pp. 606—622. (In Russ).
7. Ivanov, A.I. & Polivanov, E.D. (1930). *Grammar of the modern Chinese language*. Moscow: Institute of Oriental studies. (In Russ).
8. Karapet'yants, A.M. (2015). *Early Chinese systemology*. Moscow: Eastern literature. (In Russ).
9. Karapet'yants, A.M. (1992). *The typology of the main units of the Chinese language* [dissertation]. Moscow. (In Russ).
10. Karapet'yants, A.M. (2010). *At the origins of Chinese literature*. Moscow: Eastern literature. (In Russ).
11. Karapet'yants, A.M. (2001). *Tan Aswan*. Textbook of classical Chinese wenyang. Moscow: Ant. (In Russ).
12. Korotkov, N.N. (1968). *Main features of the morphological structure of the Chinese language*. Moscow: Nauka. (In Russ).
13. Kubryakova, E.S. (2004). Language and knowledge. On the way to learning about language: parts of speech from a cognitive point of view In *The role of language in understanding the world*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).

14. Leibniz, G.V. (2005). Two letters of Leibniz to I. H. Schulenburg In *Letters and essays on Chinese philosophy and the binary system of calculus*. Moscow: Russian Academy Of Sciences Institute Of Philosophy. (In Russ).
15. Oshanin, I.M. (1947). *On the parts of speech in Chinese language*. Vol. VIII (3). Moscow. pp. 77—92. (In Russ).
16. Potebnya, A.A. (1989). Thought and language In *A word and a myth*. Moscow: Pravda Publishing House. (In Russ).
17. Solntsev, V.M. (1970). Problems of typology of isolating languages (based on Chinese and Vietnamese) In *Languages Of Southeast Asia. Problems of morphology, phonetics and phonology*. Moscow. pp. 11—19. (In Russ).
18. Solntsev, V.M. (1977). Language as a system-structural education. Moscow: Nauka. (In Russ).
19. Solntseva, N.V. & Solntsev, V.M. (2016). *Theoretical grammar of the modern Chinese language* (Problems of morphology). Moscow: Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Military Institute of the Ministry of defense of the Russian Federation. (In Russ).
20. Saussure, F.de. (1977). *Works on linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ).
21. Tan, Aoshuang. (2004). Chinese picture of the world In *Language, culture, mentality*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).
22. Tan, Aoshuang. (2002). *Problems of hidden grammar*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).
23. Cheif, W. (2015). On the way to linguistics based on thinking In *Language and thought: modern cognitive linguistics*. Moscow: Languages of Slavic culture. pp. 60—88. (In Russ).
24. Chernihiv, T.V. (2013). Cheshire smile of the Schrodinger cat: language and consciousness. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).
25. Wang, Y.A. (2006). *Survey to cognitive linguistics*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
26. Xiao, R. & McEnery, T. (2004). *Aspect in Mandarin Chinese: A corpus-based study*. Studies in Language Companion Series. John Benjamins Publishing Company.
27. Yin Hui. (2011). The cognitive semantics of Chinese motion / directional verbs, *Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria*, 21, 118—125.

Сведения об авторах:

Демидова Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы*: когнитивная лингвистика; *e-mail*: demidova_tv@pfur.ru

Соловьева Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы*: когнитивная лингвистика; *e-mail*: soloveva_tm@pfur.ru

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; *научные интересы*: контрастная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: SABarov@fa.ru

Information about the authors:

Tatyana V. Demidova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; *scientific interests*: cognitive linguistics; *e-mail*: demidova_tv@pfur.ru

Tatyana M. Soloveva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; *scientific interests*: cognitive linguistics; *e-mail*: soloveva_tm@pfur.ru

Sergey A. Barov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, the Department of Language Training, Financial University; *scientific interests*: contrastive linguistics, linguocultorology; *e-mail*: SABarov@fa.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-64-77
UDK 811.111'27:82-343.4

Research article / Научная статья

Alice from the Tales of L. Carroll as a Character and Linguistic Personality

E.N. Ryadchikova¹, O.A. Kadilina², A.M. Balyan³

¹Kuban State University

Stavropolskaya Street, 149, Krasnodar, Russian Federation, 350040

²Kutafin Moscow State Law University

Sadovaya-Kudrunskaya Street, 9, Moscow, Russian Federation, 125993

³Kuban State Medical University of the Russian Ministry of Health

Sedina Street, 4, Krasnodar, Russian Federation, 350063

²olgakadilina@gmail.com

The relevance of this work is determined by the importance of studying the problem of the child's linguistic personality as a fiction character in a linguistic-pragmatic manner, from the writer's linguistic personality intentions and characteristics perspective, and insufficient linguistic aspect knowledge of Lewis Carroll's works about Alice's adventures. The work substantiates the following: as opposed to the fact that, due to ontological characteristics, individual mental, psychological and physical development and personality growth, the degree of their language acquisition and communicative skills, primary school age children are usually weak or average linguistic personalities, while fiction characters of this age are able to meet the parameters of a strong linguistic personality. It has been established that the preferred, highly appreciated by L. Carroll qualities of a seven-year-old English girl are as follows: high level of cognitive-speech development, speech-cognitive processes, vocabulary, ability to communicate, reflect, draw conclusions, evaluate and express one's opinion in words, intelligence superior to the development of an average child of this age, as well as Alice's internal qualities, manifested in her speech activity, taking into account not only speech peculiarities, but also themes and stylistics, communicational strategies and tactics, pragmatics, perception adequacy and the interlocutor's speech understanding, influencing the opponent with the paralinguistic methods, psycho-emotional background of communication. These qualities make it possible to characterize a given linguistic personality of a literary character as strong. A number of Alice's qualities allow her to be considered as a national-cultural English type of personality.

Key words: linguistic personality, speech portrait, child, fiction character, Alice, speech activity

Article history:

Received: 15.11.2019

Accepted: 15.12.2019

For citation:

Ryadchikova, E.N., Kadilina, O.A. & Balyan, A.M. (2020). Alice from the Tales of L. Carroll as a Character and Linguistic Personality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 64–77. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-64-77

© Рядчикова Е.Н., Кадилина О.А., Бальян А.М., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 811.111'27:82-343.4

Алиса из сказок Л. Кэрролла как персонаж и как языковая личность

Е.Н. Рядчикова¹, О.А. Кадилина², А.М. Бальян³

¹Кубанский государственный университет

ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Российская Федерация, 350040

²Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, Российская Федерация, 125993

³Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России

ул. Седина, 4, Краснодар, Российская Федерация, 350063

²olgakadilina@gmail.com

Актуальность данной работы определяется важностью изучения проблемы языковой личности ребенка как персонажа художественного произведения в лингвопрагматическом ключе, с позиции интенций и особенностей языковой личности писателя, и недостаточной изученностью лингвистического аспекта произведений Льюиса Кэрролла о приключениях Алисы. В работе обосновывается следующее: в противовес тому, что в силу онтологических особенностей, индивидуальности умственного, психического и физического развития и роста личности, степени овладения ею языком и коммуникативными навыками дети младшего школьного возраста обычно являются слабыми или усредненными языковыми личностями, персонажи художественных произведений этого возраста способны соответствовать параметрам сильной языковой личности. Установлено, что предпочитаемые, высоко оцениваемые Л. Кэрроллом качества семилетней английской девочки — это превосходящий развитие среднего ребенка данного возраста уровень когнитивно-речевого развития, речемыслительных процессов, словарного запаса, умения общаться, рефлексировать, делать выводы, оценивать и выражать свое мнение словами, интеллекта, а также внутренние качества Алисы, проявляющиеся в процессе ее речевой деятельности, с учетом не только особенностей речи, но и тематики и стилистики, стратегий и тактик коммуникативного общения, прагматики, адекватности восприятия и понимания речи собеседника, паралингвистических способов воздействия на оппонента, психоэмоционального фона общения. Эти качества позволяют характеризовать данную языковую личность литературного персонажа как сильную. Ряд качеств Алисы позволяет причислить ее к национально-культурному английскому типу личности.

Ключевые слова: языковая личность, речевой портрет, ребенок, персонаж художественного произведения, Алиса, речевая деятельность

История статьи:

Дата поступления: 15.11.2019

Дата приема в печать: 15.12.2019

Для цитирования:

Рядчикова Е.Н., Кадилина О.А., Бальян А.М. Алиса из сказок Л. Кэрролла как персонаж и как языковая личность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 1. С. 64—77. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-64-77

Introduction

Despite the importance of both speech abilities and their scientific studies in order to create a full-fledged image of a linguistic personality, «there are no thoroughly developed general theoretical concepts neither in linguistics, nor in psychology or

pedagogy, in particular, no study is devoted to speech portrait of a child» [1. P. 172]; linguistic personality characteristics that can be distinguished «considering age-related characteristics of a native speaker, are described in science only fragmentarily» [2], although, as states K.F. Sedov, it is quite natural to allocate and study the generalized image of the linguistic personality of a child of a certain age (preschooler, primary school student, teenager, etc.), since all such groups have «similar discursive activity and speech thinking characteristics serving this activity» [3. P. 16].

Despite of the fact that text linguistics refers to various styles and genres, researchers are bound to note the fact that «the text of children's literature or the text of literature for children (also called children's text) is just beginning to be mastered by it. Many different linguistic problems have to be solved on the basis of this text, including those which are at the intersection of text linguistics and cognitive linguistics» [4. P. 250]. One of them is the study of child characters as linguistic personalities.

Tales of Alice's adventures published by Lewis Carroll (pseudonym Charles Lutwidge Dodgson) more than 150 years ago (in 1864, «lice in Wonderland» and in 1871, «Through the Looking-Glass and What Alice Found There»), became not only English, but also world classics until recent times, and cause keen interest in both children and adults due to both amusing clashes of narration and being language-specific. As it is known, there is an extensive scientific literature, and not only humanitarian devoted to L. Carroll's language and his language experiments. The enormous importance of fairy tales about Alice in world culture and science made it possible for Tina Bilan to consider Alice outside the Land of Miracles and the Land Through the Looking Glass — in the Country of science, including logic, mathematics, physics [5]. However, Alice as she is, being the main character and linguistic personality of fairy tales, has not received an explicit comprehensive linguistic study yet.

Linguistic Study of Linguistic Personality

Y.N. Karaulov believes that the very term «linguistic personality» contains (based on the language of texts analysis) the idea of generalized knowledge on personality:

- a) as an individual and author of these texts, with his character, interests, social and psychological preferences and attitudes;
- b) as a typical representative of a given linguistic community and a narrower linguistic environment included in it, as an average carrier of a given language;
- c) as a representative of the human race with an integral property to use sign systems and natural language [6. P. 4].

It is known that human speech, including that represented in fiction, is a reflection of one's intellect, education, mentality. According to the statements revealing the worldview of the person speaking, realized in the form of maxims, sententiae and other mental formulas, one can form an essential idea of the linguistic personality as, for example, Z.K. Derbisheva regarding the writer Chingiz Aitmatov linguistic personality, represented in the texts of his works [7].

T.A. Tripolskaya and E.A. Goncharova, summarizing the criteria search to describe a linguistic personality and to name such parameters as the type of speech culture, the level of linguistic / communicative development, the used speech genres, the

person's social role, the level of linguistic creativity, behavior in conflict situations, psychological type, focus attention on such characteristics as the level of speech development of a linguistic personality in relation to linguistic creativity, the ability to learn and change your vocabulary, self-reflexion abilities [8].

Studying the organization of a linguistic personality as a linguistic-communicative phenomenon has allowed us to recognize classification of linguistic personalities as the most accurate, which includes three components:

- 1) weak linguistic personality;
- 2) average linguistic personality;
- 3) strong (elite) linguistic personality.

Speech, even delivered on the same subject and on the same topic, will differ in the lips of a strong, average and weak linguistic personality.

A strong linguistic personality is characterized by the basic knowledge of the language and rhetoric rules, mutual understanding principles, rules of etiquette — behavioral, including service and conversational etiquette; understanding of the essence of persuasion techniques, the ability to qualify (as acceptable and unacceptable) and correctly apply tricks in a dispute and measures against them, knowledge of techniques to counter difficult interlocutors; skillful and timely identification of positive and negative in communication psychology, the patterns which lead to psychological barriers in communication; avoidance of speech errors; the art of compiling normative documents, preparation in written and spoken language, knowing the reasons for unsuccessful argumentation, etc. [9; 10].

Linguistic Personality of the Author And Linguistic Personality of the Character

V.V. Vinogradov in the book «On Artistic Prose» presented two ways of considering linguistic personality issue — the study of the author's personality and the one of the character [11].

Y.N. Karaulov was the first to introduce the experience of describing characters in literary works as linguistic personalities. According to Karaulov, the approach to the character as a linguistic personality implies, ultimately, the reconstruction of integral spiritual appearance, when a certain “correlate of traits” is a set of character's speech utterances, as well as it implies the analysis of text fragments related to the character due to various subject relatedness [6].

Further research undertaken by other scholars confirmed the legitimacy «linguistic personality» term usage in relation to images of people represented in literary texts, because their authors somehow manifest themselves through the idiostyle of characters, which is determined by the writer's individual picture of the world, motivational and pragmatic attitudes.

Our study is based on the fact that the concept of «linguistic personality of a character in a literary text» requires the following points to be taken into account: the first necessary convention is the identification of an image with a real person. Another convention when considering the language of a particular character is to distract from the very personality of the author, the actual creator of this text.

Linguists note that the very possibility of such an approach lies in the reader's perception of the work: «We are far from always aware that the artistic image reaches its greatest impact only when it is perceived as a fact, that is, reflects reality» [Karaulov 2010, from. 76]» [19. P. 3].

We fully support the position of A.A. Smirnova, who convincingly proves in her dissertation research that «the concept of LP is applicable not only to determine the author of a literary text, but also to a character of this literary text, whose speech has a number of individual stylistic features» [12. P. 5]. The researcher shows that it is the character's speech behavior, the process of communication in the literary text makes it possible to consider the literary hero as a linguistic personality [12. P. 7], and substantiates the conclusion that, “analyzing linguistic personality of the fiction character, we, firstly, perceive the hero as a real linguistic personality, and secondly, we do not correlate linguistic personality of an individual character with the one of the author” [12. P. 15].

L.N. Churilina, based on the works of M.M. Bakhtin on character and author's speech, justifies and proves that there are three components that can be distinguished from the text as a system and allow the character to be represented as linguistic personality:

1) the direct and internal forms of the character's speech — the discourse («Character subjective speech»);

2) fragments of the «non-character environment» that represent the character's physical and spiritual appearance, his behavior, contain the author's assessment of the character and have a better grasp on the real world;

3) fragments representing the assessment of the character being investigated by other characters in certain textual situations [13. P. 10—11].

Of course, it is impossible to consider Alice as a detailed living child copy — as it is known, in any work of art, linguistic personality is primarily reflected not only in the linguistic personality of their own, but in their authors, poets and writers'. So Carroll's Alice, despite the fact that she had at least four real prototypes, should be considered more like an imitation, stylization, the way the author figures an English child and his mode of speech. Therefore, in fact, we examine the author's linguistic personality, which is represented in the image of a child character created by him.

In addition, modern researchers note that the concept of linguistic personality as applied to characters in a work of art has not been studied enough, since linguistic personality studies are related to the category of the author or to the literary text; while «the concept of linguistic personality is applicable not only to determine the author of a literary text, but also a character in this literary text, whose speech has a number of individual stylistic features» [12. P. 3].

Although the images of the authors and literary characters as well as their linguistic personalities are not the same thing, «thanks to the features of the character's image in the literary text and the reader's perception of him as a real person, we can talk about linguistic personality of the fiction hero» [12. P. 8], and when analyzing linguistic personality of a character in a literary text, we perceive the hero as a real linguistic personality, which is why «we do not correlate the character's linguistic personality with the one of the author» [12. P. 15].

Obviously, it is the language that allows identifying a linguistic personality as such and a linguistic personality of a character, because «language is the only means that can help us penetrate mentality spheres hidden from us, because it determines the way the world is divided in different cultures. The person is totally unaware of how the language defines personality» [14. P. 20].

Features of Alice's Linguistic Personality Expressed Through Her Speech Activity

For the foregoing reasons we studied Alice's linguistic personality characteristics — the heroine of Lewis Carroll's fiction — aiming to reveal as much knowledge about her personality as possible, including linguistic, expressed through her internal and external speech, to give her an assessment from the standpoint of linguistics, linguoaxiology.

We conducted level analysis of cognitive-speech development, speech-cognitive processes, vocabulary, communication skills, internal qualities, and Alice's intelligence in speech activity process. Studying Alice's linguistic personality as a character in Lewis Carroll's works «Alice in Wonderland» and «Through The Looking-Glass And What Alice Found There» in the process of communication allows you to explore Alice's linguistic personality, taking into account not only her speech characteristics (the use of certain language units, syntactic constructions), but also the subject of communication, communication strategies and tactics, the adequacy of perception and understanding the interlocutor's speech, as well as paralinguistic methods to influence the interlocutor, the psycho-emotional background of communication.

In the preface to the Russian translation, B. Zakhoder notes that «... the most important thing in the book about Alice is not riddles, not tricks, not puzzles, not a pun, not even a brilliant play of the mind, but ... Alice herself. Yes, little Alice, whom the author loves so much (although sometimes chuckles at her) ... » [15. P. 11].

In order to convey this love to readers, to interest them, to force them to unravel the identity of a little girl for more than a hundred years («... although this fairy tale for children is perhaps more loved by adults, and most of all by adults, scientists! » [15. P. 7]), Carroll masterfully depicts Alice's speech characteristics, her excellent ability to communicate almost like an adult, shows rather high mental abilities, excellent personal qualities, educational and cultural characteristics of a well-educated English girl from a decent family.

The author presents the fairy-tale Alice in his fiction as an idealized character with a set of highly appreciated internal values and at the same time endows her with some realistic features and shortcomings characterizing a real child of her age.

The following communicative-linguistic characteristics testify in favor of the fact that seven-year-old Alice can be described as a strong linguistic personality: the girl's sophisticated vocabulary, her ability to use verbal means correctly in accordance with the rules of style, grammar, her imaginary use, comparisons, phraseological units, sayings; Alice's ability to create words, her excellent feeling for language. Alice carefully works on her speech, clarifies the wording even mentally.

One of the most characteristic features of Alice's speech is emphasized English politeness, which she expresses not only with special words («please», «kindly»,

«sorry», «thank you», «if possible», «here you are», etc.), but also with mitigating expressions («I didn't quite understand you», «I'm sorry, but I'm afraid I can't explain better»), as well as with kinetic means — curtsies, smile, shaking hands and prosodic — this is “secular” or touching tone, lowering the voice to a whisper, etc. Alice maintains courtesy in speech even in situations demanding stressful activity, in fatigue, suggesting that a good breeding has managed to become part of the seven-year-old girl personality.

She is characterized by a word-play, comic nature of the situation assessments, understanding and use of humor, irony, when the rules of decency allow it and do not harm communication.

Among Alice's most illustrative characteristics are her openness to the world, joy, sociability, talkativeness, desire and ability to communicate in any situation with any interlocutors, freely establish contact, the habit to reflect on the topic of communication.

Alice is characterized by empathy, sympathy, ability to feel interlocutors, penetrate the essence of their experiences, grasp personality traits, evaluate communication situation, including from its perspective, adjust to communicants in order to improve communication, awareness of the relevance or inappropriateness of a certain style of communicative behavior, desire to calm irritated interlocutor, make a good impression, maintain their dignity and be in harmony with others; she values the opinion of any interlocutor, even the imaginary, she believes that it is better not to communicate in any way than to give reason to think badly about her; a little girl strives to «save her face», her dignity, for example: «— *But I shall have to ask them what the name of the country is, you know. Please, Ma'am, is this New Zealand? Or Australia?* »... « *And what an ignorant little girl she'll think me for asking! No, it will never do to ask: perhaps I shall see it written up somewhere* » (« *Alice's Adventures in Wonderland* » by Lewis Carroll).

She is an excellent communicator, with the knowledge and passion for communication, it is important for her to make a good impression on the interlocutors, she is perfectly aware of conversational rules, adheres to them and teaches others.

Alice's speech is filled with diplomatic niceties; she does not like to refuse requests, and if necessary does it gently. The girl appears to be communicatively flexible: on the one hand, she can change the topic of conversation at the right time to avoid conflict, to veil possible awkwardness (including accepting lies for salvation, silence) or not to receive negative emotions; she knows how to specify interlocutor's mood and reaction by voice and gives immediate response. Thus, in the dialogue process, the girl is capable of taking care of both the interlocutor and herself, for example: «*Alice curtsied again, as she was afraid from the Queen's tone that she was a little offended...*» («*Through The Looking-Glass And What Alice Found There*» by Lewis Carroll).

On the other hand, the child can be persistent in upholding his opinion (even in conversation with status adults), make speech very convincing, accurate, and focused. Thus, Alice is well aware that when it comes to life and death issues, it is no use being polite: one can interrupt, reproach, and upset — even addressing the Queen, who is going to chop heads for no reason: «*That proves his guilt, of course,*» said the Queen: «*so, off with —*»

«It doesn't prove anything of the sort! » said Alice. «Why, you don't even know what they're about!» («Alice's Adventures in Wonderland» by Lewis Carroll).

The girl communicates freely, easily, with pleasure, enjoys any opportunity to talk, experiencing a communicative hunger, although she is scrupulous about choosing an interlocutor; she experiences some communication difficulties only in those cases when she is afraid to violate the rules of communication. If there is no real interlocutor nearby, she often talks to herself or to an imaginary opponent. The process of communication affects the girl in such a powerful and fascinating way that even helps to overcome childhood fears. As a developed communicative personality, Alice knows how to manipulate her speech, changing communication tactics aiming to influence the addressee needed, often applying such paralinguistic methods of influence as a smiling, nods, soft touches.

Alice's politeness, determined moral principles of verbal communication compel a girl — though not to offend her interlocutor — even exploit some cunning: think one thing and say another (this technique can be called white lie), for example: *«A cheap sort of present!» thought Alice. I'm glad people don't give birthday-presents like that! But she didn't venture to say it out loud» («Alice's Adventures in Wonderland» by Lewis Carroll).*

Maintaining speech etiquette (by any person, especially being so young) is one of the signs of a strong linguistic personality (see, for example, [16]).

Alice sometimes confronts her desires and aspirations, restrains herself, adjusting her speech to the mood of the interlocutor and the general mood of the conversation. Despite her age, Alice already knows how to hide her emotions in order to achieve further favorable communication. She usually expresses resentment not in words but in intonation, hoping that this will be quite enough for her interlocutor to be understood and not to offend him in turn.

Seven-year-old Alice can justifiably be described as a speech stylist; sometimes she takes on educator's role, obviously imitating adults, behaving this way for the purpose of self-education. Her communicative leadership is usually expressed in simple and harsh phrases, strict warnings and orders appropriate according to the situation. However, leadership per se, is not Alice's aim: if she unwillingly offends someone, she understands this and tries to improve immediately, not even considering it shameful, indeed.

Alice's Personal and Cognitive Characteristics

Both Alice's speech and the author's description of the girl represent a number of her characteristics, where the main area of focus is taken by quiet a developed intellect that exceeds the one of an average seven-year-old child.

Her intelligence reveals itself in passion to accumulate knowledge and to apply it successfully in reading, good memory and ingenuity, in ability to think through her actions and find a way out of a difficult situation, to reflect and draw conclusions, to infer cause-and-effect relationships, to develop and express her own attitude to what is happening, give assessments; in the ability to plan and anticipate the situation, in creativity and non-standard thinking, in learning ability and thirst for knowledge; in prioritizing rational overcoming of obstacles but not emotions and feelings.

Probably, the girl developed the ability to understand the peculiarities of punishments and situations requiring them, in the process of educating herself. This process turned out to be so successful that a seven-year-old child, who perfectly understood the principles of upbringing by adults, was already used to educating herself, and quite strictly. Here comes an example: «...and when she had tired herself out with trying, the poor little thing sat down and cried. «Come, there's no use in crying like that!» said Alice to herself, rather sharply; 'I advise you to leave off this minute!' She generally gave herself very good advice, (though she very seldom followed it), and sometimes she scolded herself so severely as to bring tears into her eyes; and once she remembered trying to box her own ears for having cheated herself in a game of croquet she was playing against herself...» («Alice's Adventures in Wonderland» by Lewis Carroll).

Alice has developed not only observation, curiosity, open-mindedness, but also imagination; it is prone to both reflection and fantasy. The little girl is vividly occupied with the problems of self-identification, the duality of self-awareness. She is able to observe herself as if from the outside and compare the "norm" and "abnormality", to evaluate her reasoning: «And yesterday things went on just as usual, I wonder if I've changed in the night? Let me think: was I the same when I got up this morning? I almost think I can remember feeling a little different» («Alice's Adventures in Wonderland» by Lewis Carroll).

The girl is kind, polite, smiling, without seeking to profit, never talks with a forked tongue, truthful, has a wide palette of emotions, she is active, creative, fair, caring, has a strong commitment to generous help, empathy, she is self-critical and flexible, not only well-mannered, but also engaged in self-education, in different situations shows either determination or shyness, caution, courage, decisiveness, the desire for communicative leadership and advocating for her rights, as well as stubbornness, perseverance, obstinacy. It is interesting that the child experiences resentment, frustration and irritation mainly when politeness rules are violated, for example: «Alice looked all round the table, but there was nothing on it but tea. «I don't see any wine, » she remarked».

«There isn't any,» said the March Hare.

«Then it wasn't very civil of you to offer it,» said Alice angrily » («Alice's Adventures in Wonderland» by Lewis Carroll).

Alice as a National Cultural Personality

From the linguistics point of view, Alice's linguistic personality is a national-specific English type according to the main characteristics of the most common linguistic personality models. These are: a) language and speech (grammar constructions for expressing permission or request, emphasized courtesy, modes of speech activity, keeping a straight face in front of the interlocutor whatever it take, silence, avoiding conversation); b) value dominants, attitudes, motivating speech (Alice is well aware of the English way of life, she participates in traditional rituals, supports the English system of values); c) Alice's intellectual abilities also fall under the category of national-specific. For example, deprived of the usual opportunity to ask traditional English question "how do you do?" or "how are you?", usually starting a conversation,

Alice is confused: *«Then they let go of Alice's hands, and stood looking at her for a minute: there was a rather awkward pause, as Alice didn't know how to begin a conversation with people she had just been dancing with. «It would never do to say «How d'ye do?» now, » she said to herself: «we seem to have got beyond that, somehow!» «I hope you're not much tired» she said at last»* («*Through the Looking Glass*» by Lewis Carroll).

In another case, during "mad tea drinking" when Dummy cut her mind off, Alice, as the author claims, "could not endure such rudeness." However she did not cry or shout, was not rude in reverse: she stood up silently and walked away, as befits a person brought up in British traditions.

As it is known, fabulous Alice had several prototypes, real English girls, but most of the traits were borrowed from Alice Pleasance Liddell, whose family Carroll was very well acquainted to. In the collisions occurring with the girl, Carroll interweaves into Alice's adventures national English stories, elements of national culture. For example, when Alice talks to her legs and intends to send them a package with shoes, the author uses the «alienation» technique which is common in English folklore, when some properties of a person or body part are separated from their owner and begin to function independently, regardless of their master [17. P. 301].

We consider the grammatical, lexical, semantic, articulatory, prosodic features of speech, extralinguistic, cognitive and communicative factors as the most striking national-specific linguistic-cultural parameters of a linguistic personality, among which etiquette, emphasized politeness, in particular, indirect language designation are in the first place for an English-speaking linguistic personality requests, formulas of phatic communication, as well as paralinguistic phenomena, stereotypical representations, myths [18].

According to some studies (A. Vezhbitskaya, D. Carnegie, N.G. Tyrnikova, T.V. Abramova, S.G. Nezgovorova, E.V. Slepushkina, O.A. Kadirina, L.A. Kozlova, Yu.L. Yusupova, A.G. Bent, T.M. Grigorenko, N.V. Ovsyannikova), exclusively English cognitive-communicative characteristics include language restraint, self-control, demonstration and protection of self-esteem, stance of distance, privacy, reticence, specific English humor, language game, aimed mainly at forms, at paradoxical and unexpected combination of things that cannot be combined.

It is known that the English, even uttering threat, anyway strive to «save face» before the interlocutor and try not to show the extent of malice. Alice does the same: *«If you are going to turn into a pig, my dear, » said Alice seriously, «I'll have nothing more to do with you. Mind now!»* («*Alice's Adventures in Wonderland*» by Lewis Carroll).

Emphasized English courtesy is one of the national specific characteristics: «The mode of speech can also have a strong influence on English speaking audience» [19. P. 107]. This is exactly what Alice uses, enouncing such a very elegant turn of speech to the Duchess: *«I think I should understand that better, » Alice said very politely, «If I had it written down: but I can't quite follow it as you say it»* («*Alice's Adventures in Wonderland*» by Lewis Carroll).

In addition to universal, there are also gender grounds for a positive assessment of British women, one of the main among them is independence. These qualities

begin to be brought up in good families from an early age; Lewis Carroll endowed his heroine Alice with almost all of these features [18; 20].

Alice can be characterized as a national cultural personality according to her speech and author's descriptions as all parameters mentioned are displayed.

Summary

The main methodology for studying a linguistic personality is the study of its functions, the basic of which are as follows: linguistic game, knowledge about reality accumulation by the linguistic personality, accumulation of grammatical, phonetic, and communicative skills. The study of such functions and their speech manifestations allows to create a model of a linguistic personality, which, in turn, contributes to a more accurate comprehension of a linguistic personality.

When creating linguistic personality models, first and foremost language should be taken into account (a lexicon, a thesaurus that reflects knowledge of the world, sense of language and creative approach), speech, communicative and mental abilities, its dominants, goals, internal motivating values, social and interactive and communicative-pragmatic abilities and skills.

Values, priorities, behavioral standards of the English-speaking character, Alice, are manifested on different levels of linguistic personality; i.e. linguistic (verbal-semantic, lexico-grammatical), mental (linguo-cognitive, pragmatic) and communicative-speech (socially-interpretive). The representation of these levels reflects the model of linguistic personality as a literary and fiction character.

References

1. Tarasenko, E.V. (2005). A fragment of speech portrait: primary school student (syntactic level) In *Actual problems of theoretical and applied linguistics: Interuniversity scientific journal*. Krasnodar. Part 2. pp. 172—181. (In Russ.).
2. Desyaeva, N.D. *The linguistic personality of the child and the ways of its formation in elementary school*. URL: <http://yspu.org/images/5/53/DesyaevaND.pdf>. (accessed: 08.08.2017). (In Russ.).
3. Sedov, K.F. (1999). *The formation of oral discourse structure as an expression of a linguistic personality evolution* [dissertation]. Saratov: Pedagogical Institute of Saratov State University n.a. N.I. Chernyshevsky. (In Russ.).
4. Kuzmina, I.S. (2009). Cognition and pseudocognition as a text phenomenon (based on the material of a children's literary fairy tale in English) In *Linguistic and extralinguistic problems of communication: theoretical and applied aspects: interuniversity collection of research papers with international participation*. Vol. 7. Saransk: Publishing House of Mordov University. pp. 250—255. (In Russ.).
5. Bilan, T. (2015). Alice's Adventures in Scienceland. *Libri & Liberi*, 4 (2), 313—340.
6. Karaulov, Y.N. (2010). *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Publishing house LCI. (In Russ.).
7. Derbisheva, Z.K (2014). Linguistic personality of Ch. Aitmatov: mental formulas. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 5(3), 35—45. (In Russ.).
8. Tripolskaya, T.A. & Goncharova, E.A. (2014). Dynamic processes in the lexicon of a language personality. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 4(3), 57—67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06>. (In Russ.).

9. Kadilina, O.A. & Ryadchikova, E.N. (2018). Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (4), 859—882. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882.
10. Ryadchikova, E.N. & Kadilina, O.A. (2009). Organization of a linguistic personality as a linguistic-cultural phenomenon In *Studies in theoretical and applied linguistics*. Krasnodar: KubSU. pp. 50—83.
11. Vinogradov, V.V. (1930). *About fiction*. Moscow-Leningrad: State Publishing House. (In Russ.).
12. Smirnova, A.A. (2011). *The linguistic personality of the character of a literary work and the psychotype of a person (for example, the works of M.A. Bulgakov)* [dissertation]. Moscow: MGOU. (In Russ.).
13. Churilina, L.N. (2002). *Lexical structure of literary text: principles of anthropocentric research*. SPb. (In Russ.).
14. Ryadchikova, E.N. & Tarasenko, S.V. (2007). Linguistic and cultural principles and ways of reflection of national consciousness and national culture in language. *The Bulletin of the Adyge State University, the series "Philology and the Arts"*, 3 (26), 13—20. (In Russ.).
15. Zakhoder, B. (1990). No chapter from which one can nevertheless learn something In *L. Carroll. Alice's Adventures in Wonderland*. Krasnodar: Publishing house. pp. 6—12. (In Russ.).
16. Ryadchikova, E.N. & Tkhakushinova, Zh.B. (2009). Speech etiquette as an indicator of a strong linguistic personality of a politician. *The Bulletin of the Adyge State University, the series "Philology and the Arts"*, 4, 150—154. (In Russ.).
17. Demurova, N.M. (1985). Notes In *Carroll L. The Adventures of Alice in Wonderland*. Moscow: Pravda. pp. 296—317. (In Russ.).
18. Balyan, A.M., Kushu, S.A. & Zadorozhnaya, E.Y. (2007). Linguocultural features of the English-speaking linguistic personality, *ASU Bulletin*, 4 (207), 49—56. (In Russ.).
19. Ryadchikova, E.N. & Kadilina, O.A. (2011). Distinguishing cultural features of the strong linguistic type of the English speaking personality, *Polylinguality & Transcultural Practices*, 2, 103—107. (In Russ.).
20. Balian, A.M. & Lux, I.G. (2018). The National Specificity of Alice L. Carroll as a Linguistic Personality In *Materials of the III International Scientific and Practical Conference «Actual Issues of Modern Philology: Theory, Practice, Development Prospects» (Krasnodar, April 21, 2018)*. Krasnodar: KubSU, 2018. С. 61—65.

Библиографический список

1. *Тарасенко Е.В.* Фрагмент речевого портрета младшего школьника (на синтаксическом уровне) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. Краснодар, 2005. Ч. 2. С. 172-181.
2. *Десяева Н.Д.* Языковая личность ребенка и пути ее формирования в начальной школе. Режим доступа: <http://yspu.org/images/5/53/DesyaevaND.pdf>. (дата обращения: 08.08.2017).
3. *Седов К.Ф.* Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов: Педагогический институт Саратовского гос. ун-та им. Н.И. Чернышевского, 1999.
4. *Кузьмина И.С.* Когниция и псевдокогниция как текстовое явление (на материале детской литературной сказки на английском языке) // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. с междунар. участием. Вып. 7. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. С. 250—255.
5. *Bilan T.* Alice's Adventures in Scienceland // *Libri & Liberi*. 2015. no 4 (2). P. 313—340.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
7. *Дербишева З.К.* Языковая личность Ч. Айтматова: ментальные формулы // вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. no 5(3). С. 35—45.

8. Трипольская Т.А., Гончарова Е.А. Динамические процессы в лексиконе языковой личности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. no 3. С. 57—67. DOI: 10.15293/2226-3365.1403.06.
9. Kadirina O.A., Ryadchikova, E.N. Strong, weak and average linguistic personality in communicative-pragmatic and linguoculturological aspects // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2018. no 9 (4). P. 859—882. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-859-882.
10. Ryadchikova E.N., Kadirina O.A. Organization of a linguistic personality as a linguistic-cultural phenomenon // *Studies in theoretical and applied linguistics*. Krasnodar: KubSU, 2009. Pp. 50—83.
11. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.-Л.: Госиздат, 1930.
12. Смирнова А.А. Языковая личность персонажа литературного произведения и психотип человека (на примере произведений М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГОУ, 2011.
13. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. СПб., 2002.
14. Рядчикова Е.Н., Тарасенко С.В. Лингвокультурные принципы и способы отражения национального самосознания и национальной культуры в языке // Вестник АГУ. Майкоп: АГУ, 2007. no 3 (26). С. 13—20.
15. Заходер Б. Глава никакая, из которой тем не менее можно кое-что узнать // Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес. Краснодар: Кн. изд-во, 1990. С. 6—12.
16. Рядчикова Е.Н., Тхакушинова Ж.Б. Речевой Этикет Как Показатель Сильной Языковой Личности Политика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. No 4. С. 150-154.
17. Приключения Алисы в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье. Эссе, перевод Н. Демуровой. М.: Правда, 1985.
18. Бальян А.М., Кушу С.А. Задорожная Е.Ю. Лингвокультурные особенности англоговорящей языковой личности // Вестник АГУ. Майкоп: АГУ, 2017. Вып. 4 (207). С. 49—56.
19. Рядчикова Е.Н., Кадиллина О.А. Национально-культурная специфика англоговорящей сильной языковой личности // Полилингвильность и транскультурные практики. 2011. no 2. С. 103—107.
20. Balian, A.M. & Lux, I.G. (2018). The National Specificity of Alice L. Carroll as a Linguistic Personality In *Materials of the III International Scientific and Practical Conference «Actual Issues of Modern Philology: Theory, Practice, Development Prospects» (Krasnodar, April 21, 2018)*. Krasnodar: KubSU, 2018. С. 61—65.

Information about the authors:

Ryadchikova Elena Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the General and Slavic-Russian Linguistics Department, Faculty of Russian Philology, Kuban State University. *Research interests*: semantic and cognitive language studies; language theory, Russian literary language history, linguoculturology, theory and practice of verbal communication, linguistic expertology, linguistic personality, *e-mail*: e.n.ryadchikova@gmail.com

Kadirina Olga Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Kutafin Moscow State Law University. *Research interests*: linguistic personality, semantics, theory and practice of teaching English, *e-mail*: olgakadirina@gmail.com

Balian Ashhen Muradovna, Senior Lecturer at Kuban State Medical University of the Russian Ministry of Health. *Research interests*: linguistic personality, theory and practice of teaching English, semantics, language of fiction; *e-mail*: ash.balian@yandex.ru

Сведения об авторах:

Рядчикова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания филологического факультета КубГУ. Сфера научных интересов: семантические и когнитивные исследования языка; теория языка, история русского литературного языка, лингвокультурология, теория и практика речевой коммуникации, лингвистическая экспертиология, языковая личность, *e-mail*: e.n.ryadchikova@gmail.com

Кадиллина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Сфера научных интересов: языковая личность, семантика, теория и практика преподавания английского языка, *e-mail*: olgakadilina@gmail.com

Бальян Аишэн Мурадовна, преподаватель КГМУ Минздрава России. Сфера научных интересов: языковая личность, теория и практика преподавания английского языка, семантика, язык художественных произведений, *e-mail*: ash.balian@yandex.ru

Функциональная грамматика и семантика

Functional Grammar and Semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-78-91

UDK 811.411.21'36

Research article / Научная статья

An Analytical Study of Word-Order Patterns in Standard Arabic Simple Sentence

Tedj Ghomri¹, Mounya Souadkia²

¹Tahri Mohamed University

714, Independence Road, Bechar, Algeria, 08000

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

¹ghomritedj@gmail.com; ²mounya.sdkia@gmail.com

The main focus of the study is to analyze the simple sentence structure and its word-order patterns of Standard Arabic syntactically. Main methods concern description and comparison of word-order patterns observed. Primarily the current study deals with some differentiations of the terms on sentence types and word-order patterns described by both medieval grammarians and modern linguists. Moreover, the so called Sībawayhian theory of 'amil' also provides some explanations of sentence structures and word-order patterns in Standard Arabic. Simple sentences are highlighted to examine the occasions for using different patterns and where they are commonly found, along with examples to facilitate the explanation and use of these patterns. It is essential to point out that Standard Arabic is considered to be a language with a flexible word-order, which is why there exist word-order patterns of both VOS and SVO languages, though the latter is more frequently used.

Key words: Standard Arabic (SA), sentence types, simple sentence, nominal sentence (جملة اسمية *jumla ismiyya*), verbal sentence (جملة فعلية *jumla fi'liyya*), word-order patterns, flexible word-order, Verb-Subject-Object (VSO) and Subject-Verb-Object (SVO) structures

Article history:

Received: 01.09.2019

Accepted: 15.10.2019

For citation:

Tedj, Ghomri & Souadkia, Mounya (2020). An analytical study of word-order patterns in Standard Arabic simple sentence *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1) 78—91. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-78-91

© Tedj Ghomri, Souadkia Mounya, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 811.411.21'36

Аналитический подход к характеристике моделей порядка слов в стандартном арабском языке

Тедж Гомри¹, Мунья Суадкиа²

¹Университет Тахри Мохамед

714, *Индепенденс Роуд, Бешар, Алжир, 08000*

²Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

В статье главный фокус исследования обусловлен синтаксическим анализом структуры простого предложения и его моделей порядка слов в Standard Arabic. Основные методы — описание и сопоставление порядка слов в представленных моделях. Прежде всего анализ касается дифференциации терминов для обозначения типов предложения и моделей порядка слов в средневековых и современных грамматиках. Более того, так называемая теория *Sibawayhian* или *'amil* предоставляет дополнительные разъяснения относительно этих лингвистических объектов в современном Standard Arabic. В качестве объекта исследования различных словопорядковых моделей выбраны простые предложения, поскольку в них уже представлены все модели, которые обладают объяснительной силой в процессе употребления. Существенно отметить, что Standard Arabic — это язык, которому свойственен несвязанный, подвижный порядок слов, поэтому он реализует словопорядковые структурные свойства языков обоих типов — VOS и SVO, но последний реализуется гораздо регулярнее.

Ключевые слова: Standard Arabic (SA), типы предложения, простое предложение, именное предложение (جملة اسمية *jumla ismiyya*), глагольное предложение (جملة فعلية *jumla fi'liyya*), модели порядка слов, несвязанный порядок слов, структуры VSO и SVO

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2019

Дата приема в печать: 15.10.2019

Для цитирования:

Тедж Гомри, Суадкиа Мунья (Алжир). Аналитический подход к характеристике моделей порядка слов в стандартном арабском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2020. Т. 11. no 1. 78—91. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-78-91

Introduction

As is well known, each language has its own regulations and methods that facilitate our understanding of the way words are formed and joined together to create phrases, sentences and clauses. In the study of languages, these regulations and methods are known as the grammar of the language they represent. Due to the fact that there are various languages around the world, each belonging to the same or different family of languages, hence, languages which structurally differ from one another normally have got different regulations. For native speakers, these rules and regulations are acquired at an early age, when they are in their childhood through a natural and innate process. Furthermore, a native speaker possesses the ability to figure out if a sentence is likely to appear or not, though she/he might not have the ability to explain the rules governing the occurrence of such sentences and whether these sentenc-

es are grammatically correct or not. For a foreign language learner, the acquisition of such grammatical descriptions and rules happens consciously, with the learner being aware of such a process.

The Arabic language is, of course, one of the many various languages of the world; it is spoken by a large number of people as a native or second or foreign one. It is considered the language of Islam and the main language of the Holy Quran. Belonging to the Semitic family of languages, it is characterized by its rich morphology and complex grammar, therefore many linguists, native and foreign (known as Arabists) grew more interested in analyzing the Arabic language to explain the appearance of its various structures and rules of its application and acquisition. Due to the fact that Arabic is spoken in different places by different people, many varieties of the language were developed, for instance, the dialect used in countries of Northern Africa known as Arab Maghreb, such as in Algeria where the dialect called Maghrebi Arabic dialect is a mixture of mainly Berber, Arabic and loanwords from French, Ottoman Turkish and Spanish. Therefore, Standard Arabic is usually the model language chosen for investigation.

During the ancient period of Arabo-Islamic studies, Arabic grammar was among the disciplines to be formed. Syntactically, grammarians came up with a new significant theory called the theory of 'عامل' 'amil' (lit.: 'user'). The main purpose of this theory is to specify the rules of cases through different operators known as 'عوامل'/'awāmil' (lit.: 'operators'). The theory of 'amal' is considered as the backbone of traditional Arab grammatical philosophy, and as a method used in modern analysis of Arabic grammar. In the late Middle Ages, studies on the Arabic language in general, and on its grammar, in particular, were negatively influenced by the decline of Islamic civilization during that period of time. However, the prosperity of Semitic philology in the 19th century Europe, paved the way for scholars to develop a notable interest in studying the Arabic language, and analyzing its grammatical structures. Additionally, during this period, these scholars were dependent on traditional Arabic grammatical discoveries, but it was only in the 20th century that the pieces of writing of the traditional Arab grammarians were really valued. Following the development of modern linguistics through Saussure's structuralism, then later Chomsky's generative-transformational grammar, and also some other developed approaches in Europe and the United States, similar to other languages, the research of the Arabic language and its grammar was also highly influenced. Particularly, these modern theories led to the appearance of new ways for linguists acquainted with the Arabic language, whose main task was to study and analyze various grammatical phenomena from the point of view of modern linguistics. Thus, the study of Standard Arabic and its grammar has been developed since the 8th century AD through Sībawayhi's *Kitāb*, it has been the focus of study for traditional Arab grammarians, Semitic philologists, Arabists and modern linguists [1. P. XI].

Hence, the current study focuses on explaining some Arabic grammatical features highlighted by medieval grammarians and modern linguists alike. The theory developed to differentiate between sentence types and word-order patterns is also emphasized. Furthermore, the Sībawayhian theory of 'amil' is also explained and analyzed in terms of sentence structures and word-order patterns. Later on, the simple

sentence in Standard Arabic with its main components and basic syntactic characterizations are defined analytically. Furthermore, different word-order patterns of simple sentences are presented and analyzed along with examples illustrating and providing evidence of the different patterns that exist.

1. Sentence Types and Word-Order Patterns in Standard Arabic

1.1. Sentence types VS. Word-order patterns

Both medieval grammarians and modern Arabists have always been considering the subject of sentence types in Standard Arabic. Surprisingly, the concept of verbal sentence or in Arabic (جملة فعلية *jumla fi'liyya*) and nominal sentence (جملة اسمية *jumla ismiyya*) was first introduced in the ancient Arabic grammatical literature, though during the earliest stages of medieval Arabic grammatical writings, the difference between these main sentence types is implied. Moreover, a nominal sentence is a sentence that starts with a noun (a noun phrase), whereas, a verbal one starts with a verb (a verb phrase) [2. P. 488]. Additionally, in his *Kitāb, Sībawayhi* presents an accurate explanation of various syntactic formations in Arabic; nevertheless the primary difference is highlighted by him. The following model sentences show the distinction between the two main structures:

(1) يذهب زيد *yadhabu Zaydun* (translated as: ‘Zayd goes’)

(2) عبد الله أخوك *'Abdu-llāhi' axūka* (which means ‘Abdullāh is your brother’)

The first model sentence (1) begins with a verb (يذهب *yadhabu* ‘goes’). However, the second one is a nominal sentence because it begins with a noun which is *Abdu-llāhi*. Subsequently, grammarians started using these models (1 and 2) as *jumla fi'liyya* (جملة فعلية = verbal sentence) and *jumla ismiyya* (جملة اسمية = nominal sentence), nowadays, these two terms are used in the grammar of Standard Arabic [1. P. 6].

According to Peled, a sentence type can be described using entirely pure syntactic terms, alongside the models utilized by the medieval grammarians. Peled also points out that for any specific language, one can assume one or more model sentences that can be made up of a set of small distinctive units characterizing all sentences that are likely to occur. Furthermore, Peled adds that word-order, case marking and grammatical agreement are the guidelines to those model sentences mentioned before, she explains that: “If, for a given language L, it can be shown that any given sentence, however complex, is reducible to one of a given number of such nuclear model sentences, these model sentences are defined as sentence types in L.” [Ibid, P. 4].

Present-day linguistic studies of Arabic syntax have been extensively based on Chomsky’s generative grammar theory, and with regard to word-order studies, numerous researchers have decided to use Joseph Greenberg’s method that emphasizes universals and typology as a guideline in their language studies. Greenberg believed that each language has its basic word-order patterns; more specifically the ordering of the subject (S) and object (O) in the sentence corresponding to the verb (V). In addition to that, word-order patterns such as SVO, VSO, and SOV (which are the most

common) are assumed to have a correlation with some particular grammatical characteristics [3. P. 61].

Later on, in their works, Winfred P. Lehmann (1973) and Theo Vennemann (1974) changed the main idea of word-order patterns covered in Greenberg's methodology. On the one hand, Lehmann suggested that a differentiation between VO and OV languages (i.e. object following or object preceding) was necessary instead of introducing word-order patterns with regard to the place of the subject and object depending on the verb. On the other hand, in his typology, Vennemann distinguished between two types of languages: XV and VX languages, then he proposed a definition for an XV language: "a language in which the normal position of the finite verb is the clause-final position in main declarative clauses." A language that shows a different word-ordering was called a VX language [1. P. 2].

Modern cross-linguistic studies have questioned the model proposed by Greenberg in terms of its basic word-order patterns, as well as suggesting different typologies. In their examinations, researchers fundamentally took into consideration syntactic, pragmatic and cognitive properties to explain various word-order patterns. Subsequently, one remarkable idea is of Mithun, in which she differentiates between language that are syntactically based and those which are pragmatically based ones. Peled mentioned that:

'She [Mithun] argues that syntactically-based languages have a syntactically defined basic word order that may be altered, for pragmatic purposes, by right- and left-dislocation processes. In pragmatically based languages, in contrast, all ordering reflects pragmatic considerations. Unusual situations are marked by other means reordering is usually assumed to result in a theme-rheme... with new or newsworthy elements following the 'old' or 'given' information, in pragmatically based languages, the order is nearly the reverse...' [Ibid, P. 2].

Recently, Kristen E. Brustadhas proposed a typology of Arabic that surprisingly deviates from Greenberg's model, and looks closer to the medieval Arab grammarians' approach. Although in the analysis of word-order, the paradigm of Greenberg has continued to be the most significant model of study, not least amidst Arabists and linguists concerned with the study of the Arabic language. Nevertheless, it is worth to mention that a general linguist whose main focus is on investigating an Indo-European language such as English, French or German, where the verb is the basis of each sentence; therefore, the placement of every other component of a sentence is to be determined according to the verb. In the Arabic language, sentences that exist without a verb; can be found both in classical as well as modern texts of Arabic, and most of the times this kind of sentences share fundamental characteristics with sentences that have a verb [Ibid, P. 2].

Rather than the medieval Arab grammarians, modern researchers have drawn a separating line between the two model sentences *ضرب عبد الله زيدا daraba 'Abdu-llāhi Zaydan* (lit.: hit Abdullah Zayd) and *عبد الله ضرب زيدا 'Abdu-llāhi daraba Zaydan* (lit.: Abdullah hit Zayd), characterizing two word-order patterns, first one is VSO while the other one is SVO. Obviously, it corresponds with the Greenberg's paradigm, where the order of other elements in a sentence is relative to the verb. Actually, it has been the trend in studying the sentence structure of Modern Standard Arabic

(MSA) as well as modern Arabic dialects. Furthermore, these two word-order patterns VSO and SVO became the two basic sentence types in the Arabic language. However, in the recent study, the terms VSO and SVO are used to refer to word-order patterns, and not to sentence types. Thus, the notion of sentence type is difficult to understand, and is not restricted to these two word-order patterns [Ibid, P. 3]. Subsequently, in his dictionary of grammatical terms, Robert L. Trask introduces the definition of sentence type:

‘Sentence type: One of the four traditional classes of sentence, in a classification which attends only to surface form and not to discourse function, the four types being **statements, commands, questions and exclamations**, conventionally associated with the four [4. P. 251].

According to Trask’s definition, the type of sentence is dependent on the nature of its predicate and the position of the predicative components (i.e. subject and predicate) with respect to the relation between them. In addition, all types can be utilized to form a statement or ask a question, an imperative form is characterized by a sentence headed by a verb.

1.2. The Sibawayhian theory of ‘عامل’ ‘amil’ (‘operator’)

Similar to other basic ideologies, the concept of sentence types began to be explained and analyzed during the late period in the development of Arabic grammar. Through time, grammarians had been focusing on distinguishing between a number of primary structures in the Arabic language, e.g., those shown in sentences like: *زيد منطلق* *Zaydun muntaliqun* (lit.: Zayd is going off), without emphasizing the sentence type. According to Sibawayhi, whose book *Kitāb* is considered to be the first book explicitly explaining the grammatical constructions of the Arabic language, the concept of the sentence is found on the principle of what is called in Arabic as *إسناد* ‘*isnād*’ (despite the fact that the term itself is not commonly used in the book, the term’s literal meaning is ‘leaning,’ which refers to the two predicative constituent of the sentence; that is the subject and the predicate, indicating that one somehow is held up by the other. Sibawayhi applies the two model sentences *عبد الله أخوك* ‘*Abdu-llāhi ‘axūka*’ (translated as Abdullah is your brother) and *زيد يذهب* *yadhabu Zaydun* (goes Zayd) as expressions of ‘*isnād*. To explain more, Sibawayhi refers to the first predicative constituents as *musnad*, while to the second as *musnad ‘ilayhi*. Yet, Sibawayhi appears to have been fascinated not only by sentence constituents, but also by sentence formation; i.e. the way a sentence structure is formed [1. P. 6].

Various grammarians use the term ‘*amil*’ to refer to a one-way process where a component in a sentence works ahead of another by assigning its case. The ‘*amil*’ (‘operator’) works ahead the *ma ‘mūl* *معمول* (translated as: the affected), resulting in changes in its case ending (‘*rāb*’ *عراب*). The ‘*amil*’ is generally a verb or a particle, for example, a preposition. The *ma ‘mūl* is a nominal or a verb of the *yaf‘ alu* *يفعل* form (which is the imperfect form). Moreover, a fundamental notion in the ‘*amil*’ theory is *ta ‘diya* *تأدية* which indicates the transitivity of the verb, referring to sentences with the VSO word-order pattern. In taking into consideration the notion of *ta ‘diya*, it is supposed that in sentences such as *عبد الله ضرب* *daraba ‘Abdu-llāhi Zaydan* (hit Abdul-

lah Zayd), it is the verb ضرب *'daraba'* (hit in this case) which establishes the formation of the sentence. More specifically, the verb *'daraba'* influences the first nominal (the *fā'il* فاعل who is *'Abdu-llāhi'*), giving it the *raf* الرفع case. This influence of the verb goes further (in Arabic يتعدى *yata'addā*) through the *fā'il*, into the second nominal (the *maf'ūl* مفعول who is *Zaydan*), giving it the *nasb* النصب case [Ibid, pp. 5—6].

Although, Sībawayhi did not precisely propose a well-defined separation of sentence type, he certainly cleared the path for later grammarians to develop a hypothesis providing that any sentence in the Arabic language can be represented by one of these two types: on the one hand, a verb-based sentence (in other words a verbal sentence), while on the other hand, a noun-based sentence (a nominal sentence). In a matter of fact, his division between two types of *'amal* was subsequently translated into a precise theory of two corresponding sentence type.

2. The Simple Sentence in Standard Arabic

The Arabic language of the Semitic family of languages is morphologically rich and has a flexible word ordering. According to Cantarino, a sentence '...is usually defined as a self-contained unit of speech consisting of a meaningful word or word arrangement.' As it was mentioned above, in Standard Arabic grammar, there is a distinction between two basic types of sentences in the simple sentence structure, one is the nominal sentence (*jumla ismiyya*) and the other is the verbal sentence (*jumla fi'liyya*). Hence, nominal sentences contain two main parts: a subject (in Arabic مبتدأ *mubtada'*) and a predicate (خبر *xabar*) [5. P. 2].

2.1. The constituents of simple sentences and their syntactic characterization

In the Arabic grammar, the division of words into verbs, nouns, and particles is one of the most important criteria. Grammarians specialized in analyzing the Arabic language explained each of these elements in correspondence with principles from phonological, morphological, syntactic, and semantic/pragmatic levels of linguistic analysis, significantly, morphological and syntactic levels. In his *Alfiyya* ألفية (rhymed book dealing with Arabic grammar), Ibn Malik provided some important definitions of nouns, verbs, and particles.

2.1.1. Nouns

In Standard Arabic, a noun can be defined as: 'a word that names a person, place, or thing, as in *Yusuf* يوسف *bank* بنك and *pen* قلم. A noun can either be definite (in Arabic or indefinite (i.e., النكرة *alnakera*). On the one hand, a definite noun is a noun which names a particular person, place or thing, for instance, *Muhammad* مُحَمَّد (The Prophet peace be upon him), *Madinah* المدينة (the Holy City), and *Black-Stone* الحجر الأسود (the Holy stone). On the other hand, an indefinite noun is a noun that refers to unparticular person, place or thing, for example *a girl* طفلة, *a school* مدرسة, *a chair* كرسي. Additionally, a noun can be classified into two gender classifications, masculine (المذكر) and feminine (المؤنث), in most cases the ending of a noun determines whether it is a

masculine noun or a feminine one, the “ة” (known as ‘*taa almarbota*) in مدرسة (=school) indicates that the noun is feminine. Different from English, the noun in Arabic is divided into three categories regarding the number; they are Singular المفرد (e.g. a man ‘رجل’), Dual المثنى (e.g. two men ‘رجلان’) and Plural الجمع (e.g. men ‘رجال’).

Furthermore, Zaggagi explains a noun as being a subject (فاعل *fa’il*) or an object (مفعول به *maflul bihi*). Ibn Hisam acknowledges the appearance of a noun with nunation (التنوين *tanween*) and the definite article, as well as having the feature of being talked about (*muhaddat ‘anhu*). This feature is to some extent similar to what Zaggagi mentioned about a noun being a subject, even if it is semantically and pragmatically directed. It is impossible not to mention the work of Sarrag which was the first total list of noun characteristics. In his list, the syntactic characteristics Sarrag adds are appearance with a genitive particle, modification by an adjective (*na’t*, in Arabic نعت), appearance as topic (in nominal sentence), non-appearance with the verbal modifiers سوف ‘*sawfa*’ (indicating the future; equivalent to ‘it will’), قد ‘*qad*’ (it may) (indication of perfective). Another list appeared later in the work of Anbari in which a few modifications were made; appearance with the vocative particle is introduced, also it is mentioned that nouns are those which appear as topics, subjects, objects and possessors [6. P. 213].

2.1.2. Verbs

In the description of verbs, syntax does not play an important role as it is with nouns. Sarrag emphasizes the semantic contribution, and negative explanation, for instance, the things that do not specify a noun. As for Anbari, ‘verbs are words which cannot be talked about’ (*mukhbar ‘anhu*, occur as subject) and with which you talk about something (as predicate, *mukhbar bihi*). In addition, the two classifications (*mukhbar ‘anhu/bihi* / مخبر عنه/ به) are important in differentiating between nouns and verbs: nouns appear as both due to the fact that they can act as subjects or as predicates in the nominal sentence, while verbs appear only as predicates. Anbari adopts the same classification but refers to it with the term إسناد *isnad*. Thus, a verb can act as predicate, مسند *musnad* but cannot be an argument to a predicate [Ibid, P. 214].

Additionally, Mubarrad does not give a definition of verbs following a syntactic criterion, and Zaggagi provides only a semantic explanation, verbs are words that take past, present and future tenses that express an action. Yet, Zaggagi considers that verbs should be explained through syntactic criterion, or partially through analyzing the relations between sentence components when he compares them with nouns. Nouns are considered, in a logical way, to be ‘the first’ (meaning more basic) since there are sentences containing only of nouns, and if a verb appears as an agent, a noun must go with it. This implies that a verb a relation between an agent noun and itself [Ibid, P. 215].

2.1.3. Particles

The particles are considered to be the most heterogeneous among word classes and are divided into numerous sub-classed: Anbari and 'Asrar provides six, Sarrag gives eight and Zaggagi provides a semantic description, ‘(words which) have a

meaning by virtue of their referring to another word.’ Nonetheless, Zaggagi makes no attempt to provide a complete grammatical definition, neither syntactic nor morphological. But, once the morphological, syntactic and semantic descriptions of nouns and verbs have been identified, any words which do not meet such descriptions are believed to be particles. Moreover, Ibn Ginni gives a summary to what particles are, he explains them as follows: ‘(particles) are whatever have neither the characteristics (*alamat* علامات) of nouns nor verbs’ [Ibid, P. 215].

3. Word-order Patterns of Simple Sentences

3.1. Verbal Sentence and Nominal Sentence

Word-order in Arabic sentences has different patterns. As it was mentioned above, the Arabic sentence takes two main forms that are usually used to contrast each other. The first is called *جملة فعلية jumla fi ‘liyya*, ‘verbal sentence’ where a VP (verbal phrase) precedes the NP (noun//nominal phrase). The second structure is called *جملة اسمية jumla ismiyya*, [7. P. 33]. Examples:

(1) Verbal sentence:

دعاا-ا الولد dzaa-a al-waladu ‘the boy came’

(2) Nominal sentence:

الولد جالس al-waladu dzaliss-un ‘the boy is seated’

In (1), the VP *دعاا-ا dzaa-a* (came) precedes the NP *الولد al-waladu* (the boy), and in (2), the sentence begins with an NP, *الولد al-waladu*.

The nominal sentence comprises two elements known as *مبتداً mubtada’*, that can be translated as the initial NP, and *خبر xabar*, or the predicate. In (2) the initial NP is *الولد al-waladu*, and *جالس dzaliss-un* is the predicate. The two components are always nominative, and agree in terms of number, gender, as well as definiteness [8. P. 77].

Two main constituents make up a nominal sentence in Standard Arabic, *mubtada’* and *xabar*. The initial NP or *mubtada’* has three features; firstly it must be definite, secondly, it must carry the nominative case, and thirdly it has to be a single phrase. The predicate or *xabar*, however, can be a single word, phrase, or a complete sentence, e.g.:

الأم في المطبخ al-ummu fi al-matbax-i ‘the mother is in the kitchen’

Traditional grammarians define the predicate *xabar* of the nominal sentence as the second main constituent whose role is to report, add, and complete the meaning of the sentence or clause, it agrees with the subject or *mubtada’*, it can be a single word or a complete phrase.

The simple form of *xabar* can be an adjective or a noun, as in the following examples:

الجو ممطر al-jaw-u mumtr-un (adj) ‘the weather is rainy’

احمد صحفي Ahmad-u sahafy-un (noun) ‘Ahmed (is) a journalist’

In both examples the report is a single NP, the report is *ممطر mumtir-un* (rainy) in the first example and *صحفي sahafy-un* (a journalist) in the second. One can notice that in both examples the *mubtada’* (initial NP), and its *xabar* (report), agree in gender and number. In both examples, however, the predicate is indefinite while the *xa-*

bar is definite; it is said here that the predicate receives definiteness from the initial NP [9. P. 246].

In a nominal sentence, the complex report can be in the form of a verb phrase or nominal phrase as illustrated in the examples below:

المدير في اجتماع *al-mudir-u fi idztima-in* ‘The director (is) in a meeting’

In the example above the report is the prepositional phrase (*jumla fi ‘liyya*) في اجتماع *fi idztima-in* (in a meeting), which also follows the initial noun المدير *al-mudir-u* (the director), it is an example of a nominal clause with a locative clause report in which *fi idztima-in* reports the location of the ‘director’ assuming that the meeting place is known [10. P. 16].

Another type of complex *xabar* is a verb phrase as in the following example:

البنيت تحب السفر *al-bintutu-hib-u al-safar-a* ‘The girl loves travelling’

ليلى تحب السفر *Leyla tu-hib-u- al-safar-a* ‘Leyla loves travelling’

In this example the initial NP البنيت *al-bintu* (the girl) is a *mubtada*’ carrying the nominative case. The initial NP *al-bintu* can be replaced by the name *Leyla*, it also becomes the subject to the VP *tu-hib-u al-safar-a*; the initial NP is a definite specific noun, and the verb agrees with the *xabar* in gender, person, and number.

In summary, the nominal sentence is composed of two constituents: the *mubtada*’, or (initial NP) and the *xabar* (predicate). The initial NP, *mubtada*’, can be simply defined as any definite, generic, or specified, NP heading a sentence, and the *xabar* of nominal sentences can either be a nominal or verbal constituent [11. P. 49].

3.2. VSO versus SVO

The Arabic language is a flexible one in terms of word order. Examples in traditional and modern Arabic comprise up to eight patterns as illustrated in the Table 1 below, providing evidence of the flexibility in word-order patterns:

Table 1 / Таблица 1

Examples of possible word-order patterns in Standard Arabic /
Примеры возможных шаблонов порядка слов в стандартном арабском языке

Word-order patterns	Example Translation in English	
SVO	اللوحة جميلة /al-lawhat-o jamilat-un/	The painting (is) beautiful
	اللوحة جميلة (هي) /jamilat-un (hiya) al-lawha/	Beautiful (is) the painting
	الفنان رسم لوحة /al-fanan-o rassam-a lawhat-an/	The artist drew a painting
VSO	رسم الفنان لوحة /rassam-a al-fanano-o lawhat-an/	Drew the artist a painting
VOS	رسم لوحة الفنان /rassam-a lawhat-an al-fanan/	Drew a painting the artist
OSV	لوحة الفنان رسم /lawhat-a al-fanan-irassam-a/	A painting the artist drew
SOV	الفنان لوحة رسم /al-fanan-o lawhat-an rassam-a/	The artist a painting drew
OVS	لوحة رسم الفنان /lawhat-an rassam-a al-fanan/	A painting drew the artist

Only two patterns will be dealt with: VSO and SVO due to the fact that these are the most commonly used in modern prosaic Arabic, the other patterns are more fre-

quently used in poetry and eloquent artistic style, not to be found in daily writings [11. P. 50].

According to Arab grammarians, VSO is the basic syntactic word order, and SVO is derivate of the VSO, as a result of subject movement. VSO order is altered to highlight shift in focus, emphasis and information distribution. Stylistically speaking, VSO order is more frequent than SVO as seen in the writings of many Modern Arab writings. The VSO pattern is used in many cases such as:

a. Passive sentences (they are commonly found in writings, they usually verbal sentences)

الباب فُتِحَ fouthiha al-babu ‘lit.: opened (was) the door’ ‘The door was open’

b. When independent subject pronouns are deleted

قرأت المقال (أنا) qara’-tu al-maqal-a ‘(I) read the article’ ‘I read the article’

The SVO pattern is used in certain positions such as:

a. Sentences consisting of a subject and a NP predicate:

احمد حاضر احمد حاضر *Ahmad-u hadir-an* ‘lit.: Ahmed present’ ‘Ahmed is present’

b. Sentences beginning with emphatic ‘inna’ and similar emphatic words.

احمد حاضر ان inna Ahmed-a hadir-un ‘Ahmed is present (not absent as you thought)’

c. Sentences beginning with auxiliary ‘kaana’ and similar auxiliary (incomplete) verbs:

احمد حاضر كان kaana Ahmad-u hadir-an ‘lit.: was Ahmed present’ ‘Ahmed was present (but is no longer)’

The sentence *احمد كان حاضر احمد كان حاضر* *Ahmad-u kaana hadir-an* is also correct, but with the slight difference that contrary to the previous one *kaana Ahmad-u hadir-an*, the latter sentence emphasizes Ahmed’s presence more than the time of presence. Analyzing Arabic texts is challenging because this language has diverse morphology due to its inflectional nature and flexibility in terms of word order and the use of clitics attached to words [12. P. 5]. In this work two different word orders in Arabic (SVO, VOS) will be considered so as to show how they are derived. Below are some of the rather challenging characteristics of the Arabic language [13. P. 2].

A. Arabic has a relatively free word-order and it is therefore not unusual to find each of VSO and SVO within an Arabic text as in:

a. *قرأ المدير التقرير qara’-a al-mudir-u al-taqrir-a* ‘lit.: read the director the report’ ‘the director read the report’

b. *المدير قرأ التقرير al-mudir-u qara’-a al-taqrir-a* ‘The director read the report’

Both examples (a) and (b) are grammatically correct and imply the same meaning (the director read the report) with difference in emphasis, for in the first sentence, the act of reading is emphasized, whereas in the second example, the focus is on the doer of the action of reading (the director himself and not someone else, or to mean that it is no less than director who read it, depending on intonation).

B. Another challenge is that Arabic is a clitic language, i.e. one in which morphemes are morphologically linked to other words; these can be coordinating conjunctions, a definite article, prepositions; a particle, or pronouns attached to the beginning or end of a word. For example:

c. *ذهبن dhahab-na* ‘they (female pronoun) left’

Example (c) above comprises the verb ذهبن *dhahaba* and a clitic ن ‘na’ that acts as the subject for the verb *dhahaba*, (the male counterpart would have been ذهبوا *dhahb-ou*).

C. The omission of diacritics in most written texts, which makes almost only natives of advanced learners able to *guess* the type of word being used; so that ذهب *dha-haba* ‘(he) left’ or ذهب *dhahab* (gold) can only be distinguished from the context if such signs are omitted.

D. Arabic is a pro-drop language. The subject can be omitted leaving it the reader to decide if there is an omitted pronoun in the subject position or not. Let us consider the exchange below as an example:

d. أين ليلي؟ *ayna Leyla?* ‘Where is Leyla?’

e. ذهبت إلى المدرسة. (هي) *(hya) dhaba-t ila al-madrassat-i* ‘She left to school’

Here, the subject pronoun (*hya*) ‘she’ is often omitted.

Another challenge with Arabic added to the omission of diacritic signs is the abundant use of homographs that differ not only in meaning but in the part of speech as well (see example (f) above or the example below):

f. البيت جميل *al-bayt-u jameel-un* ‘the house (or a poem verse) is beautiful’

Here the meaning of the word البيت *al-bayt* preceded by the definite article *al-* and the diacritic sign –u implying the word is an initial (*mubtada*) or subject in this case is quite hard to know unless the context is clear. The sentence can mean that the speaker likes a *house* they are looking at or a *verse* in a poem because both are written and referred to as البيت *al-bayt*.

Conclusion

Belonging to the Semitic family of languages the Arabic language is characterized by rich morphology and flexible word order. Many medieval grammarians attempted to analyze the grammatical aspects of Standard Arabic, following a lot of various approaches and referring to different sources for the study. They also tried to identify the types of sentences that exist in the Arabic language, as a consequence, the concept of verbal sentence (or in Arabic *jumla fi liyya*) and nominal sentence (*jumla ismiyya*) was introduced during the early stages of investigating the Arabic language. Later on, grammarians and modern linguists started analyzing the simple sentence structures and characterizing its basic components in order to identify the word-order patterns of each structure. In the end, it was concluded that Standard Arabic is a language characterized by its free word-order, meaning it can be both VSO and SVO, though more commonly VSO, as compared with other languages, as to say for instance, the English language, which has a fixed SVO word-order.

References / Библиографический список

1. Peled, Y. (2009). *Sentence Types and Word-Order Patterns in Written Arabic: Medieval and Modern Perspectives*. Brill Academic Pub Edited by T. Muraoka and C.H.M. Versteegh, *Studies in Semitic Languages and Linguistics*, 52. Leiden. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=xNWvCQAAQBAJ&oi=fnd&pg=PR11&dq=related:mxy7RcAJfvefpM:scholar.google.com/&ots=1VERVczBb-&sig=QdSuUtOrgFhO_bswZJgMZPvF3PE&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed: 18.03.2019).

2. Souadkia, M. (2017). Comparative Study of Word-order Patterns of Simple Sentences in English and Arabic, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(2), 485—493.
3. Greenberg, J.H. (1966). *Some Universals of Grammar with Particular Reference to the Order of Meaningful Elements*. Stanford: Stanford University. pp. 58—90. URL: http://www.fb10.uni-bremen.de/homepages/hackmack/syntax/pdf/Universals_of_Language.pdf (accessed: 20.03.2019).
4. Trask, R.L. (1993). *A Dictionary of Grammatical Terms in Linguistics*. Psychology Press. London and New York: Routledge. URL: <https://books.google.ru/books?id=rcT62Lpcoc8C&pg=PA251&lpg=PA251&dq=larry+trask+sentence+type+one+of+the+four+traditional&source=bl&ots=jvCyf48K&sig=ACfU3U2HfEh71Um1O6ogZGQ9mHBevG1D2Q&hl=en&sa=X&ved=2ahUKEwj6zP6mh-zkAhUOmIsKHRsRCXYQ6AEwAHoECAQQAQ#v=onepage&q=larry%20trask%20sentence%20type%20one%20of%20the%20four%20traditional&f=false> (accessed: 17.03.2019).
5. Cantarino, V. (1974). *Syntax of Modern Arabic Prose: the Simple Sentence*. London: Indiana University Press. Vol. 1. URL: <https://archive.org/details/SyntaxOfModernArabicProseSMAP1/page/n7> (accessed: 22.03.2019).
6. Owens, J. (1989). The Syntactic Basis of Arabic Word Classification, *Arabica*, 36(2), 211—234. URL: <http://www.jstor.org/stable/4056796> (accessed: 19.03.2019).
7. Kremers, J.M. (2003). *The Arabic Noun Phrase: A minimalist Approach*. URL: https://www.lotpublications.nl/Documents/79_fulltext.pdf (accessed: 25.03.2019).
8. Suleiman, Y. (editor) (2003). *Arabic Grammar and Linguistics*. Routledge Publication.
9. Holes, C. (2004). *Modern Arabic: Structures, Functions, and Varieties*. Georgetown: Georgetown University Press.
10. Ryding, K.C. (2005). *A Reference Grammar of Modern Standard Arabic*. Georgetown: Georgetown University. Cambridge University Press. URL: <http://qisar.fssr.uns.ac.id/wp-content/uploads/2015/04/Qisar-Karin-C.-Ryding-A-Reference-Grammar-of-Modern-Standard-Arabic1.pdf> (accessed: 26.03.2019).
11. Mohammad, A.M. (2000). *Word Order, Agreement and Pronominalization in Standard and Palestinian Arabic*. John Benjamins Publishing Company. doi.org/10.1075/cilt.181.
12. Albuhayri, S. (2013). *The Pronominal System in Standard Arabic: Strong, Clitic and Affixal Pronouns*. Arizona: Arizona State University. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/118d/4875976731c965c3645f4b1c8c761868efd2.pdf> (accessed: 26.03.2019).
13. Moubaidin, A., Hammo, B., Obeid, N. & Tuffaha, A. (2013). *Investigating the Syntactic Structure of Arabic Sentences*. Amman: University of Jordan. URL: https://www.researchgate.net/profile/Nadim_Obeid/publication/259744526_Investigating_the_Syntactic_Structure_of_Arabic_Sentences/links/02e7e52da4355149f8000000.pdf (accessed: 26.03.2019).
14. Ditters, E. (1991). A Modern Standard Arabic Sentence Grammar, *Bulletin D'études Orientales*, 43, 197—236. URL: <http://www.jstor.org/stable/41608975> (accessed: 19.03.2019).
15. Hamidi, E.T. (2009). *A Comparative/Contrastive Study of Certain Arabic and English Syntactic and Semantic features: A Case Study of the Language of News in Al-Jazeera Broadcasting Channel*. Amman: Middle East University for Graduate Studies. URL: <https://docplayer.net/100054503-A-comparative-contrastive-study-of-certain-arabic-and-english-syntactic-and-semantic-features-a-case-study-of-the.html> (accessed 23.03.2019).
16. Moubaidin, A., Hammo, B., Obeid, N. & Tuffaha, A. (2014). *Formal Description of Arabic Syntactic Structure in the Framework of the Government and Binding Theory, Computacion y Sistem*, 18(3), 611—625. URL: <http://www.scielo.org.mx/pdf/cys/v18n3/v18n3a15.pdf> (accessed 19.03.2019).
17. Breedlove, C. (2018). *Arabic and English Sentence Patterns: A Comparative Guide*. Portland: Portland State University. URL: <https://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1018&context=pdxopen> (accessed: 21.03.2019).
18. *Noun and Its Types*. Madinah Arabic. URL: https://www.madinaharabic.com/Arabic_Language_Course/Lessons/L023_001.html (accessed: 26.03.2019).

Сведения об авторах:

Тедж Гомри (Алжир), доктор лингвистики, заведующий кафедрой иностранных языков, Тахри Мохамад Университет, Бешар, Алжир, преподает лингвистическую семантику и семиотику, читает курс методологии. Область исследований: обучение иностранным языкам студентов из стран Северной Африки, прикладная лингвистика и оценки ELT; конфликтология средневековой Англии. Имеет ряд публикаций в Алжире и за рубежом; *e-mail: ghomritedj@gmail.com*

Саудкия Мунья, аспирант 3-го года обучения по кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. *Сфера исследований*: контрастивное функциональное описание моделей порядка слов в простом предложении в английском и арабском языках; *e-mail: mounya.sdkia@gmail.com*

Informayion about the authors:

Tedj Ghomri (Algeria), Dr. Head of the Department of Foreign Languages, Tahri Mohamed University, Bechar Algeria, teaching semantics and semiotics and research methodology at the same department. *Sphere of research*: foreign language teaching to learners of North African origins, applied linguistics and evaluation in ELT in addition to conflicts in Medieval England. He has several publications in local and international journals; *e-mail: ghomritedj@gmail.com*

Souadkia Mounya, a third year PhD student of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, the RUDN University; *Sphere of the scientific research*: Contrastive Functional Description of Word-order Patterns in English and Arabic Sentences; *e-mail: mounya.sdkia@gmail.com*

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-92-101
УДК 811.133.1'373.45:81'27:316.77

Научная статья / Research article

Семантические англицизмы французского интернет-форума

Л.Н. Лунькова¹, Л.М. Букина²

^{1,2} Государственный социально-гуманитарный университет
ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410

¹ lora@list.ru

Семантическая ассимиляция заимствованных лексических единиц представляется многогранным и многоаспектным явлением. Она включает множество возможных аспектов изучения и путей анализа освоения семантики заимствований. В статье рассматривается лингвистическое явление семантического заимствования, которое основано на тождественности графической или фонетической формы лексических единиц, описываются основные изменения, характерные для семантики заимствованной из английского языка лексики, приводятся примеры семантических англицизмов во французском интернет-дискурсе. В русле общей мировой тенденции французский язык ежедневно пополняется англоязычными единицами, причем интернет-дискурс выступает как один из проводников этих заимствований. Для выявления специфических черт и тенденций заимствования на семантическом уровне французского языка использован жанр сетевого форума, в котором специфически сочетаются черты письменной и устной речи, а это значит, что новые языковые тенденции, обнаруживаемые в речевой практике участников форума, в этом жанре проявляются наиболее выпукло и полно. Авторы статьи предлагают дефиницию термина «семантический англицизм», анализируют механизмы семантического уподобления французского слова английскому. Французские лексические единицы подвергаются семантическим преобразованиям под воздействием близких по форме и звучанию английских лексем. Актуальность исследования обусловлена тем, что яркой особенностью глобального интернет-дискурса как типа речи является практика употребления его пользователями заимствованных единиц, и особенно англицизмов. Также в работе отражены результаты анализа законодательной политики Франции по защите национального языка и репрезентирован неоднозначный взгляд ведущих французских лингвистов на проблему распространения англицизмов во французском языке. Французы не остаются индифферентными к проблеме перенасыщения национального языка английскими заимствованиями и задаются вопросом о целесообразности употребления в речи англицизмов. В исследовании используются методы структурно-семантического и сопоставительного анализа, статистический метод. Материалом исследования послужили семантические заимствования из английского языка, выявленные при анализе реплик франкоязычных пользователей интернет-форума.

Ключевые слова: семантическая ассимиляция, англицизм, языковая ситуация, Интернет-форум, французский язык, заимствование, законодательная политика

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 20.10.2019

© Лунькова Л.Н., Букина Л.М., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Лунькова Л.Н., Букина Л.М. Семантические англицизмы французского интернет-форума // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 1. С. 92—101. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-92-101

UDK 811.133.1'373.45:81'27:316.77

Semantic Anglicisms in French Internet Forum

Larisa N. Lunkova¹, Liliya M. Bukina²

^{1,2} State Educational Institution of Higher Education
of Moscow Region State University of Humanities and Social Studies
30, Zelyonaya str., Kolomna, Russia, 140410

¹ lora@list.ru

Semantic assimilation is a many-sided and a multidimensional phenomenon assuming a number of analysis approaches. The article is a study of the semantic borrowing process due to either graphical or phonetic identity of lexical units. It discusses general semantic transformations of the English language borrowings alongside with the examples of semantic anglicisms in the French Internet discourse. The global tendency is that the French language is daily receiving quite a number of English words the Internet discourse being one of the leading media. To specify the borrowing patterns in the French language at the semantic level the net forum genre is chosen as a specific combination of oral and written speech features giving a most outstanding and evident picture of all linguistic tendencies. The work is an attempt to define what a semantic anglicism is and what linguistic mechanisms are involved in the process when French lexemes undergo semantic transformations due to their either graphical or phonetic likeness to English ones. The research topicality is conditioned by the nature of the global Internet discourse itself the latter being the speech type abundant in all kinds of borrowings anglicisms in particular. The research background is the legal French policy to defend the national language and the French linguists struggle against anglicisms overwhelming penetration into French. The analysis is also held through experimental French native speakers interviewing for the excessive use of English words and its expediency. The research methods are structural-semantic, comparative, statistical. The units under study are English language semantic borrowings in the French internet forum held by native French language speakers.

Key words: semantic assimilation, Anglicism, language situation, Internet forum, French, borrowing, legislative policy

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 20.10.2019

For citation:

Lunkova, L.N. & Bukina, L.M. (2020). Semantic Anglicisms in French Internet Forum, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (1), 92—101. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-92-101

Введение

Как следствие мировой глобализации, вполне объяснимым и обыденным явлением становится процесс скрещивания, смешения языков (так называемая «креолизация»), которые контактируют между собой, обмениваются информацией и в равной степени заимствуют друг у друга слова и выражения. Такие

многовековые контакты наблюдаются между английским и французским языками, переживая доминирование одной или другой языковой системы. Английский рассматривается как «настоящий язык дипломатии, науки и коммерции нашего времени»: “[...] la vraie langue diplomatique, scientifique et commerciale de notre temps” [1. С. 3]. Трудно отрицать его огромное влияние на другие языки, и тем более на французский. Это явление современности получило название англиканизации французского языка. Необходимо учитывать, что французский язык также представляет многообразие вариантов, распространенных на территории стран Европы (Бельгия, Швейцария), Америки (Канада), Африки (страны Магриба и Тропической Африки) и т.д. [2. С. 325].

1. Неоднозначное отношение французских лингвистов к англиканизации французского языка

Взгляды французских лингвистов на появление англицизмов во французском языке неоднозначны. Одни (Л.-Ж. Кальве, М. Обре, Б. Серкиглини и др.) считают, что заимствования способствуют обогащению языка, поддерживают его престиж на мировой арене, то есть обеспечивают ему развитие. Их оппоненты (А. Жильдер, А. Жуайандэ и др.) уверены, что происходит притеснение языка, его засорение, ничем не оправданное употребление англицизмов вместо французских слов.

Б. Серкиглини (преподаватель в Университете Париж VII, главный уполномоченный по французскому языку с 1989 г. по 1993 г., участвовавший в разработке орфографической реформы французского языка) считает, что язык может существовать лишь тогда, когда он взаимодействует с другими языками, заимствует у них иностранные слова и предлагает им свои термины. В противном случае язык перестает развиваться и умирает: “Une langue ne vit que lorsqu’elle prend et donne des termes à d’autres langues” [3. Р. 204]. Социолингвист Л.-Ж. Кальве полагает, что совершенно не благоразумно уверять французов в том, что, защищая их язык от заимствований, можно обеспечить их стране процветание на мировой арене: “Il est faux de faire croire aux Français qu’en défendant leur langue contre des emprunts de mots étrangers on va donner à leur pays une plus grande force sur la scène internationale” [Ibid]. Согласно точке зрения М. Обре, не следует отрицательно относиться к процессу проникновения в язык иностранных терминов. Он считает, что благодаря заимствованиям развивается французский язык науки и техники: “Il est normal que ces emprunts se poursuivent, notamment pour à la langue française de suivre l’extraordinaire évolution des sciences et des techniques” [4. Р. 365]. Но, с другой стороны, лингвист выступает против заимствования англицизмов, имеющих во французском языке эквивалент. Он задается вопросом о пользе дублирования существующего в языке слова иностранным термином и приводит довольно большое количество очевидных примеров: *clash-conflict*, *fast food* — *restauration rapide*, *job* — *travail*, *manager* — *dirigeant*, *remake* — *nouvelle version*, *break* — *rupture*, *price list* — *tarif*, *know-how* — *savoir-faire* и др. В то же время ученый считает уместным использование безэквивалентных английских слов и допускает их заимствование как в неизменной форме (*wagon*, *tramway*,

side-car), так и с некоторыми орфографическими трансформациями: *fuel*→*fioul*, *gas-oil*→*gazole* [Ibid].

Французский лингвист А. Жильдер полагает, что перенасыщение французского языка англицизмами ведет сначала к «лингвистическому самоубийству», а после и к «самоубийству интеллектуальному» [5. Р. 167].

А. Жуайандэ, занимавший пост госсекретаря по вопросам развития и франкофонии с 2008 г. по 2010 г., боролся за чистоту французского языка и выступал против его засилья англоязычными заимствованиями. Одной из мер, введенных им и направленных на сохранение идентичности национального языка, стало предписание использования конкретных французских эквивалентов вместо общеупотребительных заимствований из английского языка. Например, были предложены французские аналоги для таких популярных англицизмов, как: *chat* — *eblabla u tchatche*, *newsletter* — *infolettre*, *tuning* — *bolidage*, *buzz* — *ramdam*, *talk* — *debat* [6].

2. Законодательные основы французской политики в отношении национального языка

Процесс проникновения английских слов настолько активен, что французы с их бережливым отношением к языку не в силах ему противостоять. Беспокойство по поводу переполнения национального языка англицизмами зарождается в политических кругах Франции в 70–90-х гг. XX столетия. Доказательством этого может служить выдвижение и утверждение ряда законов. Первым законодательным документом в отношении французского языка был «Закон об использовании французского языка от 31 декабря 1975 г.» — “Loi no 75-1349 du 31 décembre 1975 relative à l’emploi de la langue française” более известного под названием «Закон Ба-Лориоля» [7]. Первоначальный вариант этого документа появился в 1972 г., но затем в него были внесены коррективы и некоторые изменения. Согласно этому закону во всех названиях, офертах, рекламе, инструкциях использования товаров общего потребления, гарантийных талонах, фактурах, квитанциях, объявлениях, контрактах допустимо использовать лишь французский язык: “Dans la désignation, l’offre, la présentation, la publicité écrite ou parlée, le mode d’emploi ou d’utilisation, l’étendue et les conditions de garantie d’un bien ou d’un service, ainsi que dans les factures et quittances, l’emploi de la langue française est obligatoire. Les mêmes règles s’appliquent à toutes informations ou présentations de programmes de radiodiffusion et de télévision, sauf lorsqu’elles sont destinées expressément à un public étranger” [Там же].

В 1992 г. К.Такса (государственный секретарь по вопросам франкофонии и внешних культурных отношений) подготовил проект «Закона об использовании французского языка во Франции», более распространенное название которого «Закон Тубона» (т.к. именно министр культуры Тубон представил данный законопроект в Парламенте в 1993 г.). «Закон об использовании французского языка от 4 августа 1994 г.» — “Loi no 94—65 du 4 août 1994 relative à l’emploi de la langue française” [8] — вступил в силу 7 сентября 1995 г. Здесь шла речь о положениях «Закона Ба-Лориоля», но они были дополнены и расширены. Так, согласно этому документу в СМИ должен использоваться лишь французский

язык. «Закон направлен не на борьбу за чистоту языка путем запрета на употребление иностранных терминов, а на закрепление официального статуса французского языка во всех сферах деятельности» [9. С. 88]. Если визуальная, словесная, звуковая информация все же представлена на иностранном языке, к ней должно быть обязательно приложено резюме, краткое изложение материала на французском языке: “Les publications, revues et communications diffusées en France lorsqu’elles sont rédigées en langue étrangère, doivent comporter au moins un résumé en français” [8]. Закон дополнен «Декретом от 3 июля 1996 г. об обогащении французского языка» — “Décret no 96—602 du 3 juillet relatif à l’enrichissement de la langue française” [10].

Под руководством Делегации французского языка в январе 1994 г. публикуется «Словарь официальных терминов французского языка». Государственные служащие получили рекомендации по использованию словаря в их профессиональной деятельности. Данный глоссарий содержит более двух тысяч технических и научных терминов на французском языке, заменяющих их английский эквивалент.

Французы бережно относятся к национальному языку. За последние десятилетия были созданы и активно работают такие организации, как «Международная организация Франкофонии» (целью существования которой является объединение носителей французского языка и культуры в единое организованное сообщество, а также популяризация французского языка и культуры не только среди французов, но и других национальностей, использующих этот язык в повседневной жизни); «Агентство Культурного и Технического сотрудничества (АКТС)», созданное в 1970 г. и ставшее первой официальной межправительственной организацией Франкофонии. На территории Франции существуют организации и агентства по продвижению французского высшего образования за рубежом: “CAMPUS FRANCE”, сеть школ “Alliance française” и др.

3. Семантическая ассимиляция заимствования

Так или иначе, но «...влияние английского языка на французский остается, что выражается в многочисленных семантических заимствованиях, подчас неосознанных, стихийных, которые могут быть определены, ввиду сложности их выявления, лишь специалистами. Следствие семантического заимствования — изменения самой семантической структуры слова или изменения его лексических значений» [11. С. 28]. Заимствования обладают особой семантической природой, так как, будучи образованными в языке-источнике по его законам, они претерпевают разного рода фонетические, графические, морфологические, семантические и другие изменения, т.е. адаптируются в языке-реципиенте в соответствии с его законами.

Лексико-семантическая ассимиляция заимствования — это включение его в лексико-семантическую систему языка-реципиента: становление лексического значения иноязычной новации, формирование у нее различных зависимостей и связей с исконными единицами заимствующего языка [12. С. 45]. Семантическое заимствование опирается на тождественность формы лексических единиц

[13. С. 6]. Она является центральным и решающим звеном освоения заимствованной единицы языком-реципиентом.

В своей статье «Семантические англицизмы в печатных СМИ франкоязычной Канады» доцент кафедры романо-германской филологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского Е.Е. Кругляк применительно к французскому языку использует термин *семантический англицизм* [11. С. 28]. Хотя значение термина автором не определяется, содержание работы, тем не менее, позволяет нам сформулировать следующее определение. Под термином «семантический англицизм» мы понимаем лексему французского языка, чей семантический объем подвергается трансформации под влиянием английского омонима (омофона, омографа), которые и запускают механизмы семантического уподобления.

Понятие *семантический англицизм* применительно к русскому языку находим также в работе И.А. Дьякова, который, вслед за В.М. Аристовой, интерпретирует его как «значение английских: аффикса (грамматического или словообразовательного), слова, аббревиатуры, фразеологизма, словосочетания, предложения, воспроизведенное русскими средствами — калькой или полукалькой» [14. С. 73].

Исследования семантических заимствований из английского языка, выявленных при анализе реплик франкоязычных пользователей интернет-форума ForumFR [15], показывают, что использование этой категории лексики является важной особенностью коммуникации на форуме. А наши наблюдения свидетельствуют о том, что при виртуальном общении французы вынуждены употреблять англицизмы, так как это является одним из необходимых условий для удовлетворения потребности ощущать себя социально значимой частью современного виртуального сообщества. Коммуниканты используют английские заимствования для того, чтобы поддержать внимание адресата, обратить его внимание на изложенную информацию, а также оказать на него необходимое воздействие. Чтобы стать членом «виртуальной семьи», пользователям необходимо соблюдать определенный этический интернет-кодекс с нормами сетевого этикета. Одной из таких норм является важность включения англицизмов в сообщения. Таким образом, использование англицизмов является необходимым условием виртуального общения в целом и общения на форуме в частности.

3.1 Механизмы семантической трансформации французских лексем под влиянием англицизмов

Например, оригинальное значение французского глагола *supporter* — *выносить, терпеть, выдерживать* [16], а под влиянием подобного по форме английского глагола *to support* происходит расширение семантического значения французской лексемы, и она приобретает дополнительное значение англоязычной лексической единицы: *поддержать, быть в защите*. Приведем еще несколько примеров использования франкоязычными пользователями семантических англицизмов.

- *le programme* — программа, заданный режим работы [16] / *the programme* — теле- или радиопрограмма, передача [17]. (*Cliquez sur la chaîne de votre choix pour obtenir son programme TV complet.*);

• *compléter* — дополнять, пополнять, восполнять [16] / *to complete* — выполнять, завершать, заканчивать [17]. (*Mais quelqu'un qui ne fait subir aucun mal à l'autre et qui va juste compléter ses envies ou pulsions physiques de son côté, il n'y a pas à s'en mêler!*);

• *comfortable* — комфортабельный, удобный, уютный [16] / *comfortable* — достаточный, удовлетворительный (о зарплате), расслабленный, спокойный [17]. (*Tu vas faire un chiffre d'affaires conséquent et pouvoir te verser un salaire très comfortable.*) и др.

Кроме этого есть и более употребительные единицы. Примером семантического английского заимствования во французском языке может служить глагол *réaliser*, первое значение которого во французском языке — реализовать, осуществлять. Он все чаще употребляется в значении ясно понимать, давать себе отчет в чем-либо под влиянием английского глагола *to realize*: *Je réalise bien que je me suis trompé*. Французский глагол *questionner* (спрашивать, задавать вопросы) заимствовал дополнительное значение подвергать сомнению у близкого ему по значению глагола *to question*: *Il me semble utile de questionner ses récits*. Семантической трансформации подверглась лексема *l'évidence*, французские значения которой очевидность, явность. Под влиянием английского существительного *the evidence* она расширила семантику: *доказательство, улика*: *C'est ignorer les évidences et se baser sur ta conviction personnelle mais pourquoi pas*. Как правило, эти добавочные английские значения французских лексем еще не зафиксированы в словарях и были обнаружены эмпирическим путем при анализе реплик пользователей форума, а их значения определены на основе аналогии с близкими по форме английскими словами.

Заключение

При изучении реплик франкоязычных пользователей французского интернет-форума ForumFr нами был составлен перечень семантических англицизмов. Всего проанализировано 7550 реплик франкоязычных пользователей и обнаружено 59 семантических англицизмов, т.е. примерно в каждой 128 реплике французы содействуют семантическому уподоблению французской лексемы английскому слову, употребляя семантические англицизмы.

В силу того что форум является отдельным сайтом или разделом сайта, специфика его самореализации вырисовывается четче, а лингвистические и паралингвистические особенности представлены более наглядно и выразительно, чем в других жанрах интернет-дискурса. Полагаем, что именно форум — это наиболее подходящая экспериментальная площадка для исследователей-лингвистов, которая представляет собой «гибридную» форму коммуникации, позволяющую более детально проследить актуальные тенденции развития языка и, как следствие, его расширение как знаковой системы, по А.А. Потемне [18. С. 134]. Сообщения, которыми участники форумов обмениваются при коммуникации в Интернете в письменной форме, обладают всеми особенностями устного общения [19. С. 923]. Язык Интернета служит убедительным средством отображения реальности, поэтому механизм функционирования заимствований наиболее наглядно можно наблюдать именно на этом материале. Действитель-

но, Интернет — неисчерпаемый источник и средство глобальной коммуникации между людьми. Он крайне подвижен и быстро реагирует на языковые изменения и языковые новшества. Трудно не согласиться с точкой зрения А.Е. Войскунского, что Интернет представляет собой уникальный полигон, на котором развертывается испытание естественного языка [20. С. 105].

Библиографический список

1. *Allinne F.* Les faux amis de l'anglais. Paris: Belin, 1999.
2. *Нелюбова Н.Ю.* Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. no 2. С. 323—335. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335.
3. *Cerquiglioni B.* Le français dans tous ses états. Paris: Flammarion, 2000.
4. *Aubrée M.* Parlons français. Paris: Glyphe, 2004.
5. *Gilder A.* Et si l'on parlait Français? Paris: Le Cherche Midi, 1996.
6. Actualités informatique et numérique au quotidien. Режим доступа: <https://www.nextinpact.com> (дата обращения: 15.05.2019).
7. Loi no 75—1349 du 31 décembre 1975 relative à l'emploi de la langue française. Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT00000521788&dateTexte=19940804> (дата обращения: 15.02.2019).
8. Loi no 94—65 du 4 août 1994 relative à l'emploi de la langue française. Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000005616341> (дата обращения: 21.03.2019).
9. *Куралесина Е.Н.* Законодательные основы современной политики Франции в отношении французского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. no 131. С. 186—190.
10. Décret no 96-602 du 3 juillet relatif à l'enrichissement de la langue française. Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT00000378502> (дата обращения: 15.02.2019).
11. *Кругляк Е.Е.* Семантические англицизмы в печатных СМИ франкоязычной Канады // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 28—30.
12. *Щитова О.Г.* Закономерности семантической ассимиляции неисконной лексики среднеобских говоров (на материале томских деловых документов XVII века) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. no 7. С. 45—52.
13. *Кругляк Е.Е.* Семантические изменения в условиях языкового контакта (на материале общественно-политической лексики французского языка Канады): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2006.
14. *Дьяков И.А.* Англицизмы: заимствование или словообразование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. no 5 (6). С. 72—76.
15. Французский форум ForumFr. Режим доступа: <https://www.forumfr.com> (дата обращения: 12.01.2019).
16. Larousse: encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne. Режим доступа: <https://www.larousse.fr> (дата обращения: 12.04.2019).
17. Cambridge Dictionary Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 12.04.2019).
18. *Потебня А.А.* История русского языка. Лекции, читанные в 1882/3 академическом году в харьковском университете (Публикация С.Ф. Самойленко) // Потебнянські читання / АН УРСР, Інститут мовознавства ім. О.О. Потебні. К.: Наукова думка, 1981. С. 119—168.
19. *Денисенко В.Н., Кэ Ч.* Заимствованное компьютерное и сетевое слово в русскоязычном и китайскоязычном коммуникативном пространстве Интернета // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 9. no 4. 2018. С. 911—925. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-911-925

20. *Войскунский А.Е.* Мотивация хакеров: психосемантическое исследование // *Психологический журнал.* 2003. no. 24(1). С. 104—118.

References

1. Allinne, F. (1999). *Les faux amis de l'anglais.* Paris: Belin. (In French).
2. Nelyubova, N.Yu. (2019). Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking Countries, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (2), 323—335. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335. (In Russ.).
3. Cerquiglini, B. (2000). *Le français dans tous ses états.* Paris: Flammarion. (In French).
4. Aubrée, M. (2004). *Parlons français.* Paris: Glyphe. (In French).
5. Gilder A. (1996) *Et si l'on parlait Français?* Paris: Le Cherche Midi. (In French).
6. Actualités informatique et numérique au quotidien. URL: <https://www.nextinpact.com> (accessed: 15.05.2018). (In French).
7. Loi no 75-1349 du 31 décembre 1975 relative à l'emploi de la langue française. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000521788&dateTexte=19940804> (accessed: 15.02.2017). (In French).
8. Loi no 94-65 du 4 août 1994 relative à l'emploi de la langue française. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000005616341> (accessed: 21.03.2017). (In French).
9. Kuralesina, E.N. (2011). Legislative framework of modern French policy on the French language, *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 131, 186—190. (In Russ.).
10. Décret no 96-602 du 3 juillet relatif à l'enrichissement de la langue française. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000378502> (accessed: 15.02.2017). (In French).
11. Kruglyak, E.E. (2009). Semantic Anglicisms in Francophone Canadian Print Media, *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 9(2), 28—30. (In Russ.). (In French).
12. Shchitova, O.G. (2007). Patterns of semantic assimilation neiskonnyye of the middle Ob dialects vocabulary (on the material of Tomsk business documents of the XVIIIth century), *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7, 45—52. (In Russ.).
13. Kruglyak, E.E. (2006). Semantic changes in the conditions of language contact (based on the socio-political vocabulary of the French language) [dissertation]. Saratov. (In Russ.).
14. Dyakov, I.A. (2012). Anglicisms: borrowing or word formation. *Filologicheskie nauki voprosy teorii i praktiki*, 5 (6), 72—76. (In Russ.).
15. French forum ForumFr. URL: <https://www.forumfr.com> (accessed: 12.01.2017). (In French).
16. Larousse: encyclopédie and free online dictionaries. URL: <https://www.larousse.fr> (accessed: 12.04.2017). (In French).
17. Cambridge Dictionary Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (accessed: 12.04.2019).
18. Potebnya, A.A. (1981). History of the Russian language. The lectures given in 1882/3 academic year at the University of Kharkov (Publikatsiya S. F. Samoilenko) In *Potaninskiy reading.* Kiev: Naukova dumka. pp. 119—168. (in Russ.).
19. Denisenko, V.N. & Zhang, Ke (2018). Computer and network word in the Russian-language and Chinese-language communicative Internet space, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(4), 911—925. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-911-925. (In Russ.).
20. Voiskunsky, A.E., Petrenko, V.F. & Smyslova, O.V. (2003). Hackers' motivation: psycho-semantic research, *Psychological Journal*, 24(1), 104—118 (In Russ.).

Сведения об авторах:

Лунькова Лариса Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания факультета иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета; *научные интересы*: теоретическое и прикладное языкознание, анализ текста и дискурса; *e-mail*: lora@list.ru

Букина Лилия Михайловна, старший преподаватель кафедры германо-романских языков и методики их преподавания факультета иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета; *научные интересы*: анализ текста и дискурса, интерпретация текста; *e-mail*: lilehka1985@gmail.com

Information about the authors:

Lunkova Larisa Nikolaevna, Dr. habilis, Professor of Germanic-romance languages and methods of their teaching Department, Faculty of Foreign Languages State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region State University of Humanities and Social Studies; *scientific research*: theoretical and applied linguistics, text and discourse analysis; *e-mail*: lora@list.ru

Bukina Liliya Mikhailovna, Senior lecturer at the Department of Germanic-romance languages and methods of their teaching, Faculty of Foreign Languages State Educational Institution of Higher Education of Moscow Region State University of Humanities and Social Studies; *scientific research*: text and discourse analysis, text interpretation; *e-mail*: lilehka1985@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-102-119
УДК 811.161.1'37

Научная статья / Research article

Функционирование парных именованных в современном русском языке

М.Вас. Пименова², У Ляньлянь³

^{1,2} Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
ул. Горького, 87, Владимир, Российская Федерация, 600000
¹pimenova-vgpu@yandex.ru; ²natasha0086007@mail.ru

Статья посвящена функционированию в современном русском языке **парных именованных** — недостаточно изученных устойчивых сочетаний типа *небо и земля, печки-лавочки, хлеб-соль, ни ответа ни привета*. Данные единицы выражают единое, нерасчлененное значение, состоят из двух соединенных сочинительной связью компонентов, принадлежащих к одной части речи (чаще всего в парных именованных объединены существительные, хотя встречаются также наречия, глаголы, прилагательные, местоимения, числительные, междометия, онома-топы, предлоги и частицы). Структурно-семантическая модель, по которой построены парные именованные, восходит к древнерусскому периоду развития языка, однако продолжает использоваться в XX—XXI вв. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей семантики и структуры парных именованных на материале ресурса «Национальный корпус русского языка». Кроме того, представлена их частотность в газетной и устной речи, в параллельных текстах и поэтическом дискурсе, а также в акцентологических и обучающих материалах.

Ключевые слова: парное именование, современный русский язык, семантика, структура, частотность

История статьи:

Дата поступления: 15.11.2019

Дата приема в печать: 15.12.2019

Для цитирования:

Пименова М.Вас., У Ляньлянь Функционирование парных именованных в современном русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 1. С. 102—119. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-102-119

© Пименова М. Вас, У Ляньлянь, 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDK 811.161.1'37

Functioning of Paired Naming in the Modern Russian Language

Marina Vas. Pimenova¹, Wu Lianlian²

^{1,2}Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich
and Nikolay Grigoryevich Stoletov
87, Gorky street, Vladimir, Russia, 600000

The article is devoted to the functioning of paired names in modern Russian language – insufficiently studied stable combinations such as *небо и земля, печки-лавочки, хлеб-соль, ни ответа ни привета*. These units express a single, undifferentiated meaning, consist of two components connected by a compositional connection that belong to one part of speech (most often in paired names are nouns combinations, although there are also adverbs, verbs, adjectives, pronouns, numerals, interjections, onomatopoes, prepositions and particles). Structural-semantic model, which is built on paired naming dates back to the ancient period of the language, however, continues to be used in XX—XXI centuries. The purpose of this article is consideration of features of the semantics and structure of the paired naming by the material from the resource "National corpus of the Russian language". In addition, their frequency is presented in newspaper and oral speech, in parallel texts and poetic discourse, as well as in accentological and educational materials.

Key words: paired naming, the modern Russian language, semantics, structure, frequency

Article history:

Received: 15.11.2019

Accepted: 15.12.2019

For citation:

Pimenova, M.Vas. & Wu, Lianlian (2020). Functioning of Paired Naming in the Modern Russian language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 102—119. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-102-119

Введение

В современном русском языке довольно частотны такие устойчивые сочетания, как *отец и мать, бабушки-дедушки, дочери-сыночки, жизнь и смерть, песни-пляски, плоть и кровь, польза-выгода, руки-ноги, совет да любовь, ум-разум, с бухты-баряхты, вперёд-назад, кожа да кости, кошки-мышки, щипцы-щипцы, любо-дорого, шито-крыто, чашки-ложки, ни конца ни краю, ни дна ни покрывки* и т.д. Подобные лексико-семантические единицы имеют давнюю историю, восходя к древнерусским памятникам XI—XII вв., что продемонстрировано в работах М.В. Артамоновой [1]. Исследователи обращались к их изучению **в диахронии** под различными терминами-дефинициями: *соединение однородных по значению слов* (Ф. Миклошич [2]); *двойственность субстанции* — «двое в одно» (А.А. Потебня [3]); *синонимические пары с союзами «и», «да»* (А.П. Евгеньева [4]); *синонимические дубликеты библейского происхождения* (Д.С. Лихачев [5; 6], Д.В. Дмитриев [7]); *гендиадис* (И.П. Смирнов [8; 9; 10]; М.И. Лекомцева [11]); *парные именованья* (Л.С. Ковтун [12], В.В. Колесов [13; 14; 15; 16; 17; 18]; Л.П. Клименко [19; 20]; О.Ф. Жолобов [21; 22]; М.Вас. Пименова [23], М.В. Артамонова [1]); *парные соединения близкозначных*

слов (А.В. Алексеев [24]); *формулы-синтагмы, репрезентирующие отношения синонимического характера* (С.А. Аверина [25; 26]); *«сдвоенные» формулы* (О.П. Лопутько [27; 28]); *бинарные формулы-матрицы* (Ф.Н. Двинягин [29]) и т.д. Подобные устойчивые сочетания древнего текста воспринимаются рядом исследователей как «прием выразительности» [9. С. 71], как средства «украшения» в стилистической, или «художественной», функции, которые «вплетаются» «... в повествовательную ткань летописи» [30. С. 19].

Вслед за рядом ученых мы используем термин **парное именование**, который акцентирует внимание на семантических особенностях связанных лексических единиц, реализующих нерасчлененное значение **парности**. Мы считаем, что данные единицы употребляются не в «украшающей», а в семантической функции, предполагающей, как отмечает В.В. Колесов, реализацию понятия собирательного смысла: «индивидуальное и коллективное», «частное и общее», «внутреннее и внешнее», «духовное и материальное», «суть и сущность» [14. С. 145, 166, 203—204] и др.

В архаичный период, отличающийся **синкретизмом** чувственного восприятия и абстрактной деятельности мышления, парные именования являлись базовыми единицами текста [18. С. 405—406]. Следует отметить, что они восходят к **двоичным противопоставлениям**, которые выделены Вяч.В. Ивановым и В.Н. Топоровым как «славянские языковые моделирующие системы» [31; 32. С. 259]. Эти синкретичные оппозиции включают в себя абстрактный образ-символ, оценочный компонент, а также конкретное значение качества и/или количества, посессивности, градуальности и т.п. [31. С. 63—64]. Например, бинарная пара *чѣт — нечѣт* указывает не только на количество, но и на противоположность жизни и смерти, хорошего и плохого, мужского и женского. Оппозиция *правый — левый* связана с представлениями об ориентации в пространстве, правильном и неправильном, положительном и отрицательном. Двоичное противопоставление *свет — тьма* (или *белый — черный*) отражает нерасчлененные представления о наличии-отсутствии световых колебаний, вертикальном размещении в связи с символами сакрального плана (*рай — ад*), хорошем и плохом, красивом и безобразном, веселом и грустном [31. С. 85—98, 138—140, 175—178; 32. С. 260—266].

Актуальность нашей работы предопределена тем, что **в синхронии** изучение парных именований как устойчивых лексико-семантических единиц не предпринималось. Нами по различным источникам (современным текстам художественной литературы, СМИ, словарям, Национальному корпусу русского языка) выявлено **более 400** парных именований. **Цель статьи** — рассмотреть особенности функционирования данных единиц в современном русском языке.

Парные именования и смежные явления

Следует отметить, что парные именования зачастую смешивают со смежными явлениями. Например, В.А. Виноградов примеры парных именований «... (франц. *voie* и *chemin* — синонимы, ср. рус. «пути-дороги»)» относит к закрепленной во фразеологических выражениях **тавтологии**, которой дает следующее определение: «(греч. *tautología*, от *tautó* — то же самое и *lógos* слово) —

содержательная избыточность высказывания, проявляющаяся в смысловом дублировании целого или его части <...> Т., в отличие от плеоназма, всегда принадлежность речи (узуса), не входит в систему и норму языка, она необязательна и свидетельствует обычно о недостаточной логической и языковой грамотности говорящего, допускающего Т. неосознанно (не как стилистический прием)» [ЛЭС. С. 501]. Ю.А. Бельчиков, как и В.А. Виноградов, считает тавтологией сочетание *пути-дороги*, а также — *океан-море, жили-были, ум-разум, видимо-невидимо, мать-и-мачеха*, полагая, что тавтология, или «...тождество, — специальное или непреднамеренное использование слов (или звуков) в речи, основанное на употреблении однокоренных слов ..., на повторении (лексической редупликации) уже выраженного смысла ..., на повторении звуков» [ЭРЯ. С. 553].

М.С. Михайлова это же устойчивое сочетание — *пути-дороги* — рассматривает как **приложение**, то есть «...вид согласования, при котором в роли определяемого и определяющего выступают существительные <...>. Существительные, связанные по принципу П., могут взаимно определять, уточнять значения друг друга: *друг-приятель, род-племя, путь-дорога, печаль-кручина, шум-гром*» [ЭРЯ. С. 378].

Л.И. Василевская единицы типа *жил-был, море-окиян, знаю-ведаю, журишь-бранить, дарить-жаловать, побиться-подражаться* характеризует как **плеоназм** «(от греч. *pleonasmós* — изобилие, излишество) — оборот речи, основанный на употреблении в словосочетании или предложении семантически близких, часто логически избыточных слов. П. иногда рассматривается как разновидность повтора» [ЭРЯ. С. 344].

На наш взгляд, представленные выше примеры относятся к **парным именованию** как к особому лексико-семантическому разряду устойчивых единиц, имеющему собственную семантику и структуру. В их значении, по нашему мнению, нет повтора, дублирования, избыточности, ошибочности (как в **плеоназме** или **тавтологии**) — данные единицы входят в систему (а не узус) языка, являясь нормой, а не ее нарушением. Кроме того, в их форме отсутствует **согласование** определяемого и определяющего (как в **приложении**), поскольку компоненты парных именовании соединены сочинительной, а не подчинительной связью (подробнее об отличиях парных именовании от смежных явлений см. [33]).

Семантические особенности парных именовании

Парные именовании от смежных явлений отличаются прежде всего тем, что в своей нерасчлененной семантике объединяют два сигнификата, указывая одновременно на две тесно связанные сущности и выражая синкретичное значение парности. Например: *отец и мать* — ‘родители’, *день и ночь* — ‘сутки’, *базар-вокзал* — ‘беспорядок, неразбериха’, *белый и пушистый* — ‘ирон. добрый, честный; непричастный’, *веселиться и радоваться* — ‘праздновать’, *любо-дорого* — ‘очень хорошо, превосходно’, *в хвост и в гриву* — ‘чрезмерно, на грани возможного’, *шито-крыто* — ‘в полной тайне’ и др.

Приведем контексты употребления парных именовании, выбранные из современной литературы и публицистики XX—XXI вв.: (1) «*Неужели тебе товарища не жалко! Подумай, в чем увидят своего сына его отец и мать*»

(О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней) [электронный ресурс URL: https://dom-knig.com/read_376933-14]; (2) «Недели через три старуха заболела. Возле неё **день и ночь** дежурили родственники и соседи» (Ф. Искандер. Слово) [электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=12655&p=1>]; (3) «Уволить не смогут, потому что я уже два дня как в официальном декрете, но с работы выгонят, за то, что я устроила из вверенного мне родильного зала **базар-вокзал** с элементами синематографа» (Т. Соломатина. Девять месяцев, или Комедия женских положений) [электронный ресурс URL: <https://unotices.com/book.php?id=91914&page=67>]; (4) «С точки зрения психологии эти заявления сродни традиционной для всех культур мелкой радости — “у соседа корова сдохла, а сам я **белый и пушистый**”» (Г. Ильичев. Известия. 2003.02.05) [электронный ресурс URL: <https://iz.ru/news/272657>]; (5) «Мне всегда было ужасно любопытно, о чем эти девчонки постоянно шушукуются и над чем они только смеются. Но теперь мне даже трудно понять, как это люди могут **веселиться и радоваться**, если у меня такое тяжёлое горе» (К. Чуковский. Серебряный герб) [электронный ресурс URL: https://www.bookol.ru/detskoe/detskaya_proza/122711/str51.htm]; (6) «Вот они стоят на сцене <...>. Хорошо стоят! **Любо-дорого** посмотреть. И мы никогда не будем покупать их фирменные кассеты и диски. Не потому, что жадные» (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия) [электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=96915&p=65>]; (7) «А уж какие испытания эти «ЗИЛы» проходили! Гоняли их **в хвост и в гриву** 50 тысяч километров!» (И. Лепин. Старые песни для главных. Столица. 1997.01.06) [электронный ресурс URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?sort=i_grtagging&lang]; (8) «Мать тоже поменяла паспорт. Всё было **шито-крыто**. Вот теперь-то мы и заживем беззаботно и счастливо!» (А. Рекемчук. Мамонты) [электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=232841&p=33>].

Виды синкретичного значения парности

Синкретичное значение парности в анализируемых единицах может быть нескольких видов. Во-первых, это может быть значение парности однородных («синонимичных») сущностей. Приведем примеры употребления подобных парных именованных в современном русском языке: (9) «Каждый вечер приходит Шурка в клуб, садится посреди залы на табурет, и **пошло-поехало**: пумба-на, пумба-на... Лётся из гармонии музыка, а Шурка потряхивает в такт головой и сильно давит левой рукой на басы» (Ю. Коваль. У Кривой сосны) [электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=60171&p=10>]; (10) «Не умеющие жить при долгом совместном **житьё-бытьё** начинают немного тяготить друг друга — как раз этим своим благородным неумением, которым втайне гордятся» (Ю. Трифионов. Обмен) [электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=183400&p=9>]; (11) «Будет там что-то ещё в автопроме или не будет, неизвестно. А нефть у нас уже есть, и она нас **худо-бедно** кормит» (М. Блант. Система ценностей и ценность системы. Еженедельный журнал. 2003.04.01) [электронный ресурс URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?sort=i_grtagging&startyear=1997&text].

Парное именование **пошло-поехало** в вышеприведенном контексте (9) выражает нерасчлененное значение ‘что-либо началось и продолжается все дальше и интенсивнее’. Наречия, образующие парное именование, имеют отличия в лексических значениях: *пошло* (от глагола *пойти*) указывает на движение без использования каких-либо средств передвижения (‘начать двигаться, переступая ногами’), а *поехало* (от глагола *поехать*) — на начало движения при помощи средств передвижения. Оба слова имеют общую сему: ‘начать движение’, которая в контексте преобразуется в переносное значение — ‘начать делать что-либо, начать осуществляться’ [Ожегов. С. 504]. Лексическая единица **жить-быть** в тексте (10) имеет нерасчленённую семантику ‘жизнь’ и ‘условия существования’, включающую в себя значения частных синонимов: *жить* — это ‘нахождение, проживание’, *быть* — ‘образ жизни’ [Ожегов. С. 62, 179—180]. Парное именование **худо-бедно** (11) указывает на значение ‘самое меньшее, никак не меньше’, которое создается путем идиоматического объединения слов *худо* — ‘зло, неприятность’ и *бедно* — ‘нареч. к бедный, неимущий’ [Ожегов. С. 39, 790].

Помимо приведенных выше парных именовании синонимичный тип отношений представлен также между компонентами следующих единиц: *вор-разбойник*, *вьюги-метели*, *заливается-хохочет*, *завертелось-закрутилось*, *мил-дорог*, *нежданно-негаданно*, *ни конца ни краю*, *ни то ни сё*, *обычай-порядки*, *польза-выгода*, *правда-истина*, *просить-молить*, *радость и веселье*, *смерд-дым*, *спать-почивать*, *справа и слева*, *убивается-плачет*, *худо-бедно*, *честь-хвала*, *швыркком-броском* и др.

Во-вторых, это может быть значение парности **разнородных («антонимичных») сущностей**. Так, парное именование **купля-продажа** в контексте выражает нерасчлененное значение ‘торговая сделка’, например: (12) «*Акционер собирался инвестировать в развитие завода, однако этого сделать не удалось, и в апреле 1995 года договор купли-продажи был из-за этого расторгнут*» (И. Штольц. Дело (Самара). 2002.07.02) [электронный ресурс URL: http://processing.ruscopora.ru/search.xml?sort=i_grtagging&startyear=1997&text]. Слово *купля* — это действие покупателей, ‘покупка, закупка чего-либо’; *продажа* — это действие продавцов [Ожегов. С. 287, 559]. Обе единицы описывают одну и ту же ситуацию, но только с точки зрения разных участников.

Слитное значение у парного именовании **экспорт-импорт** — ‘товарооборот’, например: (13) «*Если в 1998 году экспорт-импорт лома черных металлов в мире составил 105,9 млн т, то в 2000 году этот показатель повысился до 118,6 млн т*» (Б. Крятов. Устойчивый спрос. Металлы Евразии. 2003.09.01) [электронный ресурс URL: <http://old.eurasmet.ru/online/2003/5/int-review.php>]. **Экспорт** означает вывоз товаров из страны, а **импорт**, напротив, — это ввоз зарубежных товаров [Ожегов. С. 228, 832].

Парное именование **стар и млад** имеет синкретичную семантику — ‘без различия возраста’, которая идиоматично создается из значений ‘старые’ и ‘молодые’ [Ожегов. С. 702—703], например: (14) «*Страшно интересно. Стар и млад — все тут. Староста Кургузов прилип к окну*» (Г. Башкуев. Маленькая

война) [электронный ресурс URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?sort=i_grtagging&req].

Также можно встретить и такие «антонимичные» парные сочетания: *более или менее, вверх-вниз, взад-вперед, вперед-назад, вопросы-ответы, душа и тело, за и против, жизнь и смерть, направо-налево, небо и земля, отец и мать, плюс-минус, правдами и неправдами, прием-выдача, приход-расход, рано или поздно, твердость-мягкость, черное и белое* и др.

В-третьих, может быть представлено значение парности соположенных видовых сущностей – согипонимов, в большинстве случаев предполагающих обобщающее слово или гипероним. Парные именованья **гипонимического характера**: *братья-сестры* (дети), *гуси-лебеди* (птицы), *грибы-ягоды* (плоды), *имя-отчество* (полное имя человека), *каalinka-малинка* (народная песня), *молодо-зелено* (о неопытном человеке), *ножи-вилки* (приборы), *песни-пляски* (праздник/развлечения), *пить-есть* (угощаться), *поить-кормить* (обеспечивать), *чаши-плошки* (посуда) и др.

Приведем примеры: (15) «*Под слоем цветной фольги после перерыва наказы звучали всё короче, а песни-пляски всё громче*» (Р. Фаляхов. Газета. 2003.06.30) [электронный ресурс URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?nodia>]; (16) «*Летом — в речке купался, загорал, по грибы-ягоды ходил, зимой — на коньках катался, в лесу на лыжах бегал*» (М. Елизаров. Pasternak) [электронный ресурс URL: https://www.bookol.ru/proza-main/sovremennaya_proza/70632/str67.htm]; (17) «*...а без этого обязательного равновесия разлаживались его отношения и с неодушевленным миром — чаши-плошки то и дело выскальзывали из рук, каждый угол считал своим долгом оставить безобразный синяк на его ладном теле*» (О. Новикова. Мужской роман) [электронный ресурс URL: http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?sort=i_grtagging&req].

Многозначность парных именованний

Следует отметить, что большинство парных именованний в современном русском языке имеет одно значение, однако встречаются и случаи полисемии. Например, парное именованье *хлеб-соль* в современном русском языке может выступать в трех значениях. Первое — ‘традиционное народное название угощения (различных видов пищи и напитков)’: (18) «[Буйносов:] *Садитесь, дорогие сваты. Не побрезгуйте нашей хлебом-солью*» (А. Толстой. Пётр Первый). Второе значение — ‘пропитание; заботы, попечение’, например: (19) «— *Ну спасибо тебе, дочка, — заговорила бабка Прасковья плаксивым голосом, — уважила мать-старуху, отблагодарила за хлеб-соль!*» (Ю. Добряков. Кружева). Третье значение — ‘гостеприимство, благополучие, достаток’ — связано со старинным славянским обычаем, сохранившемся «...до наших дней, — подносить при торжественной встрече каравай хлеба и соль тому, кого встречают, в знак уважения к нему» [Молотков. С. 507]: (20) «*Слава богу, вижу, знакомый парень, сто раз ко мне заходил и хлеб-соль от меня принимал*» (Ф. Искандер. Сандро из Чегема) [электронный ресурс URL: https://dom-knig.com/read_254793-202].

Парное именованье *вдоль и поперёк* имеет два значения. Первое, прямое, значение — ‘повсюду, во всех направлениях, везде’: (21) «*Карету обыщи ты*

вдоль и поперек: потерян там *браслет*» (М. Лермонтов); (22) «*Инсаров был в Софии и Тырнове, всю Болгарию исходил **вдоль и поперек***» (И. Тургенев). Второе, переносное, значение — ‘до мельчайших подробностей, очень хорошо’: (23) «*Типы различных героев, сменявших друг друга в течение трех или четырех десятилетий, известны нам **вдоль и поперек***» (Д. Писарев); (24) «*Кошевой был умный и хитрый казак, знал **вдоль и поперек** запорожцев*» (Н. Гоголь) [Молотков. С. 57—58].

Парное именование *плоть и кровь* в русском языке может выступать как средство выражения двух значений: 1) ‘родной ребёнок’: (25) «*Последнее предложение рассердило тещу. – Я благородная вдова и не позволю, чтоб моя **плоть и кровь** сидела рядом с мужиком! Да и где это видано, чтоб дамы сидели на козлах?*» (А. Чехов); 2) ‘неотъемлемая часть’ [38. С. 324]: (26) «...*Такие понятия, как «долг», «обязанность», «надо», «жертва личным ради общественного», вошли в нашу **плоть и кровь** с детства — в годы войны каждый впитал их в себя на всю жизнь*» (Л. Яшин. Записки вратаря) [электронный ресурс URL: https://dom-knig.com/read_46902-12].

Парное именование *так и сяк* является многозначным и используется в текстах в трех значениях. Первое обобщенное значение — ‘по-разному, на разный манер, по-всякому’: (27) «*Тот взял его, повертел **так и сяк** и осторожно положил на землю*» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей) [электронный ресурс URL: https://dom-knig.com/read_99762-7]. Второе значение — ‘сносно, терпимо’: (28) «*У старинушки три сына, старший умный был детина, средний был **и так и сяк**, младший вовсе был дурак*» (А. Рыбаков. Тяжелый песок) [электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=37678&p=1>]. Третье значение — ‘угодничать, проявлять излишнее внимание’: (29) «*Конечно, дядя Филя хороший человек, но иногда бывает нечестный. Когда я ему нужен, **так он и так и сяк**, и Василием Ивановичем называет, и докурить даёт, а за глаза — смеётся*» (С. Антонов. По дороге идут машины) [Фёдоров].

Структурные особенности парных именовании

Анализ материала современного русского языка показывает, что структурно-семантические компоненты парных именовании могут быть соединены, во-первых, союзной связью при помощи *и*, *и ...и*, *да*, *или*, *ни...ни* (например: *хлеб и соль*, *конца и краю*, *жизнь и смерть*; *и смех и грех*, *и нашим и вашим*, *и так и сяк*; *чай да сахар*, *рожки да ножки*, *то да се*; более *или* менее, рано *или* поздно, тот *или* иной; *ни шатко ни валко*, *ни пава ни ворона*, *ни кола ни двора*, *ни сват ни брат*, *ни то ни сё*), во-вторых, бессоюзной связью (на письме — при помощи дефиса), например: *пить-есть*, *печки-лавочки*, *хлеб-соль*, *житьё-бытьё*, *гуси-лебеди*. В единичном случае наблюдается бессоюзная связь с повторением предлогов (*до поры до времени*).

Следует отметить, что в древнерусском языке, судя по работам М.В. Артамоновой, использовались следующие **четыре** структурные модели парных именовании: «существительное + существительное» (*аерь и воздухъ*, *братъ и сестра*, *власть и держава*, *врагъ и гонитель*, *место и жилище*, *семья и домъ*, *сынъ и*

дочь, царь и самодержец, церкви и обители), «прилагательное + прилагательное» (*безумный и несмысленный, вышний и нижний, небесный и земной, праведный и нечестивый, сильный и всемогущий, унылый и старый*), «глагол + глагол» (*вразумить и наставить, издеваться и поругаться, петь и молиться, радоваться и веселиться, славиться и величаться*), «наречие + наречие» (*ангельски и апостольски, дивно и хитро, лихо и добро, снмо и овамо, храбро и мужественно*) [1. С. 116—125].

В современном русском языке нами обнаружено **десять** моделей.

Самая продуктивная модель — это «**существительное + существительное**» (245 единиц). Например: *без руля и без ветрил, братья-сестры, вера и правда, вопросы-ответы, в огонь и в воду, в пух и в прах, в хвост и гриву, гог и магог, грибы-ягоды, женихи-невесты, жизнь и смерть, житьё-бытьё, и смех и грех, ни дна ни покрывки, ни коня ни воза, ни конца ни краю, ни ответа ни привета, ни пуха ни пера, ни рыба ни мясо, ни сват ни брат, плоть и кровь, песни-пляски, польза-выгода, печки-лавочки, руки-ноги, совет да любовь, ум-разум, хлеб да соль* и т.д. Как мы видим, в приведенных примерах начальная форма парных именованных представлена чаще всего **именительным падежом**, однако встречаются и немногочисленные случаи употребления существительных в косвенных падежах: а) **родительном падеже** без предлога (*ни дна ни покрывки, ни коня ни воза, ни конца ни краю, ни ответа ни привета, ни пуха ни пера, ни рыба ни мясо, ни сват ни брат*) и с **предлогом без** (*без руля и без ветрил*) или **до** (*до поры до времени*); б) **винительном падеже с предлогом в** (*в огонь и в воду, в пух и в прах, в хвост и гриву*).

Вторая модель представлена объединением единиц неизменяемой части речи: «**наречие + наречие**» (67 единиц). Например: *вдоль и поперёк, взад и вперёд, шито-крыто, неожиданно-негаданно, направо и налево, туда-сюда, там-сям, подбру-поздорову, любо-дорого, более или менее, вверх-вниз, дешёво и сердито, дорого-богато, и так и сяк, ни шатко ни валко, молодо-зелено, неожиданно-негаданно, ни туда ни сюда, шиворот-навыворот, худо-бедно* и т.п.

Третья по частотности модель — «**глагол + глагол**» (39 единиц). Лексемы данной части речи могут стоять в **инфинитиве** (*дневать и ночевать, пить-есть, поить-кормить, судить-рядить*), а также быть в формах **прошедшего** или **настоящего** времени (*жил-был, читал-писал, пошло-поехало, завертелось-закрутилось; ест-пьёт, ни шьёт ни порет*).

Четвертая модель — «**прилагательное + прилагательное**» (27 единиц) — включает в себя как единицы в **полной форме** (*белый и пушистый, бедный-несчастный, встречный и поперечный, живой-здоровый, целый и невредимый*), так и в **краткой** (*и стар и мал/млад, ни жив ни мёртв*).

Пятая модель — это «**местоимение + местоимение**» (15 единиц), среди которых **притяжательные** (*и нашим и вашим, твоя-моя*), **определительные** (*всем и каждому, всё и вся*), **указательные** (*такой-сякой, ни с того ни с сего, ни то ни сё, то да сё*).

Еще пять выявленных моделей представлены единичным количеством единиц: «**числительное + числительное**» (*ни два ни полтора, с пятого на де-*

сятое); «**междометие + междометие**» (*браво-брависсимо, ни тпру ни ну, увы и ах*); «**ономатоп + ономатоп**» (*ни бе ни ме, чих-пых*); «**предлог + предлог**» (*за и против, про и контра*); «**частица + частица**» (*и да и нет*).

Варьирование парных именовании

Проанализированные контексты показывают, что парные именовании могут подвергаться варьированию различных видов. Так, например, для реализации нерасчлененного значения ‘из одной стороны в другую’ используется парное именовании **взад-вперёд**, в котором первый структурно-семантический компонент может быть заменен наречием **назад**, а порядок расположения компонентов изменен на **вперёд-назад**: (30) «*Вы молча будете бродить **взад-вперёд** по комнатам, как по клетке? Никогда не поговорите со мною по-человечески?*» (Е. Шварц. Обыкновенное чудо); (31) «*Ученые считают, что рисунки были нанесены людьми в ритуальных целях. А вдоль линий местные жители регулярно ходили **вперёд-назад** во время молитв*» (В. Лаговский. Комсомольская правда. 2016.04.15) [электронный ресурс URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/26517/3534257>].

Парное именовании **и так и сяк**, выражающее нерасчлененное значение ‘по-разному, по-всякому’ (27), имеет лексический вариант **и так и этак**: (32) «*Я уж ему **и так и этак**: Альфред Семёныч, вы уж помягче... мальчик одарённый... ну, знаете как?... нервная система всё-таки*» (А. Волос. Недвижимость) [электронный ресурс URL: https://dom-knig.com/read_260116-30].

В парном именовании **ни жарко ни холодно** (‘все равно’), структурно-семантический компонент **жарко** может быть заменен наречием **тепло**: (33) «*Зарплата эта — одно название. На самом деле от ее повышения **ни жарко ни холодно**. До лета прошлого года в минимальных размерах оплаты труда — МРОТах — рассчитывались детские пособия, стипендии, налоговые льготы и штрафы. Потом это отменили*» (В. Сивкова. Аргументы и факты. 2001.01.03) [электронный ресурс URL: <https://aif.ru/archive/1624034>]; (34) «*Такого рода протест кажется мне мелкопоместным. Как ни желал бы я искренне запротестовать — от такого протеста никому **ни тепло ни холодно***» (Ф. Шаляпин. Моим детям) [электронный ресурс URL: https://dom-knig.com/read_401818-118].

Парное именовании **стар и млад** в значении ‘без различия возраста, все без разбора’ (14) может варьироваться на лексическом уровне – **стар и мал**, например: (35) «*И все, кто был в избах, **стар и мал**, высыпали на улицу*» (А. Мусатов. Большая весна) [электронный ресурс URL: https://dom-knig.com/read_255665-60].

В ряде случаев варьирование парных именовании происходит на формальном уровне: компоненты одной и то же единицы могут быть соединены разными типами связи в различных контекстах, например: *кожа да кости — кожа и кости; пух да перья — пух и перья; тары да бары — тары-бары; хлеб да соль — хлеб и соль — хлеб-соль; чай да сахар — чай и сахар — чай-сахар*.

Приведем примеры: **КОЖА ДА/И КОСТИ** (36): «*Чего мне стоило добиться, чтобы ей оставили отдельную палату! Лежит высохшая, **кожа да кости***»

(М. Шишкин. Письмовник) [электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=190258&p=201>]; (37) «*Боже, как она исхудала! Кожа и кости...*» (В. Михальский. Храм Согласия) [электронный ресурс URL: https://domknig.com/read_265638-19].

ХЛЕБ ДА/И/- СОЛЬ: «...Симыч пересек воображаемую линию границы, после чего две красные девицы <...> поднесли ему **хлеб да соль**. Симыч принял **хлеб-соль**, протянул девицам руку для поцелуя и, прищипорив коня, быстро удался по одной из боковых аллей» (В. Войнович. Москва 2042) [электронный ресурс URL: http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_av/voynov01.htm?9/46]; «*Наперекор сретенской стуже ребятишки кликали весну. Нам зима-то надоела, хлеб и соль поела, руки-ноги познобила, скотинушку поморила, и соломку подобрала, и мякину подмела!*» (П. Рожнова. Народный календарь. Наука и религия. 1992) [электронный ресурс URL: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env>]. См. также примеры (18), (19), (20).

ЧАЙ ДА/И САХАР: «*То есть, проще говоря, ты хочешь, чтоб тебе тут Изиды с Озирисом чай да сахар подавали. Так, что ли?*» (М. Палей. Long Distance, или Славянский акцент) [электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=135619&p=7>]; «*Казенные театры запрещали выступать своим артистам на чужих сценах. “Помилуйте, казенного жалованья не хватает на чай и сахар”, — приводили актеры слова Гоголя. И им позволяли выступать на благотворительных вечерах, чтобы наработать «на чай и сахар», но только не под своими фамилиями*» (В. Гиляровский. Люди театра) [электронный ресурс URL: <https://www.litmir.me/br/?b=110786&p=74>].

Частотность употребления парных именовании

Рассмотрим частотность употребления парных именовании на материале ресурса «Национальный корпус русского языка» (<http://www.ruscorpora.ru>), который включает в себя не только письменные тексты (художественные, публицистические, научные, религиозные и т.п.), но и записи устной речи. В корпус также входят диалектный и поэтический дискурс, параллельные тексты с русским языком (на английском, белорусском, болгарском, испанском, китайском, немецком, польском, украинском, французском и др.), материалы СМИ начала XXI века, а также синтаксический, акцентологический и обучающий подкорпусы.

Так, например, одно из парных именовании — *день и ночь* — в основном корпусе встречается в 1430 документах и имеет 2220 вхождений. В газетном корпусе найдено 349 документов, 371 вхождение.

Мы рассмотрели все выявленные парные именовании в шести основных подкорпусах: газетном, устном, параллельном, поэтическом, акцентологическом и обучающем.

Итоговые результаты отображены в Таблице 1 и Диаграмме 1.

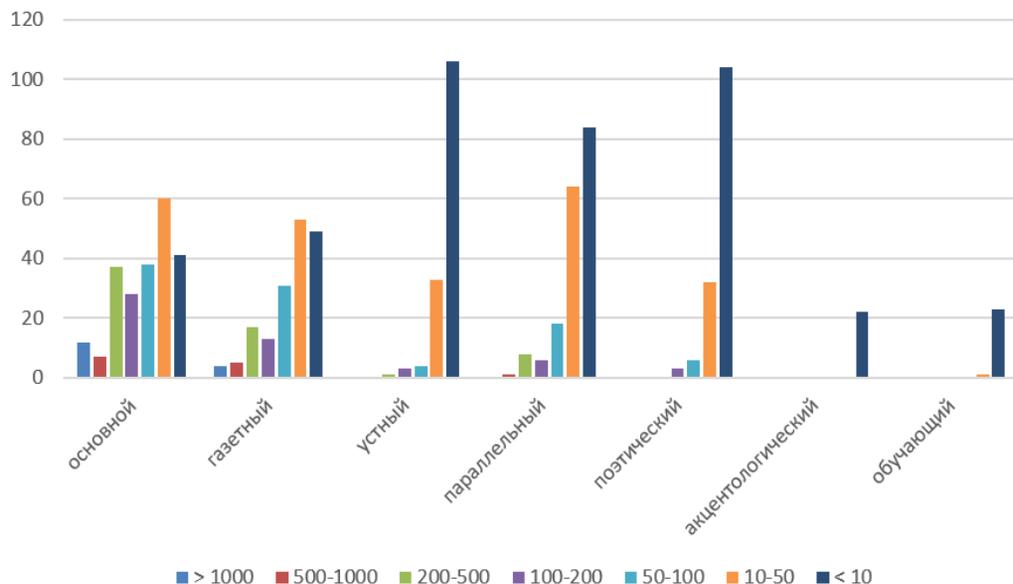
Таблица 1 / Table 1

Частотность по вхождениям /
The frequency by examples

	Основ.	Газет.	Устн.	Парал.	Позтич.	Акцет.	Обуч.
>1000	12	4	0	0	0	0	0
500–1000	7	5	0	1	0	0	0
200–500	37	17	1	8	0	0	0
100–200	28	13	3	6	3	0	0
50–100	38	31	4	18	6	0	0
10–50	60	53	33	64	32	0	1
<10	41	49	106	84	104	22	23

Диаграмма 1 / Diagram 1

Частотность по вхождениям /
The frequency by examples

Представленные таблица и диаграмма демонстрируют частотность фиксации парных именовании в разных подкорпусах. Мы видим, что более 1000 вхождений данных единиц имеется только в основном и газетном корпусах. Перечислим самые продуктивные парные именовании в порядке «убывания» их частотности (**основной корпус**): *более или менее* (8321), *рано или поздно* (4046), *то и другое* (3259), *взад и вперед* (2300), *ни с того ни с сего* (1814), *туда-сюда* (1759), *руки и ноги* (1444), *направо и налево* (1314), *тот или иной* (1114), *сплошь и рядом* (1066), *до поры до времени* (1063), *там и сям* (1032); (**газетный корпус**): *рано или поздно* (3844), *более или менее* (2023), *тот или иной* (1281), *то и другое* (1154).

В параллельном корпусе, корпусе устной речи, а также в корпусе поэтических текстов почти не найдено парных именованных частотностью больше 500 вхождений. Значительная часть парных именованных находится в диапазоне менее 50 вхождений. В акцентологическом и обучающем корпусах количество найденных вхождений парных именованных очень мало. При сравнении частотностей в пределах одного корпуса мы видим, что в основном и газетном корпусах частотности парных именованных находятся в диапазоне <500, тогда как в остальных корпусах — в диапазоне <50.

Результаты анализа частотностей встречаемости парных именованных по документам совпадают с результатами анализа по вхождениям. Полученные данные отображены в Таблице 2 и Диаграмме 2.

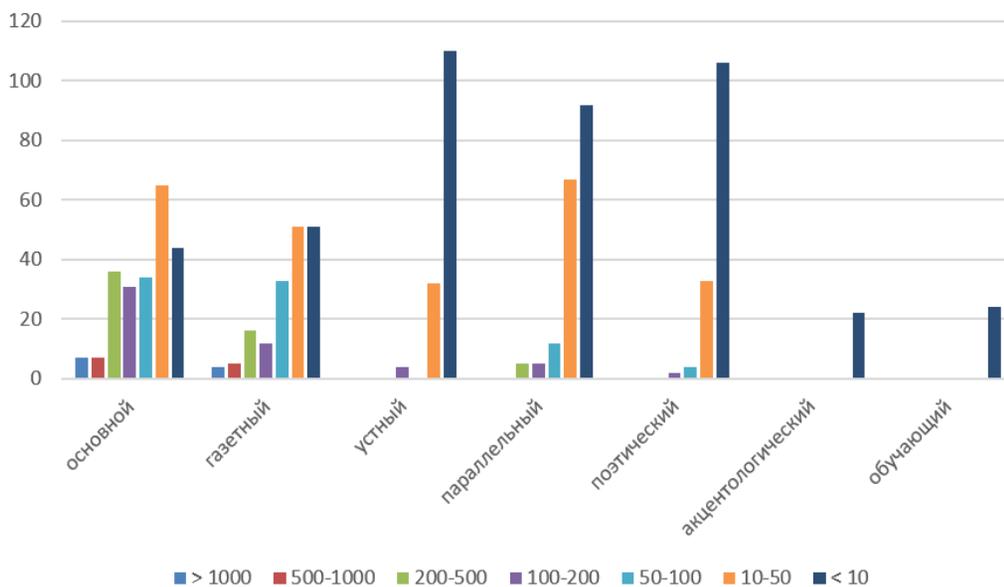
Таблица 2 / Table 2

Частотность по документам /
The frequency by documents

	Основ.	Газет.	Устн.	Парал.	Поэтич.	Акцент.	Обуч.
>1000	7	4	0	0	0	0	0
500–1000	7	5	0	0	0	0	0
200–500	36	16	0	5	0	0	0
100–200	31	12	4	5	2	0	0
50–100	34	33	0	12	4	0	0
10–50	65	51	32	67	33	0	0
< 10	44	51	110	92	106	22	24

Диаграмма 2 / Diagram 2

Частотность по документам /
The frequency by documents

Заключение

Таким образом, собранный и проанализированный нами языковой материал свидетельствует о том, что в современном русском языке продолжают функционировать восходящие к древнерусскому периоду особые лексико-семантические устойчивые единицы — **парные именованья**. Семантика данных единиц отличается от смежных лингвистических явлений (тавтологии, плеоназма и др.) отсутствием избыточности (ошибочности), а структура — наличием равноправных компонентов, связанных сочинительной, а не подчинительной связью (как в аппозитивных сочетаниях). Парные именованья, указывая одновременно на два сигнификата, выражают синкретичное значение парности трех видов: а) парность однородных («синонимичных») сущностей; б) парность разнородных («антонимических») сущностей; в) парность соположенных видовых сущностей — согипонимов. Большая часть парных именований имеет одно значение, однако встречаются и многозначные единицы. Структура парных именований представлена десятью моделями, среди которых не только исконные, объединяющие существительные, наречия, глаголы и прилагательные, но и современные, включающие в себя местоимения, числительные, междометия, ономатопы и предлоги. При функционировании парные именованья могут подвергаться как содержательному (лексическому) варьированию, так и формальному, связанному со средствами связи между компонентами (союзными и бессоюзными). Анализ употребительности парных именований, по данным национального корпуса русского языка, показал их частотность в текстах художественной литературы, СМИ и устной речи (всего более 80 тысяч контекстов).

Дальнейшее изучение парных именований в синхронии и диахронии позволит выявить не только основные закономерности развития архаичных устойчивых единиц, но и процессы, характерные для эволюции системы русского языка в целом.

Библиографический список

1. *Артамонова М.В.* Парные именованья в древнерусском тексте. Владимир: ВГГУ, 2009.
2. *Миклошич Ф.* Изобразительные средства славянского эпоса. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1895.
3. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М.: Учпедгиз, 1968.
4. *Евгеньева А.П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XIX вв. М.; Л. Изд-во АН СССР. Ленингр. отделение, 1963.
5. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.
6. *Лихачев Д.С.* Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986.
7. *Дмитриев Д.В.* Синонимические дублеты библейского происхождения в древнерусской письменности // *Динамика русского слова: Межвуз. сб. к 60-летию проф. В.В. Колесова.* СПб.: СПбГУ, 1994. С. 43—50.
8. *Смирнов И.П.* Эпическая метонимия // *ТОДРЛ.* Т. 33. Л.: Наука, 1979. С. 175—203.
9. *Смирнов И.П.* О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории // *Wiener Slawistischer Almanach.* Т. 28. Wien, 1991.
10. *Смирнов И.П.* Мегаистория: к исторической типологии культуры. М.: Аграф, 2000.
11. *Лекомцева М.И.* Семантика некоторых риторических фигур, основанных на тавтологии (на материале «Похвального слова Кириллу-философу» Климента Охридского) // *Структура текста.* М.: Наука, 1980. С. 184—197.

12. Ковтун Л.С., Колесов В.В. Новый труд о древних теориях искусства слова на Руси // ТОДРЛ. Т. XXXVII. Л.: Наука, 1983. С. 391—401.
13. Колесов В.В. Синонимия как разрушение многозначности слова в древнерусском языке // Вопросы языкознания. 1985. по 2. С. 80—87.
14. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: ЛГУ, 1989.
15. Колесов В.В. Принцип парного соединения близкочужбных слов в древнерусских литературных текстах // Исследования по истории и диалектологии русского языка: Межвуз. сб. Алма-Ата: КазПИ, 1990. С. 3—11.
16. Колесов В.В. Словообразование как динамический принцип реорганизации текста // Словообразование. Стилистика. Текст. Номинативные средства в текстах разных функциональных стилей: Межвуз. сб. Казань: КГУ, 1990. С. 69—83.
17. Колесов В.В. Семантический синкретизм как категория языка // Вестник ЛГУ. 1991. Вып. 2. по 9. С. 40—49.
18. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002.
19. Клименко Л.П. Имя существительное и глагол как компоненты семантической структуры текста // Взаимодействие слова и контекста в истории древнерусской и русской письменной речи: Межвуз. сб. Н. Новгород: ННГУ, 1990. С. 15—27.
20. Клименко Л.П. Тематическая организация парных сочетаний в Псалтири // Чтения, посвященные дням славянской письменности и литературы: материалы регион. науч. конф. Чебоксары: ЧГУ, 2000. С. 67—81.
21. Жолобов О.Ф. Двойственное число и отношения двоичности в древнерусском тексте (на материале сказания о Борисе и Глебе) // Русский язык донационального периода: Межвуз. сб. СПб.: СПбГУ, 1993. С. 88—96.
22. Жолобов О.Ф. Заметки о сакральном типе номинации // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск: ПГУ, 1998. С. 78—83.
23. Пименова М.Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.; Владимир: СПбГУ; ВГПУ, 2007.
24. Алексеев А.В. История слов со значением 'подавленное состояние духа' в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
25. Аверина С.А. Человеколюбие и милосердие (сложное слово в агиографическом тексте) // Динамика русского слова: Межвуз. сб. к 60-летию проф. В.В. Колесова. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 55—62.
26. Аверина С.А. О принципах организации агиографического текста // Язык и текст: Межвуз. сб. памяти проф. М.А. Соколовой. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 40—49.
27. Лопутько О.П. О природе устойчивых формул древнерусской письменности // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 10. М.: Наследие, 2000. С. 80—88.
28. Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X — XV вв.). Новосибирск: НГПУ, 2001.
29. Двинятин Ф.Н. «Нити мезгиревых тенет» и исследование В.В. Колесова по структуре древнерусского текста // Динамика русского слова: Межвуз. сб. к 60-летию проф. В.В. Колесова. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 89—94.
30. Ломов А.Г. Устойчивые словесные комплексы древнейших русских летописей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1969.
31. Иванов Вяч.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы: Древний период. М.: Наука, 1965.
32. Иванов Вяч.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текста. М.: Наука, 1974.
33. У Ляньлянь Парные именованья и смежные явления в современном русском языке // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2016. по 5. С. 145—157. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-145-157.

Источники и словари

- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Ожегов — Ожегов С.И. Словарь русского языка. 12-е изд., стер. М.: Русский язык, 1978.
- Молотков — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стер. М.: Русский язык, 1987.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new>.
- Федоров — Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Фёдоров. М.: Астрель, АСТ, 2008. URL: <http://dic.academic.ru>.
- ЭРЯ — Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дрофа, 1997.

References

1. Artamonova, M.V. (2009). *Paired naming in the Old Russian text*. Vladimir: Vladimir State University for the Humanities. (In Russ.).
2. Mikloshich, F. (1895). *Fine arts of the Slavic epic*. Moscow: Type. E. Lissner and J. Roman. (In Russ.).
3. Potebnya, A.A. (1968). *From notes on Russian grammar*. Vol. 3. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
4. Evgenieva, A.P. (1963). *Essays on the language of Russian oral poetry in the records of the XVII—XIX centuries*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Leningrad. Department. (In Russ.).
5. Likhachev, D.S. (1979). *Poetics of ancient Russian literature*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Likhachev, D.S. (1986). *Studies on Old Russian literature*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
7. Dmitriev, D.V. (1994). Synonymous doublets of biblical origin in Old Russian writing In *Dynamics of the Russian word: Interuniversity collection to the 60th anniversary of prof. V.V. Kolesova*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 43—50. (In Russ.).
8. Smirnov, I.P. (1979). Epic metonymy In *TODRL*. Vol. 33. Leningrad: Nauka. pp. 175—203. (In Russ.).
9. Smirnov, I.P. (1991). About Old Russian Culture, Russian National Specifics and the Logic of History In *Wiener Slawistischer Almanach*. Vol. 28. Wien. (In Russ.).
10. Smirnov, I.P. (2000). *Megahistory: Towards a Historical Typology of Culture*. Moscow: Agraf. (In Russ.).
11. Lekomtseva, M.I. (1980). The semantics of some rhetorical figures based on tautology (based on the material “The Commendable Word to Cyril the Philosopher” by Clement Ohridsky) In *Text structure*. Moscow: Nauka. pp. 184—197. (In Russ.).
12. Kovtun L.S., Kolesov V.V. (1983). A new work on the ancient theories of word art in Russia In *TODRL*. Vol. XXXVII. Leningrad: Nauka. pp. 391—401. (In Russ.).
13. Kolesov V.V. (1985). Synonymy as the destruction of the polysemy of a word in Old Russian, *Topics in the study of language*, 2, 80—87. (In Russ.).
14. Kolesov V.V. (1989). *Old Russian literary language*. Leningrad: Leningrad State University. (In Russ.).
15. Kolesov V.V. (1990). The principle of pairing close-meaning words in Old Russian literary texts In *Studies on the history and dialectology of the Russian language: Interuniversity collection*. Alma-Ata: Kazakh National Pedagogical University. pp. 3—11. (In Russ.).
16. Kolesov, V.V. (1990). Word formation as a dynamic principle of text reorganization In *Word formation. The style. Text. Nominative means in texts of different functional styles: Interuniversity collection*. Kazan: KSU. pp. 69—83. (In Russ.).
17. Kolesov, V.V. (1991). Semantic syncretism as a category of language // *Bulletin of Leningrad State University*. Vol. 2. no 9. pp. 40—49. (In Russ.).
18. Kolesov, V.V. (2002). *Philosophy of the Russian word*. Saint Petersburg: Yuna. (In Russ.).

19. Klimenko, L.P. (1990). Noun and verb as components of the semantic structure of the text In *Interaction of the word and context in the history of Old Russian and Russian written language: Interuniversity collection*. Nizhni. Novgorod: Nizhni Novgorod State University. pp. 15—27. (In Russ.).
20. Klimenko, L.P. (2000). Thematic organization of paired combinations in the Psalms In *Readings on the days of Slavic writing and literature: materials of the region. scientific conf.* Choboksary: ChSU. pp. 67—81. (In Russ.).
21. Zholobov, O.F. (1993). Duality and duality relations in the Old Russian text (based on the tales of Boris and Gleb) In *Russian language of the pre-national period: Interuniversity collection*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 88—96. (In Russ.).
22. Zholobov, O.F. (1998). Notes on the sacred type of nomination In *Historical stylistics of the Russian language*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 78—83. (In Russ.).
23. Pimenova, M.Vas. (2007). *Decorate with beauty: an expression of aesthetic appreciation in the Old Russian text*. SPb.; Vladimir: Saint Petersburg State University; Vladimir State Pedagogical University. (In Russ.).
24. Alekseev, A.V. (1999). *History of words with the meaning 'depressed state of mind' in Russian* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
25. Averina, S.A. (1994). Humanity and mercy (a compound word in an hagiographic text) In *Dynamics of the Russian word: Interuniversity collection to the 60th anniversary of prof. V.V. Kolesova*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 55—62. (In Russ.).
26. Averina, S.A. (1998). On the principles of the organization of hagiographic text In *Language and Text: Interuniversity collection memory prof. M.A. Falcon*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 40—49. (In Russ.).
27. Loputko, O.P. (2000). About the nature of stable formulas of Old Russian writing In *Hermeneutics of Old Russian literature*. Vol. 10. Moscow: Heritage. pp. 80—88. (In Russ.).
28. Loputko, O.P. (2001). *A stable formula in the history of the Russian literary language (X—XV centuries)*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russ.).
29. Dvinyatin, F.N. (1994). "Threads mezhgirevyh tenet" and the study of V.V. Kolesov on the structure of the Old Russian text In *Dynamics of the Russian word: Interuniversity collection to the 60th anniversary of prof. V.V. Kolesova*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. pp. 89—94. (In Russ.).
30. Lomov, A.G. (1969). Stable verbal complexes of the most ancient Russian chronicles [dissertation]. Samarkand. (In Russ.).
31. Ivanov, Vyach.V. & Toporov, V.N. (1965). *Slavic language modeling systems: Ancient period*. Moscow: Science. (In Russ.).
32. Ivanov, Vyach.V. & Toporov, V.N. (1974). Research in the field of Slavic antiquities: Lexical and phraseological questions of text reconstruction. Moscow: Nauka. (In Russ.).
33. Wu Lianlian (2016). Paired naming and related phenomena in the modern Russian language // *Bulletin of Moscow State Regional University*. Series "Russian Philology". N 5. S.145-157. DOI: 10.18384 / 2310-7278-2016-5-145-157. (In Russ.).

Sources and dictionaries

LED (1990) — Linguistic Encyclopedic Dictionary, V.N. Yartseva (Ch. ed.). Moscow: Soviet Encyclopedia.

Ozhegov (1978) — Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow: Russian language.

Molotkov (1987) — Phraseological Dictionary of the Russian Language, A.I. Molotkov (Ed.). Moscow: Russian language.

NCORL — National Corps of the Russian Language. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new>.

Fedorov (2008) — Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language, A.I. Fedorov (Ed.). Moscow: Astrel, AST. URL: <http://dic.academic.ru> (accessed: 25.12.2019).

RL (1997). — Russian language: Encyclopedia, Yu.N. Karaulov (Ch. ed.). Moscow: Bustard.

Сведения об авторах:

Пименова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; *научные интересы*: лексикология, семантика, теория текста, история языка, герменевтика; *e-mail*: pimenpva-vgpu@yandex.ru

У Ляньлянь, аспирант кафедры русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; *научные интересы*: лексикология и семантика русского языка; *e-mail*: natasha0086007@mail.ru

Information about the authors:

Marina Vas. Pimenova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian language Department of the Pedagogical Institute of Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov; *Interests*: lexicology, semantics, text theory, language history, hermeneutics; *e-mail*: pimenpva-vgpu@yandex.ru

Wu Lianlian, PhD student of the Russian language Department of the Pedagogical Institute of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletov; *Interests*: lexicology and semantics in the Russian language; *e-mail*: natasha0086007@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-120-134
UDK: 81'276.6:62

Research article / Научная статья

A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles

Yulia A. Filyasova

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics
Lermontovskiy prospect, 44A, Saint-Petersburg, Russia 190103

Research article titles constitute a special type of text — concise, clear, and informative. The specificity of article titles is determined by a number of factors such as the object of research, the author's personal style, academic tradition, the field of study among them. Today, article titles from different scientific areas are in the focus of scientific attention. This article presents the results of a linguistic analysis aimed at determining similarities and differences of research article titles from journals on petroleum science. The theoretical value has the descriptive analysis of technical article titles which can further be compared with titles from other areas of research. According to the obtained results, the titles were 15 words on average. The overwhelming majority (98%) of the titles had a nominative character; 2% were subject-predicate sentences, mainly, interrogative. Words were seven characters long, on average. Nouns, function words and adjectives were the most frequently occurred word classes; on the contrary, numerals, adverbs and verbs — the least frequent words. The most common punctuation marks were hyphens, commas, and colons, indicating the complexity of technical terms, enumeration and elaboration of the object of research and geography of petroleum sites. Names of petroleum reservoirs, formations and basins with their location specification, multisyllabic professional terms and abbreviations, constituting 30% of the article titles' lengths on the average, can be considered special features of article titles on petroleum science. For this reason, a long title is typical of petroleum-related research articles. Additionally, more articles were devoted to richer petroleum reserves.

Key words: article titles, number of words in article titles, punctuation marks, technical terms, petroleum, quantitative analysis, title length. linguistic analysis

Article history:

Received: 01.012.2019

Accepted: 15.12.2019

For citation:

Filyasova Yu.A. (2020). A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 120—134. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-120-134.

© Филясова Ю.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК: 81'276.6:62

Лингвистический анализ английских названий научных статей по нефтегазовой тематике

Ю.А. Филясова

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Лермонтовский проспект, 44А, г. Санкт-Петербург, Россия, 190103

Названия научных статей представляют собой особый вид текста — краткий, понятный и информативный. Особенность заголовков статей определяется несколькими факторами, такими как объект исследования, персональный стиль автора, академическая традиция, а также область исследования. Сегодня заголовки статей из разных областей знаний находятся в фокусе внимания исследователей. В данной статье представлены результаты лингвистического анализа, нацеленного на определение сходств и различий названий научных статей из журналов по нефтегазовой тематике. Теоретическая значимость заключается в дескриптивном анализе названий технических статей, которые в дальнейшем могут быть сопоставлены с заголовками статей из других областей науки. Согласно полученным данным, длина названий составляет, в среднем, 15 слов. Подавляющее большинство (98%) названий носит номинативный характер; 2% имеют субъектно-предикатную структуру, будучи в основном, вопросительными. Средняя длина слов — около 7 символов. Существительные, служебные слова и прилагательные стали наиболее частотными частями речи; напротив, числительные, наречия и глаголы — наименее частотными. Самыми распространенными пунктуационными знаками оказались дефис, запятая и двоеточие, указывающие на сложность технических терминов, перечисление и разъяснение объектов исследования, и географическое положение нефтяных месторождений. Названия нефтяных коллекторов, формаций и бассейнов, их местоположение, многосложные профессиональные термины и аббревиатуры, в среднем составляющие 30% от длины названий статей, могут рассматриваться в качестве особенностей заголовков статей по нефтегазовой тематике. По этой причине, названия таких статей, как правило, объемны. Кроме того, большее количество статей посвящено более крупным нефтегазовым месторождениям.

Ключевые слова: названия статей, длина заголовка статьи, лингвистический анализ, пунктуационные знаки, технические термины, нефть, количественный анализ

История статьи:

Дата поступления: 01.012.2019

Дата принятия в печать: 15.12.2019

Для цитирования:

Филясова Ю.А. Лингвистический анализ английских названий научных статей по нефтегазовой тематике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2020. Т 11. no 1. С. 120—134. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-120-134.

Introduction

Title is a means of efficiently communicating scientific findings to the broad community of scientists in a uniform manner. Titles of academic papers are of interest to researchers from the linguistic and interlinguistic points of view [1—5]. C. Fox and C. Burns state that titles of manuscripts became marginally longer, broader in focus (less frequent inclusion of genus and species names), and included more humor and

subtitles over the period of the study [6. P. 1970]. V. Soler notes that the full-sentence title construction appears as a generic peculiarity of research papers [7. P. 90].

Article titles are also in the focus of research from a practical viewpoint. A. Letchford, H. Moat, T. Preis provide evidence that journals which publish papers with shorter titles receive more citations per paper. These results are consistent with the intriguing hypothesis that papers with shorter titles may be easier to understand, and hence attract more citations [8; 9. P. 653]. Title length is sometimes related to the article quality [10].

The aim of this paper is formal linguistic analysis of English scientific article titles on petroleum science. The theoretical value has the descriptive analysis of technical article titles which can further be compared with titles from other areas of research.

Material

700 titles of research articles were analyzed from the following international journals, included in online platforms Elsevier, Wiley, Springer, EAGE (the European Association of Geoscientists and Engineers): 1) Journal of Petroleum Geology (the UK); 2) Petroleum Geoscience (the UK); 3) Journal of Unconventional Oil and Gas Resources (the UK); 4) Journal of Petroleum Science and Engineering (the Netherlands); 5) Marine and Petroleum Geology (the Netherlands); 6) Petroleum Exploration and Development (China); 7) Petroleum Science (China). For the convenience of study, the journals were abbreviated as follows: JPG, PG, JUOGR, JPSE, MPG, PED, PS, respectively [15—21]. 100 titles were continuously randomly selected from each journal, for the period of the recent five years 2013—2018.

Methodology

The selected article titles were analyzed in order to determine their characteristic features: a. the number of words per title; b. the number of characters per word and title; c. word classes of the constituent verbal content; d. punctuation marks; e. the number of geographical names per title, and their geographical scope. Statistical data — mean, maximum, minimum values, deviation (dev.), standard deviation (st.dev.) — were obtained with the help of Microsoft Excel 2007.

Results

Words per title. The average number of words per title varied in the range of 13—16, with the longest titles belonging to MPG and JPG (15 words). Maximum and minimum values demonstrated wider variation: the longest titles occurred in JUOGR (34 words) and MPG (33 words). The shortest titles were discovered in JUOGR (3 words) and JPG (4 words):

(1) *Characterization of fine-scale rock structure and differences in mechanical properties in tight oil reservoirs: An evaluation at the scale of elementary lithological components combining photographic and X-ray computed tomographic imaging, profile-permeability and microhardness testing* (JUOGR) — 34 words

(2) *Major factors affecting the closure of marine carbonate caprock and their quantitative evaluation: A case study of Ordovician rocks on the northern slope of the Tazhong uplift in the Tarim Basin, western China* (MPG) — 33 words

(3) *Composition and distribution of NSO compounds in two different shales at the early maturity stage characterized by negative ion electrospray ionization coupled with Fourier transform ion cyclotron resonance mass spectrometry (PS)* — 30 words

(4) *Multi-zone stimulation technology (JUOGR)* — 3 words

(5) *HYDROCARBON POTENTIAL IN JORDAN (JPG)* — 4 words

(6) *Experimental evaluation of fracture stabilizers (PED)* — 5 words

PG and JPG showed the lowest standard deviation values: 4.27 and 4.28, respectively, implying stability in the lengths of their titles, as opposed to MPG (5.92) and JUOGR (4.86). MPG and JOUGR also demonstrated the largest difference between maximum and minimum values: 31 and 26 words, respectively (Tb. 1).

Table 1 / Таблица 1

The length of article titles, in words / Длина заголовков статей, в словах

Journals, abbr.:	MPG	JPG	PS	PG	JUOGR	JPSE	PED	Aver.
Mean	16	16	15	15	14	13	13	15
Max	33	27	30	28	34	26	26	29
Min	7	4	7	7	3	6	5	6
Dev.	35.06	18.34	23.33	18.19	23.61	19.61	21.86	22.86
St. dev.	5.92	4.28	4.83	4.27	4.86	4.43	4.68	4.75
Max-Min	26	23	23	21	31	20	21	24

The titles were compared for statistically relevant difference in their length with the help of the Student’s t-test. Each sample set was compared to all other sets, for example, JPSE vs. PED, JPSE vs. JUOGR, JPSE vs. MPG, JPSE vs. PG, JPSE vs. JPG, JPSE vs. PS. The results are presented in Tb. 2, where cells in the bottom left remained blank, as the values, being paired, duplicate those in the upper right part of the table.

Table 2 / Таблица 2

The results of Student’s t-test / Результаты теста по критерию Стьюдента

Journals	PED	JPSE	JUOGR	MPG	PG	JPG	PS
PED	1	1.2 (irr)	1.3 (irr)	4.6 (r)	3.3 (r)	4.5 (r)	2.6 (amb)
JPSE		1	0.8 (irr)	4.2 (r)	2.8 (r)	4 (r)	2.1(amb)
JUOGR			1	3.4 (r)	1.9 (irr)	3 (r)	1.2 (irr)
MPG				1	1.9 (irr)	0.9 (irr)	2.3 (amb)
PG					1	1.2 (irr)	0.6 (irr)
JPG						1	1.7 (irr)
PS							1

$p \leq 0.05$, critical value $t = 1.97$; $p \leq 0.01$, critical value $t = 2.61$

(r) – statistically relevant results; (irr) — statistically irrelevant results; (amb) — ambiguous results

According to the obtained results, titles from MPG, PG and JPG tended to be consistently longer than those from PED, JPSE, and JUOGR (except for PG), as their differences occurred to be statistically relevant. These differences can be arguably explained by the subject areas of the journals: MPG, PG and JPG specialize in geology, exploration and prospecting, which implicate mentioning geographical names.

b. Characters per word and title. The average length of one word in article titles equaled 7 characters (letters) (Tb. 3). These results were gained as a result of dividing the number of symbols per title by the number of words per title. The lowest standard deviation was observed in PED (0.75), which implied consistency in the length of its words. JUOGR was characterized by the highest deviation (1.04). The only journal with 8 symbols per word was JPSE, which can be explained by the presence of a variety of multisyllabic technical, chemical terms.

Table 3 / Таблица 3

The length of article titles, in characters / Длина заголовков статей, в символах

Journals:	MPG	JPG	PS	PG	JUOGR	JPSE	PED	Aver.
Per title	120	115	107	109	102	101	94	107
Dev.	1637.54	1038.12	1004.84	961.65	1397.29	990.76	923.47	1136.24
St. dev.	40.47	32.22	31.7	31.01	37.38	31.48	30.39	33.52
Per word	7	7	7	7	7	8	7	7
Dev.	0.89	0.87	0.79	0.73	1.09	0.78	0.57	0.82
St. dev.	0.94	0.93	0.89	0.86	1.04	0.89	0.75	0.9

Polysyllabic words in JPSE can be divided into two broad categories: firstly, terms, related to petroleum engineering; secondly, to general scientific research:

(7) *annealing, hydrolyzed, nanoparticle, polyacrylamides, triethanolamine, fluorescence, imbibitions, naphthenic, radiofrequency, viscoelastic, fracability, metaheuristic, orthosilicate, rheological, volumetric, geochemical, phosphonate, spectrophotometry, wettability.*

(8) *accumulations, characterization, connectionist, evaluation, inhibition, recognition, application, contribution, experimental, methodology, redevelopment, breakthrough, decomposition, fundamentals, optimization, revitalizing, characteristics, determination, heterogeneity, parametric, stimulation.*

In addition, JPSE's titles were characterized by compound modifiers, consisting of 2-3 words, joined with a hyphen, which were counted as one word:

(9) *petro-physical, fracture-to-fracture, pseudo-three-dimensional, alkaline-based, oil-base-mud-filtrate, limited-entry, multi-cluster, highly-deviated, hexatriethanolamine, probe-type formation-tester, solvent-assisted, ammonium-containing, nanoparticle-surfactant-polymerover*

c. Word classes. Preliminary analysis showed that words in the article titles could be divided into the following classes: nouns, adjectives, gerunds, infinitives, verbs (V-s), numbers, abbreviations, and function words (FW) as a collective subgroup, which included articles, pronouns, prepositions, and conjunctions. The total number of words per 100 titles varied from 1300 (PED) to 1647 (MPG) (Tb. 4).

Table 4 / Таблица 4

Word classes in the article titles / Части речи в заголовках статей

PED	Nouns	FW	Adj.	Ger.	Abbr.	Inf.	Numb.	Adv.	V-s
Mean, per title	7	3	2	2	1	1	1	-	-
Dev.	6.78	3.16	1.42	0.68	0.06	-	-	-	-
St. dev.	2.6	1.78	1.19	0.83	0.24	-	-	-	-
Total Sum (1300)	670	342	220	45	19	2	2	-	-
Per cent	52%	26%	17%	3%	1%	0%	0%	-	-
JPSE	Nouns	FW	Adj.	Ger.	Abbr.	Inf.	Numb.	Adv.	V-s
Mean, per title	6	4	3	1	1	1	1	1	1
Dev.	5.82	3.56	2.38	0.42	0.24	0.11	-	0.00	-
St. dev.	2.41	1.89	1.54	0.65	0.49	0.33	-	0.00	-
Total Sum (1338)	641	360	233	71	19	10	1	2	1
Per cent	48%	27%	17%	5%	1%	1%	0%	0%	0%
JUOGR	Nouns	FW	Adj.	Ger.	Abbr.	Inf.	Numb.	Adv.	V-s
Mean, per title	7	4	3	1	1	1	1	1	2
Dev.	5.75	3.29	2.23	0.38	0.54	-	-	0.2	0.5
St. dev.	2.4	1.81	1.49	0.62	0.73	-	-	0.45	0.71
Total Sum (1404)	688	384	223	69	24	5	2	6	3
Per cent	49%	27%	16%	5%	2%	0%	0%	0%	0%
MPG	Nouns	FW	Adj.	Ger.	Abbr.	Inf.	Numb.	Adv.	V-s
Mean, per title	9	5	3	1	1	1	1	1	2
Dev.	11.77	4.72	2.25	0.28	0.29	-	0.33	-	-
St. dev.	3.43	2.17	1.5	0.53	0.54	-	0.58	-	-
Total Sum (1647)	853	464	253	46	23	1	4	1	2
Per cent	52%	28%	15%	3%	1%	0%	0%	0%	0%
PG	Nouns	FW	Adj.	Ger.	Abbr.	Inf.	Numb.	Adv.	V-s
Mean, per title	7	4	3	1	1	1	1	1	2
Dev.	7.34	3.6	2.56	0.33	0.00	0.00	0.17	0.00	0.25
St. dev.	2.71	1.9	1.6	0.57	0.00	0.00	0.41	0.00	0.5
Sum (1510)	701	444	254	60	27	7	7	3	7
Per cent	46%	29%	17%	4%	2%	0%	0%	0%	0%
JPG	Nouns	FW	Adj.	Ger.	Abbr.	Inf.	Numb.	Adv.	V-s
Mean, per title	8	4	3	1	1	1	1	1	1
Dev.	6.32	2.77	2.91	0.25	0.06	-	0.00	0.00	-
St. dev.	2.51	1.66	1.70	0.5	0.25	-	0.00	0.00	-
Sum (1581)	828	404	283	26	32	1	3	3	1
Per cent	52%	26%	18%	2%	2%	0%	0%	0%	0%
PS	Nouns	FW	Adj.	Ger.	Abbr.	Inf.	Numb.	Adv.	V-s
Mean, per title	7	4	3	1	1	1	1	1	2
Dev.	7.97	4.02	1.61	0.39	0.69	0.00	0.2	0.00	0.5
St. dev.	2.82	2.01	1.27	0.62	0.83	0.00	0.45	0.00	0.71
Sum (1474)	722	405	241	54	34	4	6	5	3
Per cent	49%	27%	16%	4%	2%	0%	0%	0%	0%

According to the gained results, nouns were the most numerous word class, exceeding FW by 1.8, on average; more specifically, by 1.6 (PG), 1.8 (JPSE, JUOGR, PS), 1.9 (MPG), 2 (JPG, PED). Overall, there were 6—9 nouns per title, 7 nouns, on average. Adjectives were less abundant than FW — averagely, by 1.6. The variation fell within the range 1.4 (JPG) — 1.9 (MPG). As an average value, there were 3 adjectives per title. Gerunds, present in 2—5% of titles, were more frequent than infinitives. Infinitives, numbers and verbs hardly exceeded 1% (Tb. 4). It should be mentioned here that the presence of verbs indicated titles in the form of complete ‘subject-predicate’ sentences:

(10) *Unconventional oil and gas resource development – Let’s do it right* (JUOGR)

(11) *Hybrid connectionist model determines CO₂-oil swelling factor* (PS)

(12) *Use of community mobile phone big location data to recognize unusual patterns close to a pipeline which may indicate unauthorized activities and possible risk of damage* (PS)

Abbreviations were observed in all journals (titles), comprising 1—2% of the total quantity of words. They included cardinal directions: *NW, SW, NE, SE*; and technical terms, e.g. *NMR* — nuclear magnetic resonance, *SVM* — support vector machine, *EOR* — enhanced oil recovery, *BHP* — bottom hole pressure, *THAI* — toe-to-heel air injection (a process for oil recovery and upgrading in situ in the reservoir), *SAGD* — steam assisted gravity drainage, *Al₂O₃* — aluminium oxide, *CO₂* — carbon dioxide, *VES* — viscoelastic surfactants, *TOC* — total organic carbon, *MinC(%)* — mineral carbon content parameter, *WAG* — water-alternating-gas, *Re-Os* — rhenium-osmium, *PMDA* — pyromellitic dianhydride, *PAN* — polyacrylonitrile, *PVA* — poly(vinyl alcohol), *USY* — ultrastable Y zeolite, *DME* — dimethyl ether, *TBAF* — tetra-*n*-butylammonium fluoride, *NSO* — nitrogen, sulfur and oxygen.

(13) *Simulation and analysis of wormhole propagation by VES acid in carbonate acidizing* (JPSE)

(14) *Evaluation of the EOR potential of gas and water injection in shale oil reservoirs* (JUOGR)

(15) *Fabrication of high-performance PVA/PAN composite pervaporation membranes crosslinked by PMDA for wastewater desalination* (PS)

d. Punctuation marks. Generally, 672 from 700, or 96%, article titles contained punctuation marks (Tb. 5). Some titles contained a few marks, e.g. a colon, two or three commas, and a dash. Others were free of punctuation marks at all:

(16) *THE LOWER CAMBRIAN NIUTITANG FORMATION AT YANGTIAO (GUIZHOU, SW CHINA): ORGANIC MATTER ENRICHMENT, SOURCE ROCK POTENTIAL, AND HYDROTHERMAL INFLUENCES* (JPG) — 19 words: bracket, commas, colon.

(17) *Composition and distribution of NSO compounds in two different shales at the early maturity stage characterized by negative ion electrospray ionization coupled with Fourier transform ion cyclotron resonance mass spectrometry* (PS) — 30 words: no punctuation marks.

The most numerous marks were hyphen, present in 37% per 100 titles, on average; followed by comma (25%) and colon (23%). Other punctuation marks were by

far less abundant: 5% and lower (Tb. 5). The titles with multiple punctuation marks belonged to JPG (153), MPG (120) and PG (101) — those journals which contained most of geographical names (see below).

Table 5 / Таблица 5

		The quantity of punctuation marks per 100 titles / Количество знаков пунктуации на 100 заголовков								
Journals:		JPG	MPG	PG	JUOGR	PS	JPSE	PED	Mean	Sum
1	Hyphen	35	39	40	37	34	39	34	37	258
2	Comma	66	32	20	13	15	6	24	25	176
3	Colon	36	36	32	16	16	13	10	23	159
4	Bracket	10	6	6	4	6	3	0	5	35
5	Dash	4	4	2	9	0	5	0	5	24
6	Slash	0	1	0	0	3	4	0	1	8
7	Inverted commas	2	1	0	0	0	0	2	1	2
8	Dot	0	0	0	1	0	1	0	0	5
9	Plus	0	0	0	1	2	0	0	0	3
10	Per cent	0	1	0	0	0	0	0	0	1
11	Semicolon	0	0	1	0	0	0	0	0	1
Total		153	120	101	81	76	71	70	96	672

Commas mainly served for delimiting geographical names; therefore the journals with the most numerous geographical places contained the highest number of commas. Brackets and commas could be mutually replaceable for specifying geographical locations:

(18) *Application of charging effects in evaluating storage space of tight reservoirs: A case study from Permian Lucaogou Formation in Jimusar sag, Junggar Basin, NW China* (PED)

(19) *Integrated analysis of geoelectric and surface geochemical data for exploration of subsurface hydrocarbon accumulations (Carpathian Foredeep, SE Poland)* (JPSE)

Colons in article titles were used for the introduction of purposes of research and geographical or engineering objects. Key words after the colon were as follows: a case, case study, study, analysis, investigation, an example, overview, insights, implications, opportunities, possibilities, challenges, constraints, limitations, modelling, method, approach, perspective, potential, procedure, application, core-sampling, understanding, determination, corrections, prediction, characterization, significance, impact, agenda, maps, workflow, problem formulation, evaluation, influence, oil accumulation, geochemistry, geochronology, biodegradation, evolution, feedstock, development, verification, interpretation, factors, effects, processes, prospects, systems, a template, model, status, interplay.

(20) *Quantitative estimation of petroleum prospect outcome probabilities: an overview of procedures* (MPG)

(21) *Gas production from a cold, stratigraphically-bounded gas hydrate deposit at the Mount Elbert Gas Hydrate Stratigraphic Test Well, Alaska North Slope: **Implications of uncertainties*** (MPG)

(22) *Examining fault architecture and strain distribution using geospatial and geomechanical modelling: **An example from the Qaidam basin, NE Tibet*** (MPG)

(23) *Major factors affecting the closure of marine carbonate caprock and their quantitative evaluation: **A case study of Ordovician rocks on the northern slope of the Tazhong uplift in the Tarim Basin, western China*** (MPG)

Colons and dashes were sometimes interchangeable for determining types of research in articles:

(24) *Synergistic effect of like and opposite charged nanoparticle and surfactant on foam stability and mobility in the absence and presence of hydrocarbon: A comparative study* (JPSE)

(25) *Reservoir prediction of deep-water turbidite sandstones with seismic lithofacies control — A case study in the C block of lower Congo basin* (MPG)

The presence of dots did not transform titles into complete subject-predicate sentences:

(26) *Organic bases, carbon dioxide and naphthenic acids interactions. Effect on the stability of petroleum crude oil in water emulsions* (JPSE)

Slashes denoted alternative or correlated technical terms:

(27) *A radiofrequency/microwave heating method for thermal heavy oil recovery based on a novel tight-shell conceptual design* (JPSE)

Hyphens fulfilled the functions of joining related concepts ('oil-gas'), compound modifiers ('micro-nano'), or syntactic merge ('above-source'). They sometimes showed a process of converting one substance into another ('oil-to-gas'):

(28) *Oil-gas exploration potential for above-source plays in Nanpu sag* (PED)

(29) *Potential application of functional micro-nano structures in petroleum* (PED)

(30) *THE EFFECTS OF HIGH PRESSURE ON OIL-TO-GAS CRACKING DURING LABORATORY SIMULATION EXPERIMENTS* (JPG)

Inverted commas served for introducing phrases of neological character:

(31) *The "fracture-controlled reserves" based stimulation technology for unconventional oil and gas reservoirs* (PED)

(32) *Estimated location of the seafloor sources of marine natural oil seeps from sea surface outbreaks: A new "source path procedure" applied to the northern Gulf of Mexico* (MPG)

e. Questions. Among 700 titles, only eleven of them (2%) from PG, JPG and MPG had the syntactic form of a question:

(33) *Why are there no Messinian evaporites in the Black Sea?* (PG)

(34) *ARE SHOAL RESERVOIRS DISCRETE BODIES? A COQUINA SHOAL OUTCROP ANALOGUE FROM THE MID TRIASSIC UPPER MUSCHELKALK, SW GERMANY* (JPG)

(35) *Lateral transfer: a source of additional overpressure?* (MPG)

f. Geographical names. The amount of lexical content, denoting geographical places, constituted about 30% of article titles, on average (Tb. 6). The longest average values were typical of JPG (39%), PED (37%) and MPG (33%).

Table 6 / Таблица 6

The length of geography-related words / Длина географических обозначений								
Journals, abbr.	MPG	JPG	PS	PG	JUOGR	JPSE	PED	Aver.
Mean	33%	39%	27%	27%	24%	26%	37%	30%
Max	64%	76%	71%	67%	50%	33%	80%	63%
Min	7%	6%	4%	7%	8%	21%	6%	8%
Dev.	0.02	0.03	0.04	0.01	0.02	0.002	0.04	0.02
St. dev.	0.14	0.16	0.2	0.12	0.13	0.045	0.21	0.14

The maximum values varied in the range from 33% (JPSE) to 80% (PED); the minimum values – from 4% (PS) to 21% (JPSE):

(36) *Overpressure reservoirs of the Huangliu Formation of the Dongfang area, Yinggehai Basin, South China Sea* (PED) – 80%, maximum

(37) *Study of the impacts of upstream natural gas market reform in China on infrastructure deployment and social welfare using an SVM-based rolling horizon stochastic game analysis* (PS) — 4%, minimum

There are petroleum reservoirs around the world, and there has been exponential growth in proved petroleum reserves over the last two decades, despite a prevailing opinion about near depletion of oil and gas deposits [11. P. 267]. However, the regional distribution of crude oil reserves is very uneven. About 62% of global reserves are in the Middle East, about 13% in North and South America, and about 10% in the Commonwealth of Independent States countries [12].

According to the obtained results, 327 from 700 titles, or 47%, contained geographical names (Tb. 7). The highest quantity of titles with geographical names belonged to JPG — 95%. Almost identical number 64% and 63% characterized two journals: MPG and PG, correspondently. The journal with the lowest quantity 7% occurred to be JPSE [13].

The overall data showed that the geographical places described in the samples of article titles embraced Asia, Europe, Middle East, Africa, North America, South America and Australia; in other words, almost all continents (Tb. 7). MPG and PG included article titles with the widest geographical scope (8 regions each). The fewest regions, only 2, were presented in PED.

Relative data, given in square brackets, testify that JPG mainly included geographical places from Middle East (25%), Africa (19%) and Europe (34%). Article titles, containing those from China and Europe, were the most numerous in MPG. Reservoirs from Africa (22%) and Europe (27%) made up the largest part of titles in PG. PED and PS's titles were mostly characterized by Chinese reserves — 98% and 67%, respectively. JUOGR contained 57% of American basins, and JPSE — American (29%) and Chinese (29%), equally.

Table 7 / Таблица 7

**Consolidated geographical scope of petroleum fields in article titles, % /
Сводные географические данные о нефтяных месторождениях в заголовках статей, %**

Journals:	JPG	MPG	PG	PED	PS	JUOGR	JPSE
% of geogr. names	95	64	63	41	29	28	7
Asia	14 [15]	4 [6]	10 [16]	-	5 [17]	8 [29]	-
China	-	26 [41]	-	40 [98]	18 [67]	-	2 [29]
Middle East	24 [25]	5 [8]	-	1 [2]	1 [3]	-	-
Africa	18 [19]	3 [5]	14 [22]	-	1 [3]	2 [7]	1 [14]
Europe	32 [34]	14 [22]	17 [27]	-	-	-	1 [14]
The UK	-	-	6 [10]	-	-	-	-
Nordic Region	-	-	10 [16]	-	2 [7]	-	-
North America	-	6 [9]	1 [2]	-	1 [3]	16 [57]	2 [29]
South America	5 [5]	2 [3]	4 [6]	-	1 [3]	-	-
Australia	2 [2]	4 [6]	1 [2]	-	-	2 [7]	1 [14]
(Number of regions)	(6)	(8)	(8)	(2)	(7)	(4)	(5)

The aggregate quantity of mentioned geographical names in titles largely reflects the amounts of petroleum, depicted in Fig. 1 [14]: China, 235; North America, 100; Europe, 97; Asia, 83; Africa, 70; Middle East, 38; Australia, 31; Nordic Region, 23; South America, 17; and the UK, 10.

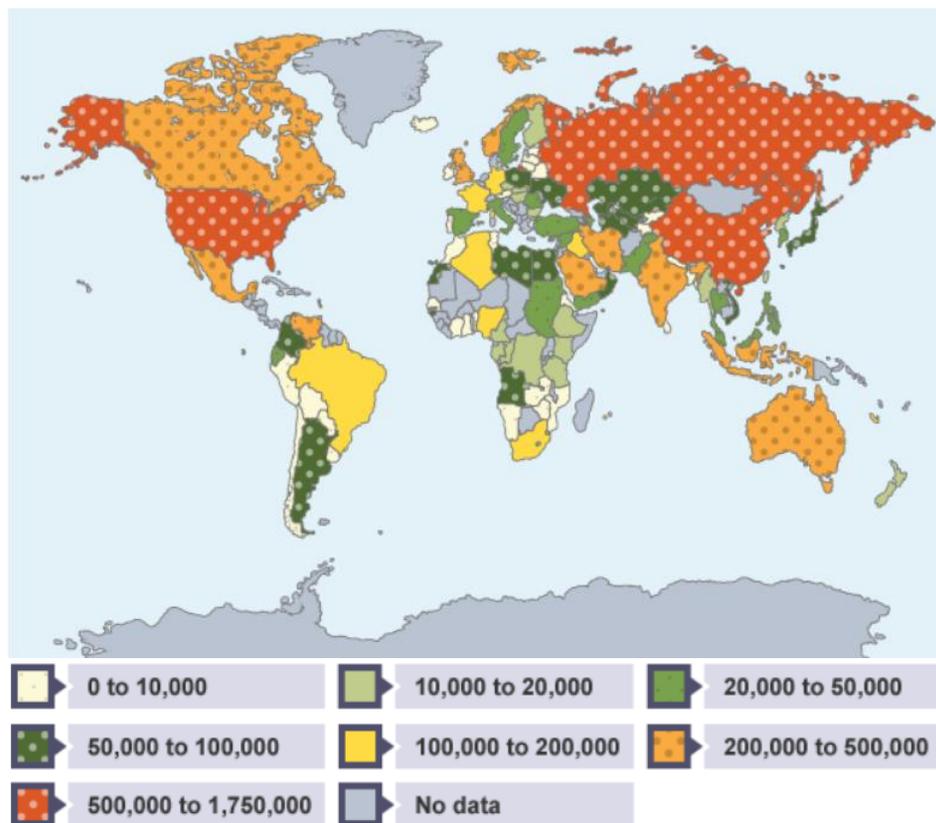

Fig. 1. The amount of oil available in different countries (thousand tons of oil equivalent)/
Рис. 1. Количество нефтяных запасов в различных странах (тысяча тонн, в нефтяном эквиваленте)

Conclusion

To summarize, research article titles on petroleum science were characterized by 15 words (107 characters) per title, on average; though actual numbers varied within a wide range: 3—34 words per title. Certain journals had consistently shorter titles (PED 94 char., JPSE 101 char., and JUOGR 102 char., on average). Words were averagely 7 characters long (JPSE — 8 char.), since they included complex technical terms and compound hyphenated modifiers.

The article titles were characterized by the prevalent number of nouns. They constituted half of all other word classes, thus preserving the nominative nature of titles. Full subject-predicate sentences were exceptionally rare, not exceeding 2%; and most of them were interrogative. Function words were half as many as nouns. Adjectives were 3 times less numerous than nouns, on average. The gerund as a non-finite form of the verb was a more frequently occurring word class (2—5%) than the infinitive. Adverbs, verbs, infinitives, abbreviations, and numbers did not exceed 1% per 100 titles. Abbreviations included cardinal directions and technical terms.

Punctuation marks were present in 96% of the titles, in general. Some of them were functionally interchangeable. Hyphens, commas and colons were the most common. Brackets and dashes were equally rare. Slashes, inverted commas, dots, pluses, per cent, and semicolons hardly ever occurred.

Geographical names were present in almost half of the analyzed article titles. They often consisted of three parts: 1) the names of reservoirs, basins, formations; 2) regions, areas, territories of petroleum occurrence; and 3) countries. The length of geographical names was 30% on average, varying between 4% and 80%. Three journals had above-average values of geographical names' length: JPG (39%), PED (37%) and MPG (33%).

The titles from three journals embraced wider geographical coverage: JPG 95%, MPG 64%, and PG 63%. Titles from JPSE, on the contrary, contained the lowest number of geographical names, only 7%. Chinese geographical places were prevalent in article titles from two journals: PED, and PS.

Generally, the quantity of article titles, containing geographical places, corresponded to the amounts of petroleum reserves in those areas. The higher the resource potential, the more article titles were devoted to those petroleum reservoirs.

Considering all the above mentioned, research article titles on petroleum science were characterized by significant average length, explained by the presence of a substantial quantity of explicit geographical names which implied extensive use of nouns and punctuation marks for specifying locations of reservoirs. In addition, multisyllabic technical terms, denoting chemical substances, physical phenomena, industry-related equipment and processes, also contributed to extended length of article titles and the average length of the constituent words. It can be assumed that long article titles on petroleum science result from specifying certain technical and geological parameters.

References

1. Ryabtseva, N.K. (2018). Academic Paper Titles and Their Dominating Patterns: a Russian-English Perspective. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 17(2), 33—43. (In Russ.).
2. Filyasova, Yu.A. (2018). News Headlines: A Contrastive Linguistic Analysis In *Proc. of the 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, 19—21 March, 2018, 5(3.1)*. pp. 333—344. (In Russ.).
3. Filyasova, Yu.A., Selenkov, A.A. & Evseeva, A.A. (2018). BBC News Headlines' Characteristics In Dolzhnikova A.V., Barabash V.V. (eds.) *Proc. of the 2nd International Scientific Practical Conference "Language and Speech in the Internet: Personality, Society, Communication, and Culture"*, 29—30 March 2018, 2. Moscow: RUDN. pp. 335—342. (In Russ.).
4. Filyasova, Yu.A. (2019). Effectiveness vs. efficiency: An analysis of valency and collocability in a technical context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 187—196.
5. Filyasova, Yu.A. (2019). Linguistic characteristics of research article titles (evidence from the Journal of Petroleum Geology) In E.A. Gorbasko (ed.) *Modern development of Russia through the prism of scientific research*. Saint-Petersburg: SPSUE. pp. 564—567. (In Russ.).
6. Fox, C. & Burns, C. (2015). The relationship between manuscript title structure and success: Editorial decisions and citation performance for an ecological journal. *Ecology and Evolution*, 5(10), 1970—1980.
7. Soler, V. (2007). Writing titles in science: An exploratory study. *English for Specific Purposes*, 26(1), 90—102.
8. Letchford, A., Moat, H. & Preis, T. (2015). The advantage of short paper titles. *Royal Society Open Science*, 2(8).
9. Jamali, H. & Nikzad, M. (2011). Article title type and its relation with the number of downloads and citations. *Scientometrics*, 88(2), 653—661.
10. Bramoulle, Y. & Ductor, L. (2018). Title length. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 150, 311—324.
11. Fedchenko, A.A. & Iseeva, L.I. (2013). Trends in Production of Oil and Reproduction Mineral Base Oil in Russia and in the World. *Journal of Mining Institute*, 205, 266—270.
12. Rempel, H. (2006). Geographical Distribution of Oil and Natural Gas Deposits — Different Means of Transportation to the Consumption Centers In *1st Pipeline Technology Conference, April, 25, 2006*. Hannover.
13. Filyasova, Yu.A., Makhno, D.A. & Shubin, A.V. (2018). Geographical Scope of Petroleum Reserves in Research Article Titles (A Sampling Analysis) In *18th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2018, Section: Oil and Gas Exploration, SGEM2018 Conference Proceedings, 3—6 December, 2018, 18 (1.5)*. pp. 109—118.
14. Global distribution of energy resources. Fossil Fuels. Oil. BBC. URL: <https://www.bbc.com/education/guides/z3pppv4/revision/3> (accessed: 24.17.2018).

Журналы / Journals

15. Journal of Petroleum Geology. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/17475457> (accessed 5 July 2018)
16. Journal of Petroleum Science and Engineering. URL: <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-petroleum-science-and-engineering> (accessed: 12 July 2018).
17. Journal of Unconventional Oil and Gas Resources. URL: <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-unconventional-oil-and-gas-resources> (accessed: 10 July 2018).
18. Marine and Petroleum Geology. URL: <https://www.journals.elsevier.com/marine-and-petroleum-geology> (accessed: 15 July 2018).

19. Petroleum Exploration and Development. URL: <https://www.journals.elsevier.com/petroleum-exploration-and-development> (accessed: 1 July 2018).
20. Petroleum Geoscience. URL: <http://pg.lyellcollection.org/> (accessed: 8 July 2018).
21. Petroleum Science. URL: <https://www.springer.com/earth+sciences+and+geography/mineralogy+%26+sedimentology/journal/12182> (accessed: 7 July 2018).

Библиографический список

1. *Рябцева Н.К.* Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17. no 2. С. 33—43.
2. *Филиасова Ю.А.* Заголовки новостей: Сопоставительный лингвистический анализ // Мат. 5-й междунар. междисц. науч. конф. по соц. наукам и иск-ву. Вена. 2018. Т. 5(3.1). С. 333—344.
3. *Филиасова Ю.А., Селенков А.А., Евсеева А.А.* Характеристики заголовков статей БиБиСи // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. / Под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М.: Изд-во РУДН, 2018. С. 335—342.
4. *Филиасова Ю.А.* Effectiveness vs. efficiency: анализ валентности и сочетаемости в техническом контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т.10. no 1. С. 187—196.
5. *Филиасова Ю.А.* Лингвистические характеристики заголовков научных статей (на материале “The Journal of Petroleum Geology”) // Современное развитие России через призму научных исследований / Под ред. Е.А. Горбашко. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 564—567.
6. *Фокс Ч., Бёрнс Ш.* Соотношение между структурой заголовка научной статьи и ее известностью: Редакторские решения и количество цитирований, на материале журнала по экологии // Экология и эволюция, 2015. no 5(10). С. 1970—1980.
7. *Солер В.* Написание научных заголовков: исследовательский анализ // Английский для специальных целей. 2007. no 26(1). С. 90—102.
8. *Лечфорд А., Моут Х., Прайс Т.* Преимущество кратких научных заголовков // Открытая наука Королевского общества. 2015. no 2(8).
9. *Джамали Х., Никзад М.* Вид заголовка статьи и его соотношение с количеством скачиваний и цитирований // Наукометрия. 2011. no 88(2). С. 653—661.
10. *Браммель Я., Дуктор Л.* Длина заголовка // Журнал экономического поведения и организации. 2018. no 150. С. 311—324.
11. *Федченко А.А., Исеева Л.И.* Тенденции изменения добычи и воспроизводства минерально-сырьевой базы нефти в России и мире // Записки Горного института. 2013. no 205. С. 266—270.
12. *Ремпель Г.* Географическое распределение запасов нефти и природного газа — различные способы транспортировки к центрам энергопотребления // 1-ая Конференция по технологиям транспортировки трубопроводным транспортом, Ганновер, 25 апреля 2006.
13. *Филиасова Ю.А., Махно Д.А., Шубин А.В.* Географический охват запасов нефти в названиях научных статей (выборочный анализ) // Материалы 18 Международной мультидисциплинарной научной Гео-конференции SGEM 2018, Секция: Разведка нефти и газа. 3-6 дек. 2018. no 18 (1.5). С. 109—118.
14. Глобальное распределение энергоресурсов. Полезные ископаемые. Нефть. // БиБиСи. URL: <https://www.bbc.com/education/guides/z3pppv4/revision/3> (дата обращения: 24.17.2018).

Сведения об авторе:

Филясова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и переводоведения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (Россия); научные интересы: лингвистика, фонетика, деловой английский язык, медиадискурс, технический перевод, педагогика; e-mail: phill.yield@gmail.com. eLibrary SPIN-код: 9503-8000

Information about the author:

Yulia Filyasova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy, Psychology and Translation Studies, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (Russia); *scientific interests*: linguistics, phonetics, business English, media discourse, technical translation, pedagogy; e-mail: phill.yield@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-9458>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
